

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФОНД
«ПАМЯТЬ МУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ»

*Архимандрит Дамаскин
(Орловский)*

ИЗ РАСКОЛА — В ЦЕРКОВЬ

Житие мученика
Алексия Зверева

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФОНД
«ПАМЯТЬ МУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ»
МОСКВА • 2019

УДК 272
ББК 86.372
Д16

*Рекомендовано к публикации
Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р19-819-0710*

Дамаскин (Орловский), архимандрит

Д16 Из раскола — в Церковь. Житие мученика Алексия Зверева. — Москва : Региональный общественный фонд «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви», 2019. — 383, [1] с. : ил.

ISBN 978-5-9905640-8-4

В этой книге публикуется житие мученика Алексия Зверева — выдающегося миссионера, члена Поместного Собора 1917–1918 годов. Житие раскрывает в полноте этапы и события его жизни — от обращения из раскола до мученической кончины. Перед читателем проходят события XIX — начала XX столетия, в чем-то внутренне сходные с событиями древности, когда рыбаки становились всемирными проповедниками христианства. Так и в XX веке сын крестьян и рабочий фабрики Алексева-Станиславского Алексей Данилович Зверев становится проповедником православия среди раскольников. В книге даются не только подробные сведения об исповеднической жизни мученика Алексия, но и о русском расколе — с исторической и богословской позиций. Читатель также сможет получить объективное представление о расколе, а также о многих выдающихся людях недавнего прошлого, например о настоятеле Никольского монастыря в Москве архимандрите Павле (Ледневе) и других, что свидетельствует о том, что и в наше время были великие подвижники благочестия, подобные древним.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

УДК 271
ББК 86.372

© Архимандрит Дамаскин (Орловский), 2019
© Региональный общественный фонд «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви», 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Булат», 2019

ISBN 978-5-9905640-8-4

Вместо предисловия

При написании жития мученика Алексея Зверева можно было бы ограничиться описанием его жизни, присоединения к Русской Православной Церкви, миссионерской деятельности, работы в составе Поместного Собора и мученической кончины. Однако было бы неразумно писать о нем и не писать, в какой религиозной обстановке он воспитывался и жил и что стало самым важным в его жизни и для него самого — о миссионерской, полной трудов и подвигов проповеди среди раскольников. Придя к Истине через слово Божие, он не мог не думать и не говорить о том, чем жил сам, — о Христе. Как не могли не говорить о воскресшем Христе апостолы, хотя бы окружающие и принуждали их замолчать, так не могли не говорить об основанной Христом Церкви, проповедуя о ней раскольникам, выдающиеся миссионеры того времени, к которым принадлежал и Алексей Данилович Зверев. Говоря о расколе и о миссии среди раскольников, невозможно не говорить об архимандрите Павле (Ледневе), настоятеле Никольского единоверческого монастыря в Москве, — великом христианском подвижнике и самом значительном тогда в России

миссионере, о котором справедливо будет сказать, что это был человек святой жизни, предпринявший ради спасения душ тысяч людей и их просвещения великие труды и подвиги, которые человеку обычно понести невозможно, если бы не благодать Божия, которая столь явственно помогала ему в его делании. Читая житие мученика Алексия, можно ознакомиться со взглядами и весьма ценными советами архимандрита Павла, которые он считал важным довести до сведения священноначалия Русской Церкви; они касались, в частности, устройства образовательных духовных учреждений, из которых выходили тогда по большей части люди теплохладные, а часто и неверующие, ставшие впоследствии открытыми врагами Церкви.

Что знает современный человек о старообрядческом расколе? Какое мнение он имеет о тех стародавних событиях и какую оценку дает им? Обычно это явление вольно или невольно рассматривается с точки зрения исключительно общественно-политической. Русский человек, не выступая против власти с использованием методов насилия, в течение последних столетий всегда был оппозиционен власти, для чего есть свои глубокие причины, о которых здесь неуместно говорить, и потому почти любое предложение власти он воспринимает критически, ставя под сомнение ее добросовестность. Предполагается, что старообрядцы были консерваторами, а сторонники исправления богослужебных книг реформаторами и новаторами, причем не рассматривается, какую цель преследовали последние и могли ли они вообще поступить иначе. Естественно, что симпатии в обществе, не знакомом с содержанием вопроса, отдаются консерваторам.

Русский раскол — это огромное явление в истории России, показавшее значительный потенциал верующего русского народа, большую и еще не растраченную

тогда его психологическую и духовную силу, возможность упорного поиска истины. Это явление масштабное, особенно если учесть, что только в XIX столетии в нем принимали участие несколько миллионов человек. Сила веры, сила упорства и упрямства многих из них была по современным меркам поистине титанической. Весьма печально, что эта сила была использована впустую, оказалась бесполезна и для этих людей, и для народа. Современному человеку очень поучительно будет увидеть, как ценили в то время люди истину, придя к ней из раскола, как ценили то, что было выстрадано и получено через скорби, и прежде всего скорби внутренние. Мы увидим, что еще до наступления политических гонений на Церковь ревностные христиане, такие как мученик Алексей Зверев, уже были жестоко гонимы от собратий-раскольников. Люди подвижнического, апостольского склада души по преимуществу не предают Христа: их вера вышла не из книг, которые до некоторой степени могут чему-то научить, но недостаточны, чтобы заменить собой жизнь и личный опыт, стать тем фундаментом, который невозможно разрушить никакой внешней силой даже и при значительной исторической буре, как о том говорит Сам Господь в притче о доме, основанном на камне. Миссионеры, подобные мученику Алексею, были закалены гонениями, которые им пришлось претерпеть от собратий и сродников, как в древности апостолы претерпели их от своих единоплеменников.

Раскол, его появление, а также действия расколоучителей представляют собой особое явление. Иные действия раскольников, знай мы о них поподробней и поближе к действительности, ужаснули бы нас. С какой иногда страстью, гневом и злобой расколоучители обрушивались

на своих идейных оппонентов, какими недостойными приемами они иногда пользовались, ведя дискуссии с теми, кого они считали своими идейными противниками. Одной из трагичных и существенно важных сторон русского раскола была та, что, отстаивая свою правоту любыми средствами, пускаясь в богословские рассуждения, раскольники начинали искажать евангельскую истину, искажать слово Божие, приходя к ложному воззрению на Божие откровение и зачастую исповедуя уже то, что называется ересью. А высказав такие суждения, они уже были не способны отказаться от них, потому что они были высказаны именно ими, и старались и далее оправдывать свои неправые суждения, формируя в конце концов некое новое религиозно-богословское вероучение, вокруг которого собирались их сторонники — какое-либо новое раскольническое, как тогда называли, согласие. Эти «согласия», враждуя друг с другом, все менее становились связанными с Евангелием и с учением Церкви, со святоотеческой традицией, которая начинала подменяться апокрифическими текстами.

Знакомясь с житием мученика Алексия, читатель увидит, как развивается раскол, как он раскалывается на различные группы. Причем процесс этот закономерен, так как в основе раскола лежат человеческие суждения, а не Божественное откровение. Думаю, что в житии мученика Алексия тема раскола раскрыта достаточно, чтобы читатель смог себе уяснить суть этого трагического явления.

*Архимандрит Дамаскин
(Орловский)*

«ОТ ТЬМЫ К СВЕТУ, ОТ ПОГИБЕЛИ К СПАСЕНИЮ»

Мученик Алексей родился в 1871 году в селе Борисове* Царицынской волости Московского уезда Московской губернии в семье крестьян Даниила Павловича и Анны Филипповны Зверевых. Село Борисово было в то время одним из самых больших сел Московской губернии. Жители его занимались огородничеством, разводили садовые и ягодные культуры, работали в канительном промысле — изготавливали серебряные и золотые нити для золотошвейных работ. В 1881 году в селе находилось девять частных производств, в которых было занято одиннадцать взрослых и четверо малолетних, а также наемных рабочих — взрослых тридцать два человека и малолетних — тридцать¹. В ста двух домохозяйствах изготавливали гильзы для папирос; здесь работало около двухсот женщин и детей². Тринадцать человек занималось размоткой хлопчатобумажных нитей и двести десять человек другими промыслами³. Однако главным промыслом жителей села Борисова в начале XX века стало выращивание на продажу в Москву ягод и огурцов.

Около половины жителей села Борисова в начале XX столетия принадлежали к раскольникам, которые

---

* Ныне находится в черте Москвы.

появились здесь в начале XIX века, когда значительная часть его жителей отпала от Церкви, что было отчасти связано с активизацией в то время движения раскольников на Рогожском кладбище, а с рогожскими раскольниками у борисовцев были тесные торговые связи. То, что уход из Церкви в раскол стал массовым спустя двести пятьдесят лет после его возникновения, уже само по себе свидетельствовало о значительном неблагополучии, бывшем тогда в Российской Церкви, включенной в то время в состав государственной структуры.

Родители Алексея принадлежали к белокрыницкому противоокружническому согласию, которое не приняло «Окружное послание» лже-архиереев Белокрыницкой иерархии 1862 года⁴, небезосновательно подозревая, что настоящая цель его издания была показать лишь внешне свою преданность государственной власти и так избежать притеснений. Авторы послания заявляли, что нужно молиться за царя, то есть что они уже не считают его антихристом и не утверждают, что в Русской и Греческой Церквях иному богу веруют и поклоняются, исповедуя под именем Иисуса не Христа, а антихриста; оба эти положения шли вразрез с учением основателей раскола и поэтому были отвергнуты большинством старообрядцев. После обнаружения «Окружного послания» и возникновения нового раскола стали делаться попытки преодолеть его и достичь компромисса между окружниками и противоокружниками, для чего стали созываться соборы; некоторые «епископы» то признавали это послание, то не признавали его. К началу XX столетия противоокружники разделились на три враждующие между собой и окружниками, имевшими центр на Рогожском кладбище, течения: иосифовцев, даниловцев и йовцев, именующих себя по именам возглавлявших эти течения «епископов».

Троицкий храм в селе Борисове, 1880-е годы

Успех в селе Борисове раскольников продолжался до тех пор, пока в 1859 году в храм не был назначен священник Николай Смирнов. Приход в это время был крайне беден, православных прихожан было всего пятьдесят дворов, и отец Николай получал тогда жалованья сто рублей в год. Небольшой, построенный из белого камня Троицкий храм находился в аварийном состоянии: свод в куполе треснул и трещины разошлись во все стороны, скромный крашеный иконостас от сырости потерял сколь бы то ни было привлекательный вид, каменный пол выкрошился, тесовая крыша в притворе пришла в столь ветхое состояние, что не могла уже служить дальше своему назначению. В ненастную погоду в храме стоял пронизывающий холод, так что иной раз невозможно было совершать богослужение. Ограды не было, из-за низкой колокольни звон

*М^оц^ь п^ри М^ск^вс^кий "л^во^е
(Д^оздов)*

колоколов в некоторых домах был едва слышен. Вид храма производил самое жалкое впечатление. Отец Николай стал убеждать прихожан в необходимости строительства нового, теплого храма, но церковных денег было так мало, что строительство немислимо было начинать. Искать пожертвования надо было на стороне.

В 1862 году отец Николай получил благословение митрополита Московского Филарета

(Дроздова) на сбор средств для постройки нового храма. Он поместил объявление о сборе пожертвований в газетах, и затем сам отправился в Москву собирать деньги на строительство. К 1868 году была собрана достаточная для начала строительства сумма, и отец Николай обратился к прихожанам, чтобы они выбрали место для храма, и те выбрали место у южной стороны существующего храма, недалеко от пруда. Однако, когда начались работы, прихожане стали возражать, говоря, что это место неудобно по причине близости воды. От предложения возводить храм на своей земле они категорически отказались, заявив, что если уж отец Николай затеялся со строительством церкви, то и строить должен на своей усадьбе, рядом со своим домом. Начавшееся строительство продвигалось

медленно, так как жившие в селе раскольники всячески этому препятствовали; жители, например, пообещали собрать деньги дополнительно — и не собрали, должны были дать подводы для перевозки строительных материалов — и не сделали этого. Но, несмотря на все препятствия, храм был построен и в 1873 году освящен. В 1891 году была надстроена и укреплена колокольня. Все строительные работы были завершены полностью в 1895 году.

Важным делом для отца Николая при служении в Борисове стало обучение крестьянских детей грамоте. В 1862 году он открыл в своем доме школу грамоты, которая, благодаря его хлопотам, получила в 1875 году статус земской школы, где он стал преподавать Закон Божий. Впоследствии, дополнительно к земской школе, была открыта церковно-приходская школа. Детей раскольников, кроме того, учила грамоте в своей избе «читалка»; дети обучались по Псалтири и Часослову, за выучку учительница брала от трех до десяти рублей в год, в зависимости от материального достатка родителей. Девочки-ученицы впоследствии становились «читалками», участвовавшими в проведении служб.

Первое отдельное помещение для земской школы было арендовано за триста пятьдесят рублей, на эти деньги оплачивалось отопление и работа прислуги. Через три года из-за тесноты и ветхости помещения школа была переведена в новый дом, снятый за сто восемьдесят рублей, без отопления и квартиры для учителя. Вскоре дом понадобился самому владельцу, и в 1881 году пришлось снять другой — за триста пятьдесят рублей, с отоплением и сторожем. Школу посещали дети из села Борисова, деревень Братеево и Зябликово, в которых было в то время триста двадцать дворов. Здание, приспособленное под школу — деревянное, одноэтажное, крытое железом, было

холодным, тесным и душным. Классная комната была всего одна, и преподавание велось сразу двумя учителями одновременно. Учебных пособий почти не было. Устроенная усилиями ревностного пастыря школа красноречиво свидетельствовала об отсутствии заботы правительства о народном образовании, когда оставалось уповать лишь на помощь Божию и подвиг мужественных и бескорыстных людей, таких, как священник Николай Смирнов, прослуживший в общей сложности в Троицком храме тридцать восемь лет*.

За несколько месяцев до смерти, последовавшей в 1913 году, зная, что приближается конец его земной жизни, он написал духовное завещание и слово, обращенное к прихожанам, которое было прочитано при его погребении.

«По преставлении прошу совершить отпевание исто-во, ничего не пропускать, громко, внятно и обнести кругом церкви трижды и схоронить под церковью или колокольней.

Покрыть гроб — простой, сосновый — новым белым покровом не дороже двухсот рублей и положить без камиллавки. <...>

Кто будет служить за упокой сорокоусты, тому заплатить по сороку 40 рублей** и в церковь шесть рублей, а в Москве каждому причту дать по десяти рублей и в церковь по два рубля. <...>

---

* Всего отец Николай прослужил священником пятьдесят пять лет. Когда он вышел за штат, в Троицком храме стал служить его зять, священник Василий Богоявленский. Четыре года отец Николай служил здесь сверх штата, а затем перешел в Петропавловский храм в Куманинской богадельне московского купеческого общества. В 1908 году он, будучи уже очень немощным, ушел на покой.

** Так в тексте.

Прихожанам собрать обед и совершенно без вина.
<...>

Детки милые! Завещаю вам служить Господу Богу всегда с живой верой, искренней любовью и несомненной надеждой! Чтобы встретиться всем с небесною радостью. <...>

На прощание оставляю всем свое сердечное слезное духовное завещание и усердно прошу прочесть его в заключение толково, громко, чтобы все до единого слышали и поняли меня многогрешного! <...>

Оставляя земное странствование, я искренно и несомненно верую во единого истинного Господа Бога, в Троице Святой славимого, Отца и Сына и Святого Духа, и в Пречистую и Преблагословенную нашу Владычицу Богородицу, Приснодеву Марию, и всех святых угодников Его, и их святыми молитвами спаси нас, Боже!

Верую и во все догматы, учение Православной Церкви, как утвердили и заповедали содержать их на Вселенских Соборах, что и всегда я заботился внушать и содержать своим прихожанам, чтобы предстать с ними пред Небесным Владыкой, Иисусом Христом Богом, с добрым ответом.

Всем сердцем и душою славлю, хвалю и благодарю Тя, Господа Бога, Создателя и Спасителя нашего, что даровал мне, недостойнейшему всех, послужить у святого престола Своего во иереях Божиих и приносить за всех святые жертвы Тела и Крови <...>.

Но паче всего славлю, хвалю и величаю Господа Бога, в Троице Святой славимого, Отца и Сына и Святого Духа, и Пречистую Богородицу и святителя Христова Николая, что возбудил и помог соиздидить с боголюбивыми жертвователями вместо старого, ветхого новый благолепный храм во славу святую Свою и на молитвы. Утверди, укрепи

и сохрани его на многие лета, чтобы Святое Имя Твое прославлялось в нем во веки! И создателей, и жертвователей его помяни и всели во Царствии Твоем!

В числе прихожан моих было немало старообрядцев, отделившихся от Христовой Православной Церкви, и они слышали любвеобильный зов мой, зовущий их в Христову Церковь. И слава и благодарение Господу Богу! Благодарные из них послушались гласа моего и присоединились к Святой Христовой Церкви!

Но другие остались глухи к зову моему. Но Он, Сердцеведец, ведает, что глас мой к ним был всегда от искренней любви и сердца. И если не пожелали они откликнуться на него, то на то была их воля. Не осуждаю их, но сердечно жалею. <...>

Но при этом напомнились мне немощи мои — и по ним Христа ради прошу прощения у них, в чем недомыслил обращения их. Должность иереев Божиих — превысокая, равноангельская, и, чтобы исполнить ее, — нужна и ревность их. Когда же по немощам своим и по нуждам семейным я слабо исполнял ее, то, Премилосердный, восполнил ее Своею всещедрою благодатию и очистил любовью. Да будут жертвоприношения мои Тебе благоугодными и молитвы в воню благоухания.

Подходит очень грозный день и час, в который аз, многогрешный и блудный, должен предстать пред Тобою — Владыкою нелицеприятным и Господом всех с ответом. О Премилосердный и Всеправеднейший Судия Господи! како предстану и явлюся Лицу Твоему? Не вем и ужасаюсь. Но, надеясь на множество щедрот и благоутробия Твоего, — молю: прости все согрешения мои, вольная и невольная!

Сердечно молю и прошу и всех вас — прихожан моих и ближних простить меня во всем, в чем согрешил

пред вами словом, делом и помышлением! Как и я всех прощаю, по заповеди Христовой.

Ты, Всемилостивый Господи, всем грешникам хочещи спастися и в разум истины приити, и на лоне Твоем уже премногое множество покаявшихся у Тебя покоятся, — прими и меня, студного, да славлю и прославляю Тебя во веки веков!»⁵

Перед смертью отец Николай долго и тяжело болел, и в ночь после престольного праздника, на Духов день, он, взмолившись к Богу, сказал: «Господи, прекрати мои страдания, как Ты прекратил страдания праведного Иова и других мучеников. Я прошу прощения у всех и сам с любовью прощаю всех; прошу всех молиться обо мне, — Господи, возьми душу мою в Свои пречистые руки»⁶. И с этими словами предал Господу душу.

После кончины отца Николая его сын, диакон Александр Смирнов, написал о нем: «Вскормившая его нужда и бедность, неустанный труд, очевидно, измлада, очистили и возвысили его натуру, воспитали сердце в евангельской простоте и помогли ему овладеть дивным достоянием непоколебимой веры в Бога и Его Святой Закон, растворили все его духовное существо нежной, безграничной любовью к людям — и он твердой поступью шел впереди

Н^у дг^о б^и е св^ящен^н а Н^и л^ь
См^о н^и ва в к^о п е Т^о " ^ ^ й
е^о ви

как светлый образец веры и упования на Бога, как живой урок строгой нравственности, как неумолимая проповедь терпения, смирения, честности, любви, самоотвержения.

Искренностью, миролюбием, сердечной добротой он покорял тех, кто не хотел признавать его авторитета как служителя Христа; своим смирением, кротостью обуздывал неразумие, сокрушал упрямство ненавистников; любовью к делу, настойчивостью вызывал сочувствие, потому что в пастырском делании им руководили совесть, правда, любовь; он не начальством, не властью был для пасомых, а добрым, сердечным отцом, благовременно и безвременно поучающим своих духовных детей жизни во Христе»⁷.

После ухода отца Николая в заштат порядки в учрежденной им земской школе переменились; пришедший сюда преподавать учитель был настроен крайне антицерковно — он понуждал детей учиться в престольный и большие церковные праздники и тех, кто не приходил в эти дни в школу, сурово наказывал. Духовенство и прихожане стали выражать недовольство тем, что в школе напроочь отсутствует дух церковности и дети не приучаются к церковному чтению и пению⁸. И тогда в селе Борисове была открыта церковно-приходская школа, которая благодаря своему попечителю, ктитору храма крестьянину Федору Трофимовичу Немову, получила прекрасное здание; в ней было организовано обучение церковному пению и устроена библиотека, насчитывавшая более шестисот пятидесяти книг духовно-нравственного содержания. В школе, кроме основных предметов, мальчики обучались переплетному делу, а девочки рукоделию. Учительницей в школе стала Мария Николаевна Богоявленская, дочь почившего настоятеля Николая Смирнова, супруга нового настоятеля храма, священника Василия Ивановича Богоявленского⁹.

Особое внимание при обучении детей в школе священник Николай Смирнов уделял детям раскольников, знакомя их с учением о православной вере, и с Божией помощью добился в этом успеха¹⁰.

Отец Николай писал о присоединении к Церкви Алексея Зверева и его родных: «В обращении их видимо действовал Промысл Божий, так что невольно сознаешь, что, как во время святых апостолов Господь промышлял о спасении искренно желающих себе спасения, например Корнилия сотника, хотя этот был язычник, и Савла — еврея, хотя этот был жестокий гонитель христиан, но, видя в них искру ко спасению, призвал к Себе, — так и Зверевых призвал в Свою православную веру, видя в них искреннее расположение ко спасению»¹¹.

Сам Алексей так вспоминал о своем присоединении к Православной Церкви: «Родители мои, Московской губернии и уезда, села Борисова, были старообрядцы, принадлежали к так называемой противоокружнической секте. На седьмом году от рождения родители меня отдали учиться грамоте в сельское училище, где каждое утро читали и пели молитву. Поэтому, когда я отправлялся в школу, родители мне говорили: „Ты смотри, не молись тамо, — грех с еретиками молиться!“ Скоро я выучился порядочно читать. Читаю, бывало, что-нибудь из Священной истории: домашние с удовольствием слушают, но при этом часто добавляя: „Вот теперь тебе бы выучиться читать "канун", а это ведь книжки гражданские, их, говорят, и читать-то грех“. В воскресный или в другой какой праздничный день мать моя брала меня на „службу“ в деревню Курьяново*, в которой есть противоокружническая молельня во владении крестьянина Руннова. Служили без попа, с одним

---

* Ныне находится в черте Москвы.

уставщиком Егорычем, как его называли все. Этот Егорыч был родом гусяк, нетрезвой жизни, однако раскольники его считали великим „начетчиком“. В 1893 году он помер от холеры. У нас же в селе Борисове собирались на моление раза три, много четыре в год у крестьянина Степана Иванова Голованова, родного дяди моей матери, и то без попа; поп приезжал только один раз в год, Великим постом, чтобы исповедать и причастить своих прихожан-раскольников, — и все это делал в одну ночь. Случалось мне приходиться в моленную несколько времени ранее „начала“: мужики сидят на лавках впереди, а женщины сзади; помолвившись — три поклона на иконы, потом, поклонившись направо и налево народу, сядешь возле мужчин послушать их разговоров. Разговаривали обыкновенно о разных житейских делах, но уже почти всегда договорятся до Православной Церкви и станут всячески унижать ее пред своим раскольническим обществом: называют ее еретическою, овощным хранилищем и другими хульными именами. А иногда приходилось слышать и такого рода разговор: „Уж сколько нас стало согласий-то, и не перечесть! Господь знает, где и истина-то пребывает!“ Все это слыша, я не мог не задумываться о том, где же действительно находится созданная Господом Церковь. Я знал уже, что истинная Христова Церковь должна быть одна, а у нас, в одном селе Борисове, насчитывалось четыре раскольнических общества, и каждое общество именует себя церковью. У нас больше окружников и противокружников, но есть и беспоповцы и беглопововцы.

Своих старопечатных книг у нас в доме, по бедности, не было, поэтому почитать что-нибудь божественное приходилось по гражданским (как их называли у нас) книжкам, которые очень охотно давал нам сельский священник отец Николай Смирнов. Он имел у себя довольно книг

противораскольнического содержания, как то: „Истинно древняя Церковь Христова“ — митрополита Григория¹², сочинения архимандрита Павла, „Братское слово“¹³ и другие, которыми и снабжал нас. Мое убеждение о сих книгах таково, что кто их прочтет со вниманием и беспристрастно, тот в расколе не может оставаться, но поспешит скорее вступить в лоно Православной Греко-Российской Церкви, ибо эти книги доказывают истину Греко-Российской Церкви и лжеучение раскольников очень ясно, основываясь на уважаемых старообрядцами так называемых старопечатных книгах. Читая эти книги, и я начал все более и более сомневаться о своем в расколе состоянии. Я так занялся чтением этих книг, что не пропускал ни одного почти дня без чтения, несмотря на замечания хозяина (старообрядца), у которого я работал. Итак, читая книги, я пришел к твердому убеждению, что созданная Господом Церковь, в которой только и возможно спасение, есть Греко-Российская, которую раскольники так беспощадно поносят и хулят. Раскол же мне до того опротивел, что я редко стал ходить в моленную, — ходил же иногда для того только, чтобы избежать подозрения со стороны родителей, так как они уже стали подмечать во мне расположение к Православной Церкви и отвращение от раскола. Однажды я задумал побывать за богослужением в православном храме, но, чтобы избежать препятствия со стороны родителей, сказал им, что иду в деревню Новинки в моленную. Пошел же в село Дьяково*, стоящее на пути к деревне Новинкам. Здесь, подойдя к православному храму, я остановился: не знал, что делать: идти в храм было как-то страшно. Однако, немного оправившись, вошел, и, как только увидел священника и диакона, вышедших на литию (это было

---

* Ныне находится в черте Москвы.

на праздник Сретения Господня, в утреню), меня объял какой-то страх и я невольно остановился. Успокоившись и собравшись с духом, пробрался вперед и в первый раз помолился вместе с православными и в православном храме. Отстояв утреню и литургию, я вышел из храма с чувством сердечного умиления и искреннего желания присоединиться к Православной Греко-Российской Церкви. С тех пор я стал чаще и чаще ходить в православные храмы, несмотря уже на угрозы родителей; особенно часто ходил в Николо-Угрешский монастырь, находящийся от нашего села Борисова верстах в семи. Свое желание присоединиться к Православной Церкви я иногда высказывал своим родителям, но они с бранью и угрозами набрасывались на меня, называя еретиком, щепотником и тому подобными именами. Однажды я говорю им: „Какая у нас истинная церковь, когда в нашем обществе не было сто восемьдесят лет ни одного епископа? Ведь с лишением епископства не могло быть и таинства Священства, или Хиротонии, — вернее, не могло быть и всех семи церковных таинств, столь необходимых в Церкви Христовой, что "без них, говорится в Большом катехизисе¹⁴, яко без известных посредств, и онаго крайняго блажества сподобитися не можем". Что без епископа не может быть ни одного таинства, это ясно видно из 39-го правила святых Апостол, где говорится, что "презвитеры [или диаконы] без воли епископа своего да не творят ничтоже, тому бо суть поручены людие Господни", и из слов святого Симеона Фессалоникийского, который говорит: "кроме архиереа ниже жертва, ниже иерей, ниже жертвенник весма: убо вся сия чрез архиереа суть"¹⁵. Родители на это сказали мне: „Что же, по-твоему-то, неужели истина-то у церковных? С нами ты ловок говорить, а вот попробовал бы поговорить с Егорычем или с печатниковским

Василием Ивановичем Хромым*. (Этот Василий Иванов, здоровый мужчина пожилых лет, но совсем не владеет ногами, по избе движется ползком, а вне избы на тележке, устроенной нарочито для него. Однако он сидя отправляет в своей молельне утреню, вечерню и часы.) Они бы тебе доказали, где истина-то пребывает“. Я сказал: „Если вы желаете, я не откажусь с ними беседовать!“ И вот на другой день, 7 января, мы отправились вдвоем с матерью в деревню Печатниково (верстах в восьми от села Борисова) к Василию Ивановичу Хромому. Кстати сказать, в этой деревне живет противоокружнический поп Аким, последователь „епископа“ Иова, но Василий Иванович к нему не ходит, а служит в своей маленькой молельне сам: утреню, часы, вечерню и имеет последователей. Для исповеди же и причастия он со своими единомышленниками ходит к другому попу, Василию, последователю „епископа“ Иосифа Керженского, проживающему в деревне Нагатиной. Упомянутые два попа Аким и Василий жили прежде дружно, но вот уже несколько лет разделились из-за каких-то метрик и живут в великой вражде — считают друг друга еретиками. Наши борисовские раскольники-противоокружники все ходят (за исключением двух или трех семейств) к нагатинскому попу Василию.

Приехавши в деревню Печатниково, мы вошли прямо в моленную и застали там упомянутого Василия Ивановича, также несколько женщин-старушек, пришедших за „часы“, — это было на праздник святого Иоанна Крестителя. Поздоровавшись, мы объяснили Василию Ивановичу о цели нашего к нему приезда. Первые слова его были: „Еще ты молод (мне было тогда двадцать лет) разбирать глубину-то морскую“, то есть Священное Писание.

---

* Василий Иванович Хромов.

Я попросил его разрешить мое сомнение о безблагодатности старообрядческого общества, остававшегося около двухсот лет без епископа, тогда как истинная Церковь Христова „без епископа быти не может“. При сем я указал ему на слова Кирилловой книги¹⁵, где говорится: „Христос не по Ааронову временнаго, но по Мелхиседекову вечнаго чина прииде, архиерей вечных благ. И якоже сам никогда не умирает, такоже и иерейство Его по чину Мелхиседекову не престаёт, якоже пишет: "Ты еси иерей вовеки по чину Мелхиседекову"¹⁶. Престало тогда архиерейство Аароново, яко временное, восстало же Христово, вечное, иже из мертвых восстав, апостолов Своих на се освяти хиротониею, еже есть руковозложением“ (Кир. кн., л. 77). Привел и из „Книги о вере“ слова, что Господь „обетование сотвори пребывать им (епископам) до скончания века“ (л. 59 об.). Василий Иванович ответил, что это бывшее у них оскудение епископства Господь попустил „грех наших ради!“ Я сказал: „Не могло этого быть, чтобы Господь попустил разрушиться Церкви (уничтожением епископов), когда Он Сам обещал сохранить ее от всех вражеских нападений, так что "врата адовы не одолеют ей" (Мф. 16, 18). Разве может Господь изменить Своему обещанию? Это непростительно и смертному человеку, а о Боге страшно так и помыслить! У Бога не изнеможет всяк глагол“. Он сказал: „Неужели теперь, по-твоему, истинная-то Церковь Христова у никониан? Они и перекреститься-то как следует не умеют, и крестятся-то "щепотью", а вот посмотри-ка, как святые отцы учат о кресте-то!“ Раскрыл Кириллову книгу и прочитал из нее о двуперстном сложении известное слово под названием „Феодоритово“¹⁷, где повелевается „два перста, вышний да средний, великий, вместе сложити и простерти, великий же перст имети мало наклонно“ (л. 180 об.–181). Я взял у него книгу, переложил

три листа и прочитал о том же перстосложении на 184-м листе, в слове Максима Грека, где проповедуется протяжение двух перст — „долгого и средняго“, а о наклонении перста ни слова не говорится. Прочитавши это, я сказал: „Вот видите, дядюшка Василий, в одной и той же книге говорится о перстосложении различно: в одном месте велено один из двух, великий, перст "имети мало наклонно", а в другом — оба перста протянуть, о наклонении же перста ни слова не говорится. И выходит, что как вы персты ни слагайте, все окажетесь слушниками этой книги! Во всем следуя слову Феодорита, не будете следовать Максиму Греку и обратно“. Он ответил: „Здесь нет никакого различия в перстосложении, а только Максим Грек о наклонении перста умолчал“. Я сказал: „Если бы это было важно для нашего спасения, то умалчивать об этом такому ученому мужу, как Максим Грек, никак не должно бы, а если "он умолчал", то этим самым ясно показал, что перстосложение, какое бы оно ни было, для спасения человека не важно. Важны здесь не персты, так или иначе сложенные, а учение, соединенное с перстосложением, — учение о Святой Троице и двух естествах во Христе; но учение это одинаково у крестящихся двуперстно и троеперстно, поэтому и говорить много о различии перстосложений не следует“. Василий Иванов с запальчивостью сказал: „У вас всё не важно! У вас в книгах-то и убавлено, и прибавлено — и всё не важно!“ Я ответил: „Если бы вы в книгах Православной Церкви нашли неправое учение о вере, не согласное со словом Божиим, тогда бы это было действительно важным делом, а когда та или другая православная мысль выражена в различных словах, это, конечно, не важно! Посмотрите, например, в Евангелии, — там святые евангелисты Матфей и Лука передают одну и ту же молитву Господню "Отче наш" различными словами (у Матфея в 6 главе,

а у Луки в 11)“. Он взял Евангелие и говорит: „Это может быть в никоновском Евангелии две молитвы, а у нас одна!“ И, не давая мне в руки Евангелия, начал сам быстро перелистывать его. Нашедши молитву Господню у евангелиста Матфея, он прочитал ее, потом, перевернув несколько листов и как бы не находя молитвы Господней у евангелиста Луки, сказал: „Это у вас две молитвы, а у нас одна!“ И, закрыв книгу, добавил: „Пора начинать часы!“ Положили обычный у старообрядцев „семипоклонный начал“*. Пришедший в это время молодой мужчина начал читать часы, испросив предварительно благословения у Василия Хромого и поклонившись с „подручником“** ему в ноги. После „часов“ мы стали собираться домой, а Василий Иванович, взявши Кириллову книгу, сказал: „Возьмите-ка, почитайте дома; вы здесь увидите, как святой Кирилл Иерусалимский учит о святом посте и как надо поститься-то, — не как у еретиков никониан!“ Взявши книгу, мы отправились домой, а он вслед нам опять повторил: „Молод, молод еще разбирать глубину-то морскую“.

После этой поездки к Василию Хромому я еще усерднее принялся за чтение противораскольнических книг и продолжал ходить за ними к священнику отцу Николаю»¹⁸.

«Так, упражняясь в чтении, — вспоминал отец Николай Смирнов, — он наконец приходит ко мне перед праздником Сретения и говорит почти со слезами:

— Батюшка! Я много читал книг, узнал догматы и учение Православной Церкви, понял и заблуждения раскола,

---

* Начало и конец последований в старообрядческих общественных и личных молитвах среди прочего содержат семь поклонов.

** Квадратный коврик-подушечка, употребляемый старообрядцами при земных поклонах для чистоты рук.

не могу долее держаться в нем, желаю всей душой принадлежать к Православной Церкви, — помогите, пожалуйста, мне перейти в нее.

— Очень рад твоему желанию. Слава Богу, что Он дал познать тебе истину Свою! Будь тверд в своем решении и постарайся привести его в исполнение! Только вот что: как твои родители? Говорил ты им об этом? — спросил отец Николай.

— Нет, не говорил.

— А что они, каковы?

— Да ведь знаете вы, что они закоренели в своих убеждениях и ни за что не согласятся оставить их.

— В таком случае тебе здесь, в нашей церкви, присоединиться нельзя: узнают про твое намерение, придут с озлоблением и могут произвести возмущение; тогда тебе будет печаль и смущение. Лучше — вот тебе пока еще книга „Православный катехизис“¹⁹, прочитай его хорошенько, а я напишу письмо с тобой в Москву к отцу протоиерею Иоанну Виноградову с просьбой принять в тебе участие, и он тебя присоединит»²⁰.

«Я согласился, и пошли мы к отцу Иоанну с товарищем (тоже старообрядцем) Василием Васильевичем Головановым, — вспоминал Алексей Зверев. — Это было 2 февраля 1891 года, на праздник Сретения Господня. Я подал отцу Иоанну письмецо, врученное нам отцом Николаем, в котором значилось, кто мы, откуда и зачем пришли. Прочитав письмецо, отец Иоанн пригласил нас в свою комнату, обласкал нас и долго беседовал с нами о Церкви по старопечатным книгам. Слушая его, мы чувствовали, что он от всей своей души желает нам спасения. После этой беседы я окончательно решил присоединиться к святой Православной Греко-Российской Церкви; тогда же значительно изменил свой взгляд на Православную Церковь

и мой товарищ В. В. Голованов (он присоединился к Православной Церкви 1893 года 28 февраля). Присоединиться в своем сельском храме я не решился, ибо за мной строго следили мои родители, поэтому стал просить присоединить меня все того же отца Иоанна. Получив известие о его согласии совершить мое присоединение 10 февраля 1891 года, я 9-го числа отправился с одним сочувствующим мне православным человеком в Москву; родителям же сказал, что еду в деревню Печатниково возвратить Василию Хромому Кириллову книгу. В церковь преподобного Сергия, что в Рогожской, мы успели ко всеобщей, которую совершал отец Иоанн. Я сейчас же дал ему о себе знать через псаломщика. Отслуживши всеобщую, отец Иоанн ласково меня встретил, и тут я в первый раз исповедовался в грехах перед православным пастырем. На другой день, после ранней литургии, при множестве народа, был совершен надо мною чин присоединения через святое таинство Миропомазания отцом Иоанном, а за поздней литургией Господь сподобил причаститься Святых Животворящих Таин. И исполнилась душа моя радостью великой! Сей день, его же сотвори Господь, возрадуюся и возвеселюся в оны! Ибо я был мертв (душою) и ожил, шел по пути, ведущему в погибель, но Господь, не хотяй смерти грешника, вывел меня на путь спасения, которым только и можно достигнуть тихого пристанища — Царствия Божия!

Между тем родители мои уже узнали от кого-то, что я пошел не книгу снести Василию Хромому (книгу, впрочем, я действительно занес), а присоединиться к Православной Церкви — в Москву. Возвратившись, я попросил батюшку отца Николая пойти со мной к моим родителям и успокоить их. Не успели мы с батюшкой взойти за порог нашего дома, как кинулась на меня мать <...>, схватила меня за волосы и таскала до тех пор, пока не устала и не

повалилась на постель, крича в исступлении: „Что ты, еретик, надо мной наделал?! Куда ты пошел! Еретик ты, щепотник!“ и т. д., и т. д. Отец Николай старался ее успокоить, но она стала ругать и его. Я в это время из избы вышел, а отец Николай остался и продолжал успокаивать пришедшую в какое-то исступление мою мать. Тут возвратился домой и отец, — слышу, и он стал батюшку бранить и кричать на него. Но мало-помалу батюшке все-таки удалось несколько успокоить их. Он вышел из нашего дома уже около одиннадцати часов вечера. Простившись с батюшкой и поблагодарив его за участие ко мне, я отправился ночевать к своему товарищу. И так дня четыре ночевал я кое-где у соседей, а питал меня в это время отец Николай, — дай Бог ему здоровья! Он меня успокаивал и ободрял, приводя из Священного Писания соответственные моему положению места. На пятый уже день, утром,

Церковь в предбанье Семеновской в Петербурге с колокольней

я решился идти к себе домой, но мать, завидя меня в окно, заперла изнутри дверь и не пустила; однако, сжалившись, прислала за мной брата на фабрику, где я работал, звать меня домой обедать»²¹.

«А на другой день — еще гонение: хозяин-раскольник отказал ему в работе на фабрике, — вспоминал отец Николай. — Что делать?! Тогда я опять написал письмо отцу Иоанну, в котором просил его продолжить к нему свое участие. Отец Иоанн просил фабриканта господина Шамшина* принять Алексея Зверева на свою фабрику по тому же ремеслу. Алексей поступил — и жизнь его совершенно изменилась: работая на фабрике Разказова в Борисове, Алексей только и слышал одни укоры православию, проклятия святой Церкви и ее пастырям или сквернословие и брань на мастеров, — у Шамшина же увидал благочиние, скромность, чтение книг из библиотеки, хождение к богослужению своевременное, трезвую жизнь, любителей церковного пения. Тут не то что возмущаться от чего-нибудь — от укоров родителей, или от брани соседей, или сквернословия хозяина, но только исполняй честно свое дело, ходи к богослужению в праздники, читай Священное Писание. Алексей так и начал жить и радовался, и благодарил Господа Бога от души.

Но дома остались его родные, кровные, которых ему нельзя было не жалеть, — и он жалел их так, как подобает истинно любящему сыну. Он стал из Москвы навещать их, сначала с осторожностью, потом чаще и чаще. Когда гнев родителей не утихал, он молчал; когда же родители стихали, он подавал свой голос, сначала понемножку,

---

* Александр Иванович Шамшин (1853–1924) — потомственный почётный гражданин, гласный Московской городской думы, банкир и домовладелец.

потом более и более. Брал у отца Иоанна и у меня книги, стал почитать их тоже сначала про себя, потом в полголоса и вслух; когда же родители приказывали замолчать, он молчал. Так продолжалось года три. Наконец у него накопилось книг уже сундучок. И сколько раз мать порывалась сжечь этот ненавистный ей сундучок! Топит, бывало, печку, готовит кушанье одна, а все родные в поле или в саду на работе; взойдет ей в голову — как сын ее разбирает,

“о, „ерей
, „нн’ ин, г°д, в

жают, доказывая из своих книг будто бы много заблуждений в излюбленной ими „старой вере“. Вот она и подойдет к проклятому сундучку, с гневом возьмет его и идет к огню: „В нем все горит, сгоришь и ты!“ Но на минуту-другую остановится, подержит в руках и раздумается: „Эти сожгу, ведь других ему дадут!“ И заплачет, заплачет, и опять пойдет и положит сундучок на свое место. „Дивлюсь я, говорит сейчас она, сколько раз я порывалась сундучок его сжечь — да все какая-то невидимая сила меня от того отталкивала: возьму, хочу бросить — и опять ворочусь, поставлю, заплачу, а не сожгу“.

Дивное дело! Топит печь одна, сама — хозяйка; что ни сделай, никто не смеет запретить ей, притом все родные — мать-старушка, муж и дети — все на ее стороне и против ненавистной им Церкви, в которую уклонился

сын, и сундучок проклятый лежит беззащитный: чего же тут бояться, взять и не сжечь его? Но несчастная мать боялась: она заплачет, а сундучок с книгами оставит»²².

19 октября 1892 года Алексей обвенчался в Троицкой церкви в селе Борисове с Татьяной Васильевной Туркиной, дочерью крестьянина села Царицына*, которой было тогда девятнадцать лет²³. Впоследствии у них родилось восемь детей, двое из которых умерли во младенчестве.

«Бог послал ему супругу богобоязненную, любящую, кроткую, уступчивую. Родители, по закоренелому предубеждению, встретили ее недоверчиво, — вспоминал отец Николай, — потом же должны были свыкнуться, освоиться, примириться и полюбить. Тогда Алексей стал чаще навещать дом и, конечно, всегда приносил в него новую книгу, новый номер „Братского слова“. Имеешь уши, поневоле должен слушать, когда читают, — стали слушать и родители чаще и чаще. Что же стало? Как вода капает с крыши и каплями долбит камень, так и чтение Алексея долбило и трогало ожесточенные сердца домашних. И сердились они, и ругали, выходили из себя, запрещали читать, вырывали, бросали книги к порогу — ничто не помогало: истина православной веры и Церкви взяла верх, и родители должны были уступить»²⁴.

«Прежде других пришла к познанию Церкви моя мать, — вспоминал Алексей. — Когда по присоединении я приходил домой и читал противораскольнические книги, она стала все более и более прислушиваться к чтению и постепенно пришла к мысли: что если и вправду на нашей стороне нет истины? Что если эта истина на стороне Греко-Российской Церкви? Ведь тогда мы погибли! Она еще успокаивала себя тем, что ссылки на старопечатные

---

* Ныне находится в черте Москвы.

книги в сочинениях, которые я ей читал, не верны, что это написано, думала она, для того только, чтобы сбить с толку молодой народ. Она мне часто говорила, чтобы я поговорил с их начетчиками по „старинным“ книгам. Вот мы однажды и отправились с ней к беглопоповцу Ивану Иванову Брыкину, проживающему в селе Коломенском* и слывущему там за „великого“ начетчика. Не буду подробно описывать эту беседу с Брыкиным, скажу только, что она длилась около пяти часов кряду и что эта беседа произвела на мою мать глубокое впечатление. Беседовали мы о том, можно ли считать святою Церковью то общество, в котором нет главы — епископа. Моя мать увидела теперь, как бессильны „начетчики“ доказать мнимую правоту старообрядчества из своих же „старопечатных“ книг! Вместе с тем она убедилась и в том, что ссылки, находящиеся в противораскольнических книгах, вполне справедливы, ибо со мной на беседе некоторые из этих книг были и Брыкин признал, что все ссылки, находящиеся в них, верны. После этой беседы мать стала относиться ко мне с доверием и никогда уже не позволяла себе говорить что-нибудь худое о Православной Церкви»²⁵.

«Поездила-поездила мать по своим наставникам, — вспоминал отец Николай, — послушала их ни на чем не основанные ответы, вздохнула несколько раз и проговорила: „Что же это такое — наши наставники ничего основательного не могут ответить, а только говорят: не ходи к никонианам, не бери и не слушай их книг, а будешь слушать и читать непременно обниконианишься. — Отчего же обниконианишься?.. Конечно, если правда на их стороне, почему же и не послушать их и не принять их православную веру? — а если бы была правда на стороне наших,

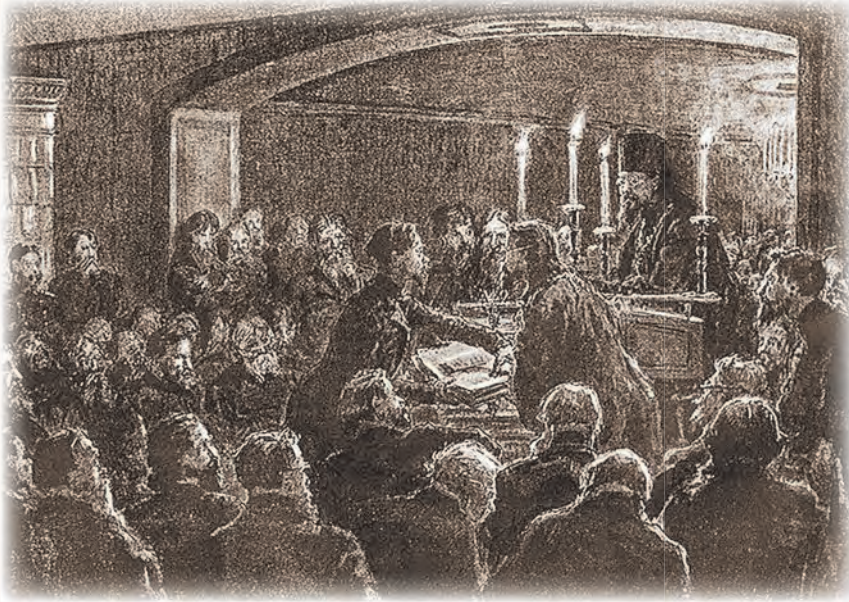
---

* Ныне находится в черте Москвы.

то неужели они не нашли бы доводов к защите нашей древней веры? А не защищают, не находят доводов защитить, следовательно, только обманывают нас, темных людей“. Такие-то жгучие мысли волновали душу несчастной матери, и она готова была стереться с лица земли, заплакаться вдоволь наедине, обесславить всех своих руководителей, в которых верила, и уничтожить Алексея — сына, поднявшего такую бурю в ее душе: „Вера, старая вера Христова, древняя, которую я так любила, за которую страдала, за которую жизнь хотела положить! Вера святая, которую с молоком матери я всосала в свое сердце, — ужели теперь только стала заблуждающейся, не спасающей, погибающей?! Что же прежде-то не говорили так про тебя? И ужели наши родители были несмысленны, когда нас благословили ею?! Куда пойду, к кому обращусь узнать правду? Вот горе-то, горе беспросветное! Что ни говорю, что ни делаю — не отступает противная мысль: "Мы старообрядцы — без Церкви, без благодати, без таинств не спасемся!" Ах, Господи, открой нам Себя! покажи истину! дай познать — где правда. Также слышишь — все говорят: <...> "Знай... добре Церковь Божию и претерпевай в ней до конца вся нападения, соборища же бесовского блюди: зане и собрание нечестивых обыче такожде нарицатися Церковью Божиею. Но ты веждь и бегай от бесовского Вавилона, сиречь от сонма злых и нечестивых людей, и примет тя Господь Бог" (Великий катехизис, гл. 25). О какой тут Церкви говорится? И какое общество называется собранием бесовским?.. Голова идет кругом и взывает сердце, слушая эти укору на нашу святую древнюю веру“... Так размышляла Анна Филипповна, и такие вопросы не отступали ни днем, ни ночью.

После ответов безгласных и темных наставников Алексей предложил матери ездить на беседы в Таганку,

*Беседа еп^са п^н "ж^н (с^н " н^н " € ед^е) " п^о " восл^{вн} г^г ду^ж вен-
с в^с с^с " °^с б^о яд^м в д^е ме • " §^н " Р^с сун^г • ... С^в " " г^о*

в дом Касичкина*, мать согласилась без спора. Побывали там раз, другой, третий — и чтения, ответы и доводы православных миссионеров поразили ее до глубины души. <...> Тут ей прямо говорило сердце: „Вот где наставляют

* Беседы проводились в Рогожской части, на Таганке, где жило много старообрядцев: сначала в доме купца Соколова (зал на триста человек не вмещал и половины желающих), затем в доме Шумова (с помещением на тысячу человек). Обычным делом тогда было участие в беседах викарных епископов Московской епархии — Мисаила (Крылова), Виссариона (Нечаева), Тихона (Никанорова). В 1890-е годы собеседования проходили в доме купца Касичкина в двух больших залах, соединенных аркой. По большей части слушателями были старообрядцы. После молитвы священник говорил с кафедры слово на тему собеседования; ближайшие места к кафедре занимали другие священнослужители во главе с епископом Можайским Тихоном; затем выступали старообрядцы-возражатели, потом снова говорил священник. Все это проходило при огромном внимании к содержанию беседы всех присутствующих.

истине! вот где раскрывают ложь! Вот те, кто истинно желают нам спасения! И не принуждают, не настаивают, а убеждают со всей любовью. Поневоле послушаешь их!“ И мать слушала, слушала и опять несколько раз ездила слушать. А слушала — тосковала, волновалась, молилась и плакала, и с лишком два года мучилась с собой. Ее ни на минуту не оставляли мысли: „Что делать? перейти или остаться, оставить свою веру или идти с Алексеем?“

Наконец приходит Великий пост 1895 года, и во вторник на второй неделе приходит она ко мне и со слезами говорит: „Что уж делать, батюшка, хочу перейти в вашу Церковь, переведи меня! Измучилась я в эти два года“. Я удивился и говорю: „Слава Господу Богу, что ты надумалась, пожелала сделать это святое дело. Будь покойна! Господь даст тебе благодать Свою: ты сама узнаешь и почувствуешь, что в нашей Церкви Божией пребывает Его благодать. Ты сама так обрадуешься, что никогда не забудешь этот святой день. Помоги тебе Господи в этом святом деле! Когда же ты хочешь присоединиться?“ — „Вот я завтра стану ходить к службе вашей, а там присоедини меня“. — „Благослови тебя Бог! Хорошо, ходи!“ И Анна Филипповна стала ходить.

Но вот в четверг встала к утрени, смотрит: и муж ее встал и собирается. Спрашивает: „Куда ты?“ Он отвечает: „С тобою хочу в церковь. Что же мне без тебя оставаться!“ Анна Филипповна от такой неожиданности заплакала. Теперь предложили они уже и детям идти с ними в церковь, и дети решились. В четверг после вечерни говорю ей: „Хочешь присоединиться у нас здесь, а то не хочешь ли, — поезжай со своими в Москву к отцу Иоанну, он присоединит вас“. <...>

Присоединились они в субботу перед обедней, и радость у всех была неописанная: у них — от чувства

благодарности и хвалы Господу Богу, что пришли наконец от тьмы к свету, от погибели к спасению, а у нас — что дал Господь вот еще нескольким душам образумиться, оставить свои заблуждения и присоединиться к святой Церкви. Слушали они молитвы присоединения — и плакали; плакали и мы, слыша вопли блудных сынов, обратившихся с раскаянием к Отцу Небесному. После всех присоединилась к Православной Церкви и старушка мать Анны Филипповны, которую сначала крепко убеждали ее сродники, но она долгое время была упорна в своем заблуждении. Дети положились на Господа Бога и Его просили о вразумлении старицы. Рука Божия так устроила ее обращение, что она, неожиданно пораженная недугом (перелом правой руки), сама изъявила желание присоединиться к Церкви, что и было совершено в Великую Субботу пред литургией. После скоро рука ее зажила <...>.

Раскольники, даже и родные, — все отшатнулись от Зверевых и прокляли их. Зверевы же заключились в себя и перекрестились, что сподобились ради имени Христова принять поношение (Деян. 5, 41). Зато чтение Священного Писания ежедневно стало и для них всех столь же обязательным, как и для Алексея.

После присоединения Анна Филипповна говорила: „Что это такое? Как только присоединились мы к святой Церкви, жизнь наша совсем переменилась. То мы жили в расколе — и брань, и гнев, и постоянная вражда, и ненависть, и частая еда, чаепитие не выходили у нас из дому. Бывало, только встаешь, сейчас и становишь самовар и не знаешь никакого порядка во весь день; а встанешь на молитву, полагаешь поклоны, а что говоришь в молитве? — сами не понимаем, что просим, грех только один! Теперь же что мы увидели?! — чистый рай. У нас в дому не стало ни брани, ни вражды, все ласково, любовно, покойно:

идем на работу — не спорим, садимся за стол — всего довольно. Господи Боже наш, никогда мы не жили так хорошо! Идем в церковь Божию — радуется сердце наше; стоим мы в ней, молимся, и молимся в радости — так бы все и молился; слушаем поучения — и от них мы просветились, точно переродились. Теперь я не знаю, как мне замолить мой грех, что я сына своего, Алексея, бранила, била, из дому выгоняла. Он желал и домогался нам добра, радости, спасения, а я вон чем ему платила! Но я, впрочем, скажу тебе, батюшка, я тогда сама не своя была, как и все старообрядцы: на глазах моих что-то лежало, что я не видела жи раскола“»²⁶.

Алексей считал своим духовным отцом протоиерея Иоанна Виноградова²⁷. На день пятидесятилетия его служения в священном сане настоятель храма Симеона Столпника на Николоямской улице, протоиерей Владимир Беневоленский*, так охарактеризовал его многолетнюю деятельность: «Почти с самых первых лет своего служения в Москве отец Иоанн не ограничивается одними приходскими обязанностями, но ищет более широкого круга для своей деятельности, он хочет приблизиться к высшему образцу евангельского пастыря: „и ины овцы, яже не суть от двора сего“, старается приводить в едино стадо Христово. <...> Он в этих целях заводит в своем приходском храме святой Пятницы Параскевы, в Охотном ряду, правильные собеседования с погибшими овцами Церкви, с нашими глаголемыми старообрядцами. В то время, тому назад около сорока лет, это дело было новое, а потому весьма трудное. Существенные вопросы о старообрядчестве и полемике с ними оставались неразработанными и темными. Но молодой пастырь, взявшийся за это дело, благодаря

---

* Отец священномученика Николая Беневоленского (память 3/16 мая).

своей крепкой вере <...>, своей ревности и усердному труду, скоро сумел поставить это миссионерское дело на подбавляющую ему высоту и устойчивость, обосновав его и на догматических, а не на одних археологических только началах. <...> Личность отца протоиерея с его деятельностью не укладывается в обыкновенном представлении. Остановимся ли вниманием на совершении им богослужения, и мы поражаемся его подвижничеством. Он совершает его уставно, не щадя своих сил его продолжительностью. При совершении богослужения, проникаясь благоговением к святыне, он как бы не чувствует слабости и упадка сил и оттого никогда не позволяет себе какой-либо торопливости. При богослужении он воспитывает религиозно и нравственно, когда не только за литургией, но часто и за всенощным бдением обращается к верующим со словом назидания <...>. При такой настроенности пастыря к своим духовным чадам легко понять, сколько печаловалось верующее сердце его при ваших печалях, когда вы или провожали своих родных в загробный мир, или кто-либо уклонялся от правил благочестия»²⁸.

В 1893 году фабрика торгового дома «П. Вишняков и А. Шамшин», на которой работал Алексей, объединилась с золотоканительной фабрикой товарищества «Владимир Алексеев». Их объединенное производство стало тогда крупнейшим в России. Алексей работал в воротовом цеху, где занимались протягиванием проволоки; чтобы добиться нужного диаметра, приходилось протаскивать проволоку через отверстия до ста раз. В 1893 году директор фабрики Константин Сергеевич Алексеев²⁹ провел реорганизацию производства. Он купил за границей машины многократного волочения, которые вытягивали нить через несколько последовательно сужавшихся отверстий, и таким образом можно было сразу получить нить нужного

диаметра. На таком станке работал и Алексей. Заработок его был двадцать пять рублей в месяц, исходя из тридцати рабочих дней³⁰. Рабочий день тогда длился двенадцать часов. Только после принятия в 1897 году закона «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности» рабочий день на заводах и фабриках был ограничен одиннадцатью с половиной часами для мужчин (а в случаях работы в ночное время, а также в субботу и перед праздниками — десятью часами), для женщин рабочий день ограничивался десятью часами. Закон запрещал работу в воскресные дни и устанавливал четырнадцать обязательных праздников в году.

В 1894–1899 годах К. С. Алексеевым были применены новоизобретенные русскими мастерами станки по изготовлению алмазного волочильного инструмента, что дало возможность прекратить закупки алмазных частей для этих станков за границей и существенно

— д. с. ^ан" ельн^~
 €^ б^о"^^ «^ ва^" щес ва
 с, единенный €^ б^о"^^
 »^ л^ д^ м^ о^ ...ле^сеев^
 " « . ^ " ф н ^ в
 " .../ ^ми" н^»

повысить производительность труда и качество самой продукции. На всемирной промышленной выставке в Париже в 1900 году товариществу была дана золотая медаль «Гран-при» за новый вид золотошвейных нитей, которые тонкостью и мягкостью превосходили все имевшиеся образцы. С 1897 года Алексей стал работать в алмазном цеху на новых станках, и его жалование повысилось до тридцати рублей³¹.

• С. ...ле^сеев

Фабрика товарищества была одной из лучших в Москве. В просторном светлом помещении имела своя амбулатория для рабочих, в 1884 году была устроена библиотека

с читальным залом. По инициативе К. С. Алексева в 1895 году на фабрике было создано общество трезвости, которое положило начало образованию подобных обществ в Рогожском районе. При обществе в 1898 году был организован театр из рабочих и служащих фабрики и хор, где спевки проводились четыре раза в неделю; в нем Алексей стал принимать активное участие. Впоследствии он стал регентом хора в Троицкой церкви в родном селе Борисове, где певчими были местные крестьяне; хор пел на обоих клиросах, в том числе и во время архиерейских богослужений; значительная часть песнопений в Троицком храме исполнялась всеми прихожанами.

ТРУДЫ ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ РАСКОЛЬНИКОВ

16 ноября 1896 года Алексей обратился к епископу Можайскому Тихону (Никанорову) за разрешением вести беседы с раскольниками в Троицком храме в селе Борисове под руководством священника Николая Смирнова, на что получил благословение епископа. 25 ноября 1897 года Алексей провел в Троицком храме беседу о том, где ныне находится Церковь Христова³².

25 ноября 1901 года новый настоятель Троицкого храма, священник Василий Богоявленский, сознавая всю актуальность проблемы просвещения раскольников, направил прошение митрополиту Московскому и Коломенскому Владимиру (Богоявленскому), выразив в нем обеспокоенность тем, что множество людей находятся в состоянии отпавших от Церкви. «Возможно ли в ближайшее время решить

*Епископ Тихон
(Никаноров)*

*Второй миссионерский
съезд Нижегородской
епархии. Август, 1901 год*

*Ф. Круглов, Е. Сурков,
И. Афанасьев,
свящ. А. Глазков
(верхний ряд)*

*Свящ. А. Лебедев,
свящ. П. Воскресенский
(верхний ряд слева)*

*Свящ. М. Крылов,
свящ. М. Сигрианский,
свящ. И. Полянский,
свящ. К. Беляев,
свящ. А. Альбицкий,
свящ. П. Делекторский,
прот. И. Фаминский,
свящ. Н. Соколов,
свящ. П. Лебедев,
свящ. В. Цыганов,
свящ. М. Миловидов,
свящ. А. Виноградов,
свящ. Н. Беляков,
свящ. М. Виноградов,
свящ. А. Белавин,
свящ. А. Рувимов,
свящ. А. Коринфский
(ряд ниже)*

*Свящ. М. Савойский,
свящ. И. Личадеев,
свящ. А. Спасский,
свящ. А. Кавлейский,
свящ. В. Орлов,
прот. Н. В. Фиалковский,
прот. Г. В. Годнев,
проф. КазДА
Н. И. Ивановский,
еп. Нижегородский
и Арзамасский Назарий
(Кириллов),*

*чиновник по особым поручениям
при обер-прокуроре Св. Синода
миссионер В. М. Скворцов,
прот. А. А. Порфирьев,
М. Макаревский,
епархиальный наблюдатель
П. С. Виноградов,
свящ. Н. Листов, свящ. Н. Годин,
свящ. Ф. Борнуков, свящ. Н. Орловский,
свящ. М. И. Парийский
(ряд ниже)*

*И. Ерофеев, И. Пресняков, И. Портнов,
И. Косарев, И. П. Ломакин, А. Галицкий,
Н. М. Савельичев, М. Бетин, И. Святов,
свящ. А. Вадов, свящ. В. Лебедев
(нижний ряд)*

эту проблему? — спрашивал он себя и отвечал: Нет, невозможно, тем более невозможно, что как в нашем приходе, так и в соседних селах и деревнях нашего благочиннического округа, где старообрядцы свили гнездо на несколько тысяч человек, не производятся публичные беседы со старообрядцами за недостатком окружного противостарообрядческого миссионера. Сами же священно- церковнослужители по малоопытности в обличении раскола, за недостатком времени (требоисправления, богослужения, законоучительство и другие обязанности) не могут приняться за эту святую миссионерскую деятельность, но могут только всячески содействовать ей. При такой-то мысли скорбит сердце: неужели в нашем приходе

в частности и во всем нашем старообрядческом округе вообще и еще несколько лет не будет окружного противостарообрядческого миссионера, следовательно, и не будут производиться публичные беседы со старообрядцами?»³³

Отец Василий рекомендовал на эту должность Алексея Даниловича Зверева, характеризуя его как просвещенного человека и ревностного христианина, безупречного в нравственном отношении, который уже дал свое предварительное согласие стать окружным миссионером. К письму отца Василия было приложено прошение Алексея Даниловича к митрополиту Владимиру с просьбой назначить его окружным противораскольническим миссионером. В письме к митрополиту Алексей Данилович писал, что уже вел подобные собеседования три зимы и, благодарение Богу, не бесплодно. «Но, к великому прискорбию моему, обстоятельства мои вдруг так изменились, что я при всем моем пламенном желании продолжать это святое дело положительно не мог. Ибо на фабрике (в г. Москве), где я служу со времени моего обращения в православие, поручили мне такое дело, которое буквально отняло у меня все время, которое бы можно было посвятить горячо любимому мною делу собеседования с глаголемыми старообрядцами»³⁴.

Отца Василия и Алексея Даниловича поддержал противораскольнический миссионер града Москвы священник Христофор Максимов, который направил митрополиту Владимиру прошение с просьбой назначить Алексея Даниловича окружным миссионером. «Крестьянин Алексей Данилов Зверев имеет довольно полные и основательные познания в обличении раскола и опытность и усердие в ведении бесед со старообрядцами, как публичных, так и частных, и усердие в обращении старообрядцев к Церкви, — писал отец Христофор. — Жизни трезвой, благонадежной и благоприличной, в беседах и вообще в обращении

со старообрядцами терпелив и разумен. В течение протекших со времени присоединения его к Церкви десяти лет он уже принес пользу святой Церкви как присоединением более нежели тридцати душ природных старообрядцев, так и общим ослаблением раскола в селе Борисове. <...>

Содержание означенному крестьянину Звереву по миссионерской должности представляется справедливым назначить в размере не менее 300 рублей в год, ибо он на фабрике, на коей находится в настоящее время, получает около 350 рублей в год. Расходы на поездки для надобностей миссионерства должны быть оплачиваемы особо от жалованья, именно по счетам его по предварительной проверке их»³⁵.

Митрополит Владимир согласился с предложением отца Христофора, но просил рассмотреть этот вопрос Советом Братства святого Петра митрополита³⁶, и 15 мая председатель Совета, епископ Дмитровский Трифон (Туркестанов), направил прошение митрополиту Владимиру с просьбой поддержать данное ходатайство. В 1902 году по предложению священника Христофора Максимова был учрежден новый миссионерский округ, в состав которого вошли села Борисово, Сабурово, Коломенское, Дьяково, Садовники, деревни Хохловка, Беляево, Новинки, Нататино, Курьяново, Батюнино, Перерва, Печатники; затем были добавлены и находившиеся за границами благочиния — Черкизово, Богородское, Воробьевы Горы, деревня Кожухово* и некоторые другие в Московском уезде. 20 мая 1902 года митрополит Владимир назначил Алексея Зверева окружным миссионером вновь учрежденного округа с выплатой ему соответствующего жалования³⁷. 18 августа 1902 года в Троицком храме в селе Борисове

---

* Ныне находятся в черте Москвы.

*Протоиерей
Христофор Максимов*

после вечернего богослужения и молебна Святой Троице епископ Трифон благословил назначенного противораскольническим миссионером Алексея Зверева на ведение бесед с раскольниками, и он тут же обратился к присутствующим, среди которых было немало раскольников, со словом о составе Церкви, о ее вечном существовании в том виде и устройстве, какое дал ей Спаситель Христос³⁸.

В течение 1903 года Алексей Данилович вел многочисленные беседы с раскольниками в селах и деревнях Николо-Котловского округа и по результату бесед пришел к выводу, что в той местности, где ему довелось проповедовать, фанатизм раскольников значительно ослабел. «Этот отрадный факт, — писал он, — особенно заметен в молодых старообрядцах. Многие из них остаются в расколе только из ложного стыда перед своими закоренелыми в расколе отцами и дедами, других удерживают в нем семейные связи и недостаток ревности о спасении своих душ. Так многие из молодых наших старообрядцев прошлым летом ходили по святым местам для поклонения святыням и там вместе с православными стояли в православных церквях, молились, ставили свечи и даже подавали просфоры для вынимания частиц о их здравии»³⁹.

Вопрос необходимости миссионерской деятельности внутри страны для Российской Церкви был одним из наиболее существенных. Необходима была проповедь христианства населявшим российские грады и веси народам, или не знавшим православия, или отпавшим от него. Однако в течение длительного времени на этом поприще почти ничего не предпринималось, а если и делалось, то исключительно усилиями единичных миссионеров-подвижников, таких как архиепископы Камчатский, Курильский и Алеутский Иннокентий (Вениаминов)*, Томский и Алтайский Макарий (Невский)**, протоиерей Иоанн Восторгов***, отдавших много сил и времени для просвещения народов России светом Христовым, или как архимандрит Павел (Леднев), присоединивший тысячи раскольников к Церкви. Относительно раскольников собравшиеся в 1885 году в Казани архипастыри постановили: «Ввиду доказанной опытом пользы бесед со старообрядцами, представляется существенно необходимым учреждать в каждой епархии хотя по одному епархиальному миссионеру (где таковых еще не имеется), совершенно свободному от всяких других занятий»⁴⁰.

25 мая 1888 года Святейший Синод утвердил «Правила об устройстве миссии и о способе действий миссионеров и пастырей Церкви по отношению к раскольникам и сектантам»⁴¹. Но само дело миссии от принятия

---

* Впоследствии митрополит Московский Иннокентий (в миру Иван Евсеевич Вениаминов; 1797–1879), святитель; память 31 марта / 13 апреля.

** Впоследствии митрополит Московский Макарий (в миру Михаил Андреевич Невский; 1835–1926), святитель; память 16 февраля / 1 марта.

*** Священномученик Иоанн Восторгов; память 23 августа / 5 сентября.

синодального решения почти не продвинулось: к заблудшим не были посланы просвещенные пастыри, и раскол все более укреплялся и приобретал все больший размах. В одной только Московской губернии в 1897 году при переписи населения назвали себя раскольниками 97 385 человек. А между тем епархиального миссионера, который смог бы посвятить этому святому делу все свое время и силы, будучи освобожден от других занятий, все еще не было. Государство, собиравшее налоги со всего населения — и православного, и еще не просвещенного светом Христовым, не находило денег на оплату труда епархиального миссионера в одной из самых больших и богатых губерний, сплошь зараженной расколом и сектантством, — Московской. Причем не было и людей, подготовленных для совершения этого святого дела. Образовательная направленность духовных семинарий и академий, как уже становилось ясным, таких кандидатов подготовить не смогла.

Наконец 10 апреля 1901 года Святейший Синод дал согласие на предложение митрополита Московского Владимира изыскать средства на оплату деятельности епархиального миссионера, опираясь на местные ресурсы. 17 октября 1903 года митрополит Владимир предложил Совету Братства святого Петра митрополита составить инструкцию для епархиального противораскольнического миссионера. 12 января 1904 года составленная Братством инструкция была одобрена митрополитом Владимиром. И наконец 20 января того же года Святейший Синод учредил в Московской епархии должность епархиального противораскольнического миссионера, который должен был содержаться на средства епархии, и назначил на эту должность преподавателя Московской духовной семинарии

священника Иоанна Васильевича Полянского*, с причислением его сверх штата ко храму святого благоверного князя Владимира при Епархиальном доме в Москве. 20–26 мая 1908 года Святейший Синод принял решение посвящать с благословения епархиальных архиереев проповедников внутренней миссии из мирян в стихарь, так как их служение является проповедническим, благовестническим и они принимают живое участие в пастырско-приходской миссии⁴². Еще до этого распоряжения митрополит Владимир по ходатайству одного из московских благочинных, священника Иоанна Забавина, благословил противораскольническому миссионеру Алексею Даниловичу Звереву проповедовать за богослужением в стихаре⁴³.

Настоятель Троицкой церкви священник Василий Богоявленский, говоря о положении дел в приходе, писал впоследствии епархиальному миссионеру священнику Иоанну Полянскому, что в его приходе насчитывается до пятисот раскольников: одни принадлежат к противокружнической секте, другие — к окружнической, а два дома — к беглопоповцам. Что касается миссионерской деятельности по вразумлению раскольников, то «старанием моим была учреждена должность окружного миссионера в Николо-Котловском благочинии и противостарообрядческая библиотека. Ведутся беседы со старообрядцами при участии окружного миссионера как в храме, так и по домам. Производится для чтения раздача книг противостарообрядческого содержания. Вполне нахожу полезным для усиления просветительно-миссионерской деятельности в отношении к расколу раздачу бесплатно брошюр и листов противостарообрядческого содержания»⁴⁴.

---

* Отец преподобномученика Германа (Полянского; память 22 октября / 4 ноября).

Священник Василий Богоявленский с семьей

Алексей Зверев начал свою миссионерскую деятельность, полную трудов и скорбей, в тот момент, когда Российская империя уже стремительно двигалась к гибели, усердно издавая против себя самой законы и этим самым свидетельствуя, что государственный аппарат, теряя представление о реальной жизни, утратил смысл своего существования. Анализируя сложившиеся в это время условия борьбы с расколом, Алексей Данилович соглашался с выводами миссионеров, что они «не только не улучшились, но достигли более печального для православных положения, ибо к покровительству старообрядцев со стороны низших представителей светской власти, вследствие „золотой политики“ раскола (подкупа), присоединилось защитничество гласного суда и либеральной печати»⁴⁵.

Миссионерская деятельность Алексея Даниловича встречалась с препятствиями и трудностями и с той стороны, откуда, казалось бы, их нельзя было и ожидать. Получив рекомендательное письмо от епархиального миссионера священника Иоанна Полянского, Алексей Данилович рано утром 5 декабря 1904 года отправился к наместнику Николо-Перервинского монастыря архимандриту Викентию (Тихомирову)⁴⁶.

Архимандрит Викентий в это время был в храме и совершал молебен о даровании России победы над Японией. Дождавшись окончания молебна, Алексей Данилович подошел к наместнику под благословение и хотел было заговорить о цели своего приезда, но отец Викентий опередил его, сказав, что письмо, в котором Алексей Данилович просит предоставить помещение для беседы с раскольниками, он получил, но исполнить его просьбу не может, потому что на прошлой беседе с раскольническим начетчиком с Иосифом Перетрухиным слушатели шумели между собой, «вели себя как в кабаке».

*Начетчик
Иосиф Климентович
Перетрухин*

Алексей Данилович попытался объяснить, что о прошлой беседе и поведении на ней слушателей, вероятно, передали отцу Викентию преувеличенно, и если слушатели время от времени и позволяли себе шуметь на беседе с Перетрухиным, то этот шум был вызываем не православными, а раскольническим начетчиком, весьма искусным в этом отношении, который зачастую и ездит на беседы, чтобы пошуметь и хотя бы этим затмить перед слушателями возвещаемую

миссионерами истину Православной Церкви, старающимися обратить их внимание на губительные заблуждения раскола. Безусловной тишины, как во время церковной проповеди, на беседах со старообрядцами невозможно ждать, так как здесь дело идет не о правилах христианской жизни и нравственности, в пользу которых никто из здравомыслящих христиан не сомневается, а об искоренении ложных убеждений, вошедших в плоть и кровь раскольников, за которые многие из них готовы идти на мучения и даже на смерть, доказательством чего может служить история раскола. Возможно ли в этом случае ждать, чтобы искренний, преданный своей вере раскольник спокойно выслушивал речи православного миссионера, в которых изобличается, рушится его убеждение, что раскол есть древлеблагочестивая, истинная церковь, а православие — новшество, никонианство, вместилище всевозможных ересей, убеждение, за которое он готов положить свою душу? Но наместник не захотел вникать в объяснения миссионера и только повторял: «Нет, нет, не могу, не могу!» Алексей Данилович протянул ему письмо священника Иоанна Полянского, говоря, что отца наместника просит о содействии в устройстве бесед епархиальный миссионер. Но тот со словами «не могу, не могу» не стал брать и письмо и, отмахиваясь и от письма и от просителя, скрылся за дверь своей кельи. Обождав полчаса и собравшись с духом, Алексей Данилович направился к архимандриту Викентию в келью и стал снова просить его, не разрешит ли он провести беседу в имеющемся при монастыре духовном училище. Наместник направил его к смотрителю училища. Смотритель училища, однако, также отказал, но уже из соображений гигиены: нельзя, мол, пустить на беседу множество народа из разных деревень в помещение, где учатся дети. Сообщив, однако, что в монастыре недавно было

выстроено для раненых воинов большое каменное здание, он предложил попросить у отца наместника разрешение провести беседу в нем. Алексей Данилович снова направился к отцу Викентию, но келейник наместника сообщил ему, что отец архимандрит лег отдыхать и встанет не ранее трех часов дня. Алексей Данилович решил дожидаться. Придя в четвертом часу в келью отца архимандрита, он передал ему предложение смотрителя. Отец Викентий ответил, что относительно этого помещения ему нужно будет кое с кем переговорить и за окончательным ответом нужно прийти «денька через два». С тем и отправился Алексей Данилович восвояси, спеша попасть к началу всенощного бдения в Троицкий храм в село Борисово, где он должен был управлять хором певчих.

Дорогой он с грустью размышлял о том, как много приходится миссионерам убивать сил и энергии не только на сами беседы с раскольниками, убеждая их оставить заблуждения, но и на устройство этих бесед, на препирательства со священнослужителями, доказывая им их несомненную пользу, униженно упрашивая их оказать содействие. Грустно было встречать противодействие от тех, от кого естественно было бы ожидать сочувствие, поддержку и необходимое содействие миссионерскому делу, которое, по существу, есть дело самих же православных пастырей⁴⁷.

Еще с большей грустью возвратился Алексей Данилович из села Сабурова, где с местным священником Сергием Хавским было договорено о проведении 6 декабря беседы с раскольниками. Отец Сергей обещал объявить прихожанам о предстоящей беседе после богослужения и попросить сельского старосту, чтобы тот заблаговременно сообщил о ней как православным, так и проживавшим в селе раскольникам. Пообещав это сделать, отец Сергей

предупредил, что сам он, а также и его сослуживец, второй священник, по причине хождения по приходу со святыней, присутствовать на беседе не смогут, но миссионеру он обеспечит возможность провести беседу без них, для чего оставит ключи от храма.

Приехав в Сабурово со всеми книгами, необходимыми ему для беседы, Алексей Данилович сразу же направился в дом отца Сергия за ключами от храма. Супруга священника сказала, что ключей у них в доме нет, они должны быть в церковной сторожке. Он пошел в сторожку, но ключей и здесь не оказалось. «Так где же они?» — спросил он у жены церковного сторожа. «Должны быть у псаломщика», — ответила та. Алексей Данилович попросил ее сходить за ключами. Через полчаса она вернулась ни с чем: жена псаломщика сказала, что ключи должны быть в доме священника. Он опять направился туда, но его снова отослали к супруге псаломщика говоря, что ключи у нее, да только ей искать их не хочется: «она занята гостями, у ней гости». Он снова отправился к жене псаломщика, которая заявила, что ключей у нее нет, и предложила дожидаться возвращения священника: «тогда он уже и распорядится, как хочет». Алексей Данилович возвратился в сторожку и стал ждать отца Сергия. Вскоре туда же пришел сельский староста, который сообщил, что ему ничего не известно о предстоящей сегодня в храме беседе с раскольниками, и священник за службой об этом не объявлял. Это же подтвердила и сторожиха. Алексей Данилович попросил старосту, чтобы он хотя бы теперь оповестил крестьян о беседе. Староста, однако, отказался исполнить его просьбу, ссылаясь на позднее время и на то, что «на беседу все равно никто не пойдет». Подождав еще около часа возвращения отца Сергия и узнав из разговора со старостой и сторожихой, что священник может зайти к кому-нибудь

из прихожан в гости и засидеться у них допоздна, Алексей Данилович с горьким чувством вернулся домой⁴⁸.

Впоследствии вопрос об организации бесед в Николо-Перервинском монастыре был решен, и Алексей Данилович стал регулярно проводить их в большом каменном здании, построенном при монастыре для раненых воинов.

Всего раскольников в Николо-Котловском благочинии было около пяти тысяч, большей частью — окружников и противокружников. В селениях и деревнях Николо-Котловского благочиния существовало в то время более десятка раскольничьих моленных, в которых раскольничьи священники и уставщики отправляли вечерню, утреню и часы и иногда служили обедню. Так как ни в одной из этих моленных алтарей не имелось, то для служения обедни внутри них помещалась полотняная церковь, которую привозил с собой раскольнический священник. Противокружники имели в то время двух «священников» — Акима, крестьянина из деревни Печатники, и Василия Спиридонова, крестьянина из деревни Нагадино, которые двадцать лет назад разделились между собой: Аким был приверженцем именуемого епископом Иова, а Василий — Иосифа. В 1905 году противокружники (иосифовцы) отыскали себе в Гуслицах нового «священника», Ивана Нефедовича Ромадина, который резко отличался от Акима и Василия как во взглядах, так и в поведении. Аким и Василий строго запрещали своим последователям ходить на беседы, проводимые православными миссионерами, считая это великим грехом и называя эти беседы «советом нечестивых». Иван Ромадин, напротив, не только не запрещал своим приверженцам посещать миссионерские беседы, но и сам участвовал в беседах с Алексеем Зверевым в качестве возражателя. Аким и Василий ходили в обыкновенных крестьянских халатах и поддевках и на

Иван Нефедович Ромадин с семьей

головах носили картузы со светлыми козырьками, а Иван Ромадин носил рясу и шляпу, ничем внешне не отличаясь от православных священников.

В течение 1904–1905 годов в селах и деревнях Николо-Котловского округа Алексей Данилович провел с раскольниками тридцать девять публичных и девять частных бесед на тему о составе святой Церкви, о преемстве епископов в Христовой Церкви, о незаконности и безблагодатности австрийской иерархии, о таинствах Причащения и Покаяния, о различии между догматами веры и обрядами, об исправлении книг, об имени Иисус и так далее. В селах беседы проходили в храмах, в деревнях — в сборных избах, в домах частных лиц и только

две беседы — в Нижних Котлах и на Малой Андроновке в Москве — в земских училищах. Разрешение на устройство бесед в земских училищах, которых в округе насчитывалось около десяти, Алексей Данилович получил в 1903 году от инспектора народных училищ Московской губернии Гурия Феодосиевича Маркова. Но из-за противодействия этому благому делу председателя Московской уездной земской управы Николая Федоровича Рихтера, фактически он лишен был возможности проводить беседы в училищах. В 1905 году в училищах были проведены только две беседы, и то исключительно лишь по снисхождению к просьбе миссионера местных учительниц.

Слушателей на беседы — православных и раскольников собиралось от ста до четырехсот и более человек. Бóльшее число слушателей бывало тогда, когда на беседу являлся кто-нибудь из известных начетчиков или когда беседа в данном месте проходила впервые. Беседы по продолжительности были от двух до шести часов. О времени проведения каждой беседы заранее извещался настоятель храма, приглашаясь к участию в ней. В церквях перед началом беседы служилась вечерня, а в Троицком храме в селе Борисове священник Василий Богоявленский кроме того произносил проповедь миссионерского содержания⁴⁹.

Насколько миссионерские беседы интересовали народ, видно из случая, который описал Алексей Данилович. Собираясь купить билет до станции Царицыно на Курском вокзале, он встретился с одним приезжим беспоповцем, с которым у него завязалась беседа о Церкви. «Сначала эта беседа была частного характера, — ее слушали не более пяти-шести человек, сидевших по соседству с нами, — вспоминал Алексей Данилович. — Но затем народ быстро стал прибывать к нам все более и более, и наконец около нас собралась толпа человек в двести — почти все,

кто находился в вокзале, — и слушали беседу с таким интересом, что когда я хотел было кончить ее и идти в кассу за билетом, то многие слушатели стали просить меня продолжать беседу, а поехать в Царицыно советовали со следующим поездом»⁵⁰.

При появлении на беседе начетчика на нее приходили даже те из раскольников, которые, исполняя заповедь своих руководителей, запрещающих им ходить на миссионерские беседы, из принципа не ходили на них, считая всякое участие в них великим грехом. Причем у некоторых из раскольников было пристрастное, неискреннее отношение к беседам. Речь своего защитника, хотя бы и бестолковую, они слушали с жадностью, с напряженным вниманием, ловя каждое слово, а слова православного миссионера пропускали мимо ушей и нередко с криками перебивали его.

В селе Воробьевы Горы на беседе о безблагодатности австрийской иерархии, на которую раскольники привезли своего начетчика Ивана Петрова, во время ответной речи миссионера, в которой тот, обращаясь к присутствующим, доказывал несостоятельность аргументов собеседника в оправдании австрийского священства, стоявший в толпе раскольник в один из самых существенных моментов

Первый съезд старообрядческих начетчиков в Нижнем Новгороде, 1906 год

речи миссионера нарочито громко закричал: «А ты обращайся к тому, с кем беседуешь, а к нам-то нечего обращаться, мы тебя знаем, слышали!» После этого возгласа в толпе, как по команде, поднялся шум, который заглушил продолжение речи миссионера. На беседе в деревне Курьянове во время каждой речи миссионера в самых важных для понимания обсуждаемого вопроса местах один из раскольников стал настойчиво подставлять миссионеру стул и не переставая громко повторять: «Алексей Данилович, а ты сядь, будет тебе стоять-то! Сядь, Алексей Данилович!»

Иногда на беседу являлся начетчик и за ним целая толпа раскольников, воодушевленных надеждой на победу над православным миссионером. Высказав все то, чем

защитник раскола надеялся поставить миссионера в безответность, и разочаровавшись в этой надежде, начетчик начинал говорить что-нибудь в обвинение Церкви, не относящееся к обсуждаемому вопросу, и затем резко уходил с беседы, не выслушав ответной речи миссионера. Будучи неискренни и пристрастны, раскольники затем распространяли между своими собратьями слух, что миссионер ничего не смог ответить начетчику. Один из раскольников из деревни Печатники по окончании беседы в частном разговоре с миссионером, после того как тот пригласил его на следующую беседу в деревню Новинки, сказал: «Нет, зачем я туда пойду! Да и ты-то, Алексей Данилович, напрасно едешь на беседы, все равно ведь, что бы ты ни говорил, мы тебе не поверим и в вашу церковь не пойдем!» Другой раскольник, сосед Алексея Даниловича в Борисове, в своих разговорах о Церкви с каким-то странным удовлетворением часто любил повторять: «Если бы и Сам Христос явился и сказал, что Великороссийская Церковь есть Церковь истинная, я бы и Ему не поверил!»

Начетчики, соглашаясь на проведение беседы, зачастую старались уклониться от назначенной темы: одни прямо отказывались говорить на объявленную тему, ссылаясь на свою неподготовленность или вдруг заявляя, что они не обязаны отвечать на вопрос миссионера, а хотят говорить о чем-то другом, другие старались уклониться от темы незаметным образом. Во время беседы в деревне Курьянове после вступительной речи Алексей Данилович спросил раскольников: «Какое основание имеют беспоповцы считать свое общество истинной Церковью, лишившись возможности совершения таинства Причащения?» Выступивший возражать беспоповец Ф. И. Кириллов (он же Еремин) отвечать на этот вопрос отказался, ссылаясь на то, что не успел подготовиться, будучи занят

крестьянской работой, хотя беседа была объявлена более чем за неделю и за это время можно было успеть подготовиться.

Во время беседы в селе Воробьевы Горы на вопрос миссионера: «от кого митрополит Амвросий⁵¹ получил благодатную силу и власть на отправление у именуемых старообрядцами архиерейских действий», собеседник вместо ответа сказал: «Кто ты такой здесь, чтобы требовать от меня ответа на свой вопрос? Нет, теперь уже не прежнее время — не ты мне, а я тебе задам вопрос!» И стал разглагольствовать о предметах, не относящихся к делу. Он стал говорить, что Алексей Данилович неправильно назвал старообрядцев именуемыми, мнимыми старообрядцами, что неправильно он называл их иерархию австрийской и тому подобное, так что присутствовавший на беседе священник Петр Соколов вынужден был заметить ему, что он говорит не по делу и попусту тратит время, вместо того чтобы прямо отвечать на вопрос⁵².

Алексей Данилович отмечал, что миссионерские беседы посещали преимущественно те из народа, в которых еще жила потребность не только пищи телесной, но и духовной. Такие люди нередко бросали свое дело и шли на беседу, а после ее окончания некоторые из них спрашивали, когда и где еще будет беседа, чтобы до конца себе уяснить обсуждаемый предмет. Люди равнодушные и холодные к религии приходили на беседы разве случайно, глядя на других, или от нечего делать. Большинство раскольников охотно шли на беседы тогда, когда на них являлись их начетчики. Они старались встать во время беседы впереди, рядом с начетчиком, чтобы его поддержать, если он окажется несостоятельным, — произвести шум и беспорядок. Так было на одной из бесед в селе Борисове, когда с миссионером беседовал раскольнический священник

Иван Ромадин. Когда все обвинения его против Церкви были опровергнуты и он начал уже теряться, не зная, что еще сказать, раскольники принялись шуметь, а один из них с неистовством стал кричать на Алексея Даниловича: «анафема, анафема, анафема!» Так же раскольники поступили и на другой беседе с Иваном Ромадиным в Николо-Перервинском монастыре. Беседа была о трехперстном сложении для крестного знамения. Миссионер предложил Ивану Ромадину доказать, действительно ли, как думают раскольники, трехперстное сложение, употребляемое православными во имя Святой Троицы, содержит какую-либо ересь. После многих попыток Ивану Ромадину не удалось доказать это. Тогда, обращаясь к слушателям, он сказал: «Алексей Данилыч говорит, что в троеперстии нет никакой ереси, а я утверждаю, что есть! Что я говорю правду, за это я ручаюсь своей жизнью. Разводите сейчас костер, и я, нисколько не колеблясь, перед всеми сейчас же пойду в огонь, но Алексей Данилыч на это не решится. Спросите его, согласен ли он будет сейчас же идти в огонь?» Это странное и неожиданное предложение привело в недоумение слушателей, и раскольники, ввиду настойчивого требования своего руководителя, обратились к миссионеру с вопросом, согласен ли он на предложение идти на сожжение. Алексей Данилович ответил, что напрашиваться без нужды на мучения считает не только делом безумным, но и великим грехом, ибо Господь даже и в том случае, если учеников Его будут гнать в одном городе, повелел бежать им в другой, а теперь их пока никто не гонит. Собеседник, напрашиваясь на самосожжение, предлагает поступить вопреки учению Христа Спасителя. Этим поступком он показывает свое бессилие доказать, что в троеперстии содержится какая-либо ересь. Поступать, как он предлагает, было бы безумием⁵³.

Один из начетчиков, А. И. Умняшов, иногда принимавший участие в беседах не как защитник раскольников, а как посторонний слушатель, желающий удовлетворить свою любознательность по тому или иному интересующему его вопросу, на одной из бесед в селе Коломенском, к удивлению раскольников, во всеуслышание заявил, что в трехперстном сложении для крестного знамения нет никакой ереси и что восьмой член Символа веры без прилога «истиннаго» также не содержит ереси⁵⁴.

На некоторых беседах, когда не было начетчиков, вопросы задавали присутствовавшие здесь раскольники и иногда православные. И Алексей Данилович, чтобы вполне удовлетворить их интерес, отступал от назначенной темы и обсуждал темы, ими поднятые. Во время беседы в селе Воробьевы Горы к миссионеру подошел один из раскольников и, вступив с ним в дружеский разговор, спросил: «Есть ли в какой старой книге повеление креститься троеперстно?» Алексей Данилович стал отвечать, и народ не пожелал расходиться, и беседа продолжилась. Во время беседы в селе Карачарове миссионеру часто задавал вопросы один из православных, предпочитавший двуперстие перед троеперстием⁵⁵.

«Доказательством благотворности бесед для православных слушателей могут служить их собственные отзывы об этих беседах, — писал Алексей Данилович епархиальному миссионеру. — По окончании беседы в деревне Беляево* многие из православных слушателей благодарили меня за „разъяснения“... говорили, что прежде, когда не было у них бесед, старообрядцы не давали им и рта разинуть о своей Православной Церкви, обзывая ее различными хульными именами, а их самих — погибшими навек

---

* Ныне находится в черте Москвы.

еретиками. Но теперь именуемые старообрядцы... притихли... помалкивают и всячески избегают разговоров с православными на эту тему»⁵⁶.

Результаты миссионерских бесед зависели в значительной степени от самих раскольников — от их добросовестного отношения к делу. Раскольникам, слушавшим миссионерские беседы без предубеждения, с искренним желанием познать истину, они приносили несомненную пользу. В сердцах таких слушателей зарождалось сначала сомнение в правоте раскола, а затем и отвращение от него. Среди раскольников было много людей, державшихся раскола по неведению, вследствие слепой преданности и доверия своим руководителям. Многие из них впоследствии, будучи людьми искренними, честными, дорожащими истиной и спасением своей души, под влиянием публичных и частных миссионерских бесед оставляли гибельные сети раскола и становились добрыми чадами Церкви.

«Среди простого народа, особенно же в селениях и деревнях, — писал Алексей Данилович, — никто не пользуется таким почетом и доверием, как православные пастыри. А потому для большего авторитета миссионерских бесед в глазах простого народа весьма желательно, чтобы православные батюшки присутствовали на беседах по возможности чаще — не только в храмах, но и во всех других местах, где они производятся, принимали бы в них свое деятельное участие прочтыванием и объяснением, например, святого Евангелия, произнесением проповедей»⁵⁷.

«Извещаю Вас, что беседа в селе Борисове 16 октября со старообрядческим „попом“ Иваном Ромадиным, — писал Алексей Данилович епархиальному миссионеру, священнику Иоанну Полянскому, — непременно должна состояться, ибо только что, сию минуту я получил собственноручную его записку, в которой он, отвечая мне на

мое письменное приглашение пожаловать означенного числа на беседу, пишет: „Письмо Ваше получил, ожидайте на беседу к трем часам вечера“. Посему убедительно прошу Вас, добрый батюшка, приехать на эту нашу беседу. Ваше участие в этой беседе — я в этом глубоко уверен — принесет много пользы святой Православной Церкви и отпадшим от нее заблудшим братьям нашим, глаголемым старообрядцам. Ваше участие в ней тем более необходимо, что наши старообрядцы, ожидая на беседу своего защитника — „пастыря“, очень уж убеждены в своей победе над нами. Мне пришлось, например, самому слышать сегодня от одного ревнителя „древляго благочестия“, что предполагаемая беседа будет уже непременно окончательная, последняя, потому что „отец Иван все докажет“, так что после не об чем будет и говорить и не для чего устраивать беседы»⁵⁸.

На беседе в Николо-Перервинском монастыре защитником раскольников выступил небезызвестный среди них инок Геннадий Завалов, на двух беседах в селе Коломенском — известный начетчик Д. С. Варакин. Характерной чертой их полемики было уклонение от предмета беседы и упрямое противление очевидной истине. Ничего дельного Завалов не сказал. Своей неумелостью беседовать он настолько разочаровал раскольников, что они решили больше не приглашать его на беседы в качестве их защитника. А некоторые из них по окончании беседы стали даже бранить его, говоря: «Когда не умеешь беседовать, так и не брался бы, нас только срамишь своими беседами».

Перед началом беседы Варакин заявил, что не желает говорить на назначенную тему — о непрерывности епископов в Церкви, а хочет беседовать о причинах отделения старообрядцев от Церкви. Алексей Данилович на это заметил ему, что предмет беседы был избран самими

старообрядцами, вызвавшими Варакина их защищать, и уклоняться от темы беседы с его стороны будет нечестно. После некоторых пререканий тот согласился беседовать в соответствии с выбранной темой, но только с тем условием, чтобы была назначена еще одна беседа на желательную ему тему. Его требование было исполнено, и определено время следующей беседы. Однако и после этого беседа долго не могла начаться, потому что Варакин настаивал, чтобы ему было позволено обращаться с речами к народу, а не к собеседнику. Это пожелание не было удовлетворено, и он вынужден был обращаться с речами к собеседнику.

После краткого раскрытия учения о необходимости епископов в Церкви миссионер предложил Варакину ответить на вопрос: «Может ли общество старообрядцев, не имевшее сто восемьдесят лет епископов, законно именоваться святою Церковью, или: может ли святая Вселенская Христова Церковь лишиться когда-нибудь православных епископов, как лишилась их именуемая церковь старообрядцев?»

От прямого ответа на этот вопрос Варакин уклонился. Вместо ответа он стал говорить о Римской церкви, которая епископов хотя и не лишалась, но однако она церковь еретическая. Потом долго говорил о том, что предки именуемых старообрядцев хорошо поступили, что не последовали за епископами Греко-Российской Церкви, якобы еретическими. На это Алексей Данилович заметил, что вопрос предложен был не о том, прекращались ли епископы в церкви Римской или нужно ли следовать за епископами-еретиками, а о том, может ли святая Вселенская Церковь лишиться своих православных епископов, как лишились их глаголемые старообрядцы? На этот вопрос он и должен отвечать, а не уклоняться от него в сторону. То обстоятельство, что в Римской церкви непрерывно

сохраняется преемство епископов, нисколько не оправдывает старообрядцев, а скорее обличает их, ибо показывает, что они лишились одного из таких существенных признаков святой Церкви, который сохраняется даже в церкви еретической. Отсекая от единения с собою еретичествующих епископов, святая Церковь никогда не лишалась и благочестивых епископов. Старообрядцы же, отделившись от Греко-Российской Церкви, якобы еретической, остались совсем без епископов, а потому их общество и невозможно признать за истинную Церковь, которая без епископов быть не может.

*Начетчик
Дмитрий Сергеевич Варакин*

Вместо того, чтобы доказывать от Священного Писания, что общество старообрядцев и не имея епископов может составлять истинную Церковь Христову, Варакин стал говорить о том, что старообрядцы лишились епископов не по своей вине, а потому, что их за твердое стояние за истину сжигали в срубах, как например сожгли епископа Павла Коломенского. На это миссионер заметил Варакину, что ему требуется доказать не то, по чьей вине старообрядцы лишились епископов, и в частности епископа Павла Коломенского, а то, может ли святая Церковь лишиться (почему бы то ни было) всех православных епископов, как лишилась их именуемая церковь старообрядцев. В древние времена жесточайших гонений на христиан благочестивые епископы хотя и во множестве были умерщвляемы, однако святая Церковь, в силу Божественного

обетования о ее неодолимости, ни на один момент не лишалась епископов. Следовательно, если бы именуемые старообрядцы составляли истинную Церковь, то и их никогда никто не мог бы лишить епископов. Но старообрядцев никто не лишал епископов — они лишились их сами вследствие своего отделения от Церкви; никто не сжигал их и в срубках, и епископ Павел Коломенский, как свидетельствует история, не был сожжен, но, будучи сослан в заточение, сошел с ума и вследствие сумасшествия умер⁵⁹.

Варакин стал говорить о двоеперстии, что оно хуляется у православных. На это миссионер ответил, что все выражения, которые Варакин приписывает Церкви, были высказаны писателями, спустя много лет после отделения старообрядцев от Церкви, а потому они не могут служить причиной их отделения. Напрасно Варакин их зачитывает — все они принадлежат частным лицам, а не самой Церкви, а потому и обвинять ее за эти выражения по меньшей мере несправедливо, тем более что Святейший Синод прямо заявил в 1886 году, что порицательные отзывы полемических книг о уважаемых старообрядцами обрядах принадлежат лично писателям этих книг, сама же Церковь не разделяет и не подтверждает этих отзывов и выражений.

На обеих беседах с Варакиным все присутствующие внимательно слушали, не позволяя себе вмешиваться в разговор. И Варакин в последней своей речи на второй беседе, не находя, что еще сказать в обвинение Церкви, стал обвинять Алексея Даниловича в том, что он получает жалованье за свою деятельность. «Если бы миссионер не получал жалованья, — сказал он, — то он не стал бы так усиленно защищать свою Церковь». Лишь только он произнес эти слова, народ заволновался и зашумел. Одни кричали: «Если ты приехал сюда беседовать, то и беседуй

по порядку, а не указывая нам на жалованье миссионера, мы и без тебя это знаем!» С другой стороны было слышно: «А ты разве даром сюда приехал? Мы слышали, что тебе тоже заплатили немало денег за проезд сюда к нам». Алексей Данилович и присутствовавший на беседе священник стали уговаривать народ успокоиться, но народ до тех пор не унимался, пока Варакин не попросил у миссионера прощения.

После завершения беседы многие слушатели стали благодарить Алексея Даниловича, выражая неподдельную радость, что не суждено было осуществиться надеждам раскольников, вызвавших своего знаменитого защитника на беседы в село Коломенское, оправдать отсутствие у раскольников епископов и обвинить Российскую Церковь в мнимом еретичестве. Православный крестьянин из деревни Беляево, присутствовавший на этих беседах с Варакиным, рассказал Алексею Даниловичу, что прежде, до бесед с миссионером, он со своим братом хотел перейти в раскол; когда же они стали посещать беседы, то оставили свое намерение. Однако и после того, по его признанию, его не оставлял помысел, что, может быть, Алексей Данилович потому так ясно доказывает истину Православной Церкви и ложь раскола, что не встречает себе отпора со стороны известных в расколе начетчиков. Если бы послушать беседу миссионера с кем-либо из знаменитых начетчиков, тогда, может быть, открылось бы другое. «Теперь же, — сказал он Алексею Даниловичу, — когда я слышал твои беседы с Варакиным, я более уже не сомневаюсь во лжи и погибельности раскола, а также и в истинности и спасительности Православной Церкви»⁶⁰.

В 1907–1908 годах Алексей Данилович организовал и провел около тридцати бесед в своем миссионерском округе. Темы назначались в соответствии с необходимостью

и запросами раскольников или их начетчиков. При этом вступали в общую дискуссию и рядовые слушатели-раскольники. Часто выступал на этих беседах живший в Курьянове раскольнический священник Иван Ромадин.

7 октября 1907 года Алексей Данилович провел беседу в деревне Котляково в сборной избе, куда собралось около ста человек слушателей — православных и раскольников.

«В то время, когда в России не было еще книгопечатания, книги наши через постепенное переписывание их переполнены были разного рода ненамеренными, но иногда очень серьезными ошибками, — начал свою речь Алексей Данилович о бывшем в XVII веке исправлении книг. — Замечая эти ошибки в книгах, предки наши, в лице представителей Церкви — иерархов, нередко предпринимали их исправление. Так еще в 1518 году, при великом князе Василии Иоанновиче, для исправления книг прибыл в Россию преподобный Максим Грек, отличавшийся в то время своей ученостью. Когда он со всем усердием занялся порученным ему делом исправления книг и многие из них успел уже исправить, тогда нашлись люди, частью по ненависти, а частью по невежеству начавшие распространять слух, что преподобный Максим не правит книги, а только портит их. Вследствие такой деятельности злых и невежественных людей случилось то, что преподобный Максим, далеко не окончив своего дела исправления книг, был осужден и сослан в заточение. Таким образом, книги наши и после Максима Грека продолжали существовать с различными ошибками, а в переписанных с них книгах прибавлялись еще и новые ошибки. Уважаемый старообрядцами Стоглавый Собор (1551 г.), имея в виду эти ошибки в книгах или, как выражались сами отцы Собора, „недописи и точки непрямыя“, постановил, чтобы впредь книги

были исправляемы „с добрых переводов“. Но где взять этих „добрых переводов“ Собор, к сожалению, не указал⁶¹. Вследствие такой неопределенности распоряжения Стоглавого Собора дело исправления книг и после него не могло получить желаемого успеха, ибо справщики книг выбирали перевод всяк по своему усмотрению — кому какой перевод понравится, с тех и списывали. А от этого книги одного и того же названия стали изобиловать многими разночтениями и несходством. С такими же ошибками и разночтениями книги оставались и при введенном у нас книгопечатании, ибо печатались с тех же, наполненных ошибками книг. Такие разночтения и ошибки в книгах продолжали существовать и при первых пяти Российских патриархах»⁶².

В доказательство этой мысли Алексей Данилович показал слушателям некоторые несходства в совершении таинства Крещения и Исповеди по старопечатным требникам. Прочитав потом из предисловия к книге Кормчей то место, в котором весьма выразительно описывается крайне печальное состояние богослужебных книг, бывшее при патриархе Иосифе, он сказал: «Если книги наши и при патриархе Иосифе были в таком жалком состоянии, то преемнику его — патриарху Никону естественно и необходимо было приложить всю свою архипастырскую заботу об их непременно исправлении, <...> каждый здравомыслящий человек легко может понять, что исправление книг при патриархе Никоне не может и не могло служить причиной отделения старообрядцев от Греко-Российской Церкви. Книги, как было показано, исправлялись еще за много лет до патриарха Никона, когда и по верованию всех старообрядцев Церковь была святая, истинная, а потому ясно, что и нареkanie старообрядцев на Православную Церковь за исправление книг при патриархе

Никоне является несправедливым, а отделение их от нее есть дело незаконное и для них весьма губительное, ибо грех разделения с Церковью, по учению святых отцов, и кровь мученическая загладить не может»⁶³.

Закончив рассказ об исправлении книг, Алексей Данилович пригласил выступить желающих. Но желающих не оказалось. Он поблагодарил слушателей за внимание к беседе и сказал, что надеется, что все слышанное принесет им духовную пользу. Православные слушатели попросили не оставлять их и в будущем.

4 ноября 1907 года состоялась беседа на ту же тему в деревне Беляево. Изложив слушателям историю исправления богослужебных книг, Алексей Данилович спросил старообрядцев: «Какое вы имеете основание за исправление книг при патриархе Никоне обвинять нашу Церковь в ереси и отделяться от нее?»

Отвечать вызвался один из местных раскольников В. С. Белкин, который задиристо вдруг заявил, что патриарх Никон не исправил книги, а только испортил их. На вопрос, в чем эта порча книг состояла, он ничего ответить не смог. В доказательство своей мысли он стал лишь указывать на некоторые выражения в новоисправленных книгах, не согласующиеся с выражениями старопечатных книг, но по рассмотрении оказалось, что ни одно из указанных им выражений не содержит в себе ереси. Не найдя, что бы еще сказать в обвинение Православной Церкви по поводу исправления книг при патриархе Никоне, В. С. Белкин с недовольным видом покинул беседу. Возражать дальше никто из раскольников не пожелал⁶⁴.

18 ноября в храме в селе Воробьевы Горы состоялась беседа о троеперстии при крестном знамении. Повторив вкратце высказанные им ранее мысли о перстосложении, Алексей Данилович изложил историю вопроса.

«В установлении Церковью троеперстного сложения вместо двуперстного, — сказал он, — именуемые старообрядцы видят перемену самой веры — православной на еретическую. Но персты, сами по себе, не могут содержать в себе ни православия, ни ереси. Для того, чтобы судить о православности или еретичности перстосложения, нужно узнать прежде, какая с тем или другим видом перстосложения соединяется мысль: если православная, то и самое перстосложение (троеперстное или двуперстное — все равно), несомненно, также будет православно, если, конечно, оно употребляется в соединении с Церковью и с ее благословения, и наоборот: если мысль, соединяемая с тем или другим перстосложением, нечестива, еретическая, то и перстосложение, какое бы оно ни было, также будет еретическое. Таким образом, одно и то же перстосложение может быть и православным и еретическим смотря потому, с каким разумом или какой мыслью оно употребляется. Пример, доказывающий эту мысль, находим в истории Древней Церкви. Так святитель Иоанн Златоуст, святитель Епифаний Кипрский, блаженный Феодорит Кирский и другие свидетельствуют, что христиане их времени изображали на себе крест одним перстом, и перстосложение это тогда конечно было православно. Но потом это же самое перстосложение стали употреблять еретики-единовольники (монофелиты), соединяя с ним свое нечестивое учение о единой воле во Иисусе Христе, — тогда это перстосложение, бывшее прежде православно, через соединение с ним еретической мысли и само становится уже еретическим.

Старообрядцы утверждают, что троеперстие стало существовать в Церкви только со времени патриарха Никона. Но если бы это было и так, то и тогда они не имели бы законного основания и права за перемену

перстосложения обвинять Церковь в ереси и отделяться от нее, как, например, древние еретики четырнадцатники не имели права отделяться от Церкви за отмену обычая праздновать Пасху в четырнадцатый день мартовской луны, хотя обычай этот и действительно был древний, ведущий свое начало от времен апостольских. В действительности же троеперстие существовало в Церкви с незапамятных времен, когда патриарха Никона не было еще и на свете»⁶⁵.

В доказательство древности троеперстия Алексей Данилович привел множество свидетельств, имеющихся в древних книгах, на древних иконах и на различных изображениях.

«Старообрядцы в пользу своего двуперстия могут также указать нам немало свидетельств от так называемых старопечатных книг и древних икон, — сказал он. — Но мы и не спорим с ними в том, что наряду с троеперстием в древности существовало и двуперстие, особенно в нашей Русской Церкви, во времена, близкие к патриаршеству Никона. Это обстоятельство только еще лишний раз доказывает нам, что перстосложение в Древней Церкви было неодинаково и что различие перстосложений не лишало ее православия и святости.

Употребляя троеперстное сложение для крестного знамения, Церковь наша учит исповедывать этим перстосложением православную веру во Святую Троицу: Отца и Сына и Святого Духа. Следовательно, перстосложение это ни в каком случае не может почитаться еретическим. Обвиняя Церковь за употребление ею троеперстного сложения, старообрядцы всю силу полагают, очевидно, не в том, какая вера должна исповедоваться тем или другим перстосложением, а в самих перстах, так или иначе сложенных»⁶⁶.

Завершая свое слово, Алексей Данилович попросил раскольников показать — какая ересь содержится в троеперстии, употребляемом Церковью с православной мыслью о Святой Троице. За отсутствием начетчика, которого воробьевские раскольники намеревались привезти на эту беседу из Москвы и который почему-то не поехал, никто вступить в объяснения не пожелал.

Однако слушатели не расходились, и Алексей Данилович продолжил беседу. Он подробно разобрал неосновательность клятвы, наложенной Стоглавым Собором на не крестящихся двумя перстами, которую раскольники обычно приводят в обвинение Православной Церкви за употребление ею троеперстия.

В заключение миссионер выразил сожаление, что раскольники до сих пор не могут отрешиться от своего предубеждения против троеперстия. Погнавшись за двумя перстами, они лишились всего того, что необходимо для спасения, — лишились священства и таинств, лишились спасительного единения со святой Церковью⁶⁷.

2 декабря в Николо-Перервинском монастыре состоялась беседа о безблагодатности австрийского священства. Опираясь на Священное Писание, Алексей Данилович напомнил слушателям, что «священная иерархия истинной Церкви, будучи учреждена Самим Христом, пребудет в ней неизменно во все времена ее существования. Имея у себя всегдашнее пребывание Богопреданной иерархии, святая Церковь всегда имела и до скончания века будет иметь и неиссякаемый источник благодатных даров Святого Духа, а потому она никогда не может нуждаться в заимствовании сей благодати из какого-либо чуждого ей источника. <...>

Не таково общество старообрядцев. Оно, отделившись от истинной Христовой Церкви, вскоре лишилось

сего благодатного источника, ибо с пресечением у них преемственного рукоположения епископского, оскудела и благодать Святого Духа. <...> Лишившись главных членов священной иерархии — епископов, старообрядцы вскоре стали лишаться и священников, потому что за отсутствием епископов у них прекратилось и таинство Хиротонии. Опасаясь, как бы вконец не лишиться и священников, старообрядцы придумали тайно похищать себе их из той же Православной Церкви, от которой сами же отделились, сочтя ее еретической. Такие священники, соглашавшиеся из-за материальных благ бежать из православия в раскол, хотя, к сожалению, и находились, но они, будучи оторваны от единения со святой Церковью, не могли приносить старообрядцам никакой пользы. По 39-му правилу святых апостол они не могли совершать у них ни одного таинства, ни одного священнодействия, ибо не имели на то повеления от епископа. С такими самовольными священниками старообрядцы и пребывали целых сто восемьдесят лет, пока наконец не переманили к себе греческого митрополита Амвросия, которого такой же беглый, безблагодатный священник Иероним подверг чиноприему как еретика второго чина через миропомазание и объявил его своим митрополитом. От этого-то беглого митрополита Амвросия и произошла австрийская иерархия старообрядцев. Имеет ли какое-нибудь сходство эта австрийская иерархия с истинной Христопреданной иерархией? Ясно, что ровно никакого. Священная иерархия истинной Церкви ведет свое начало от Самого Христа и преемственно от апостолов непрерывно продолжается и будет продолжаться до скончания века. Австрийская же иерархия старообрядцев, не имея преемственного, от Христа продолжающегося ряда епископов, ведет свое начало

только с 1846 года, от беглого греческого митрополита Амвросия»⁶⁸.

Показав, что привлеченный старообрядцами митрополит Амвросий через свое бегство от своего православного патриарха и самовольное восхищение не дарованного ему епископского престола у старообрядцев по суду церковных правил подвергается извержению из сана, Алексей Данилович спросил: «Кем был послан Амвросий в Белую Криницу к старообрядцам и через кого получил благодать Святого Духа на отправление у них епископских действий?»

Отвечать выступил противоокружнический священник Иван Ромадин. Однако, вместо того чтобы отвечать на вопрос, он принялся за разбор речи миссионера, находя ее неправильной из-за того, что миссионер сказал об отделении старообрядцев от Греко-Российской Церкви и прекращении у них епископов, но не упомянул о том, какими причинами было вызвано это отделение.

Алексей Данилович заметил на это, что собеседник уклонился от предмета беседы, так как вопрос был не о том, какие причины заставили старообрядцев отделиться от Православной Церкви и почему митрополит Амвросий убежал к ним от своего патриарха, а о том, кем был он послан к старообрядцам и через кого получил благодать Святого Духа на отправление у них епископских действий. Указанное собеседником 15-е правило Двукратного Собора несколько не оправдывает незаконного бегства митрополита Амвросия от своего патриарха, ибо оно не дает права отступившим от еретика-епископа уклоняться из Православной Церкви в другое, отдельное от нее общество и самовольно восхищать себе там архиерейские престолы, как поступил родоначальник австрийской иерархии — Амвросий, и притом не от ереси отступивший, а тайно

*Священник
Сергий Воскресенский*

бежавший от православного патриарха, которого сам он не обличал ни в какой ереси, а отдался в руки старообрядцев единственно из-за материальных выгод и пожелания себе спокойной жизни. Затем в правиле говорится, что отступившие от еретика-епископа лица (очевидно, православные), «чести и приятия достойни суть, яко правовернии», а старообрядцы приняли к себе Амвросия не «яко правоверного», а как еретика второго чина через миропомазание. Итак, противозаконные действия ми-

трополита Амвросия, подвергшие его по суду церковных канонов извержению из епископского сана, ни в каком случае не могут быть оправданы 15-м правилом Двукратного Собора, которое поэтому напрасно и привел собеседник.

После этих слов Алексей Данилович повторил свой вопрос: «Кем был послан митрополит Амвросий в Белую Криницу к старообрядцам и через кого получил благодатную силу и власть на отправление у них епископских действий?» Он попросил собеседника ответить прямо и не уклоняться от ответа. Однако тот, не обращая внимания на настоятельную просьбу миссионера, вновь стал говорить о другом⁶⁹.

27 января 1908 года состоялась беседа в деревне Беляево в доме сельского старосты. Беседа продолжалась

около трех часов; собравшихся слушателей, православных и раскольников, было около семидесяти человек.

После молитвы к собравшимся с кратким словом обратился священник Сергей Воскресенский*, настоятель Иоанно-Предтеченской церкви в селе Дьякове. Со стороны раскольников, признающих австрийское священство, никто не выступил с возражениями. Вместо них выступил живший в Беляеве беспоповец Тит Ефимович Фролов. Подтвердив истину приводимых миссионером свидетельств о незаконности и безблагодатности австрийской иерархии, он, со своей стороны, попытался доказать, что истинная Церковь может быть совсем без священства. Но это ему не удалось, и он попросил миссионера назначить еще одну беседу в той же деревне, на которой он, хорошенько подготовившись, докажет возможность существования Церкви без священства и семи таинств. Просьба его была исполнена, и беседа была назначена на 2 февраля⁷⁰.

Явившись на беседу, Фролов доказать существование Церкви без священства и таинств не смог. Пытаясь это сделать, он ссылаясь на мнимое царствование с 1666 года антихриста, истребившего будто бы и священство, и полноту семи церковных таинств. Это его лжеучение было опровергнуто многими свидетельствами слова Божия и из уважаемых раскольниками старопечатных книг, которые весьма ясно показывают, что полнота священства и таинств будет существовать в Христовой Церкви во все дни до скончания века. В дополнение к этим свидетельствам было доказано, что и последний антихрист, который так необходим беспоповцам для оправдания своего общества,

---

* Отец священномученика Сергея Воскресенского (память 26 февраля / 11 марта).

еще не являлся в мир, а потому собеседник напрасно ссылается на него, как на мнимого разрушителя Богоучрежденного священства и таинств.

Беседа продолжалась часа три. Слушателей было около ста человек. По ее окончании один из раскольников, признающий австрийское священство, В. С. Белкин попросил миссионера в той же деревне Беляево назначить беседу о том, может ли истинная Христова Церковь лишиться всех до одного епископов, как лишились их на сто восемьдесят лет старообрядцы. На эту беседу он обещал пригласить для защиты раскольников своего священника Ивана Ромадина. Его просьба была исполнена, и беседа назначена на 17 февраля⁷¹.

Состоявшаяся беседа продолжалась четыре часа и собрала такое количество слушателей, что обширный дом, представленный для беседы одним из раскольников, едва смог вместить всех желающих.

В доказательство мысли о вечном и непрерывном пребывании епископов в Церкви Алексей Данилович привел ясные и неопровержимые свидетельства святоотеческих писаний, на которые его собеседник не смог ничего возразить. И миссионер в каждом своем выступлении, продолжавшемся по 15 минут, стал обращать внимание слушателей на упорное молчание Ивана Ромадина о приводимых изречениях святых отцов. Наконец, чувствуя, что попал в неловкое положение перед слушателями, Ромадин вынужден был высказаться, выразив перед всеми недоверие к ним. «Святые отцы, — сказал он, — хотя и говорят о вечном пребывании епископов во святой Церкви, но по их не сбывается». Таким пренебрежительным отзывом об учении святых отцов он привел в смущение и замешательство даже своих последователей.

Обыкновенно Иван Ромадин, высказавшись в последний раз, уже не слушал ответной речи миссионера, а вставал и уходил вместе со своими сторонниками. Но на этот раз беседа происходила в доме раскольника, пригласившего его после беседы поужинать, так что уходить было некуда и неудобно. Но как только Алексей Данилович начал отвечать, защищая позицию православных, Ромадин поднял шум и крик, а затем, чтобы заглушить речь миссионера, стал громко петь «Достойно есть...».

Несмотря на то, что Иван Ромадин потерпел очевидное поражение, он попросил миссионера назначить еще одну беседу о причинах первоначального отделения старообрядцев от Православной Греко-Российской Церкви и о «ересях» Российской Церкви, послуживших причиной отделения. Беседа была назначена на 2 марта в Иоанно-Предтеченском храме села Дьякова, расположенного неподалеку от деревни Беляево⁷².

На эту беседу в село Дьяково собралось множество раскольников и православных. После молитвы Алексей Данилович произнес краткую вступительную речь, в которой объяснил слушателям, какие причины вызвали первоначальное отделение в 1653 году старообрядцев от Православной Церкви. Эту речь Иван Ромадин беспрестанно прерывал замечаниями. В конце нее Алексей Данилович

Церковь в селе Дьякове

обратился к нему с просьбой самому указать: какие ереси, по мнению старообрядцев послужившие для первоучителей раскола и их единомышленников причиной к отделению от Церкви, приняла наша Церковь в 1653 году. Говорить условились по двадцать минут.

В первой своей речи Иван Ромадин обвинил Православную Церковь в «страшной», как он выразился, «ереси» на основании следующих слов книги Деяний Московских Соборов 1666–1667 годов: «Лучши имать именовати Бога тьму и невидение, нежели свет» (Деяние Собора 1666 года, л. 17)⁷³. Эта мнимая «страшная ересь» настолько его занимала, что все свои двадцать минут он говорил только о ней, выясняя на разные лады ее значение.

В ответ на это обвинение Алексей Данилович заметил, что приведенные им слова принадлежат не отцам Собора, а святому Дионисию Ареопагиту, как это видно из самой цитируемой книги. А потому, прежде чем обвинять за это выражение отцов Собора и даже всю Православную Церковь в «страшной ереси», он должен обвинить в этом святого Дионисия Ареопагита. Затем миссионер подробно объяснил, что выражение: «лучше именовать Бога тьму» употреблено не в собственном смысле, а в смысле непостижимости Божества. В этом именно смысле Бог именуется тьмою и у других святых отцов и великих учителей Церкви, каковы святитель Григорий Богослов и преподобный Иоанн Дамаскин. Неужели же собеседник осмелится осудить в «страшной ереси» и этих великих светил и учителей Церкви?! Кроме того, собеседник не к делу привел это выражение, находящееся в книге Деяний Собора 1666 года, потому что первоначальное отделение старообрядцев от Православной Церкви произошло много ранее Собора, а именно в 1653 году, а потому выражение это никоим образом не могло служить причиной их

отделения. Затем Алексей Данилович повторил свой вопрос: какие ереси приняла наша Церковь в 1653 году, в котором произошло первоначальное отделение от нее старообрядцев?

Вместо ответа Иван Ромадин начал говорить о разных порицаниях на старые обряды, находящихся в противораскольнических сочинениях прежнего времени. Перечислив все эти порицания, он обвинил Церковь в противоречии самой себе, ибо, несмотря на эти порицания старых обрядов, она разрешила употреблять их своим единоверцам.

Алексей Данилович на это обвинение сказал, что все указанные порицания, на основании которых Иван Ромадин старается обвинить нашу Церковь в мнимом противоречии, принадлежат не самой Церкви, а частным лицам, занимавшимся обличением раскола, которых вынуждали так резко отзываться о старых обрядах сами же раскольники своими нестерпимыми хулениями на новоисправленные обряды, употребляемые Православной Церковью. Сама же Церковь этих порицаний «не разделяет и не подтверждает», как это засвидетельствовано Святейшим Синодом, в изданном им в 1886 году «Изъяснении»⁷⁴. Следовательно, все перечисленные собеседником резкие выражения о старых обрядах, принадлежащие частным писателям, не могут быть поставлены в вину всей Православной Церкви, а потому совершенно напрасно собеседник так много разглагольствовал о них, тем более что выражения эти были написаны много лет спустя после появления раскола и не могли быть причиной отделения старообрядцев от Церкви.

Заключительной речи миссионера Иван Ромадин по своему обыкновению слушать не стал. Он вышел из храма и увлек за собой часть раскольников, но большинство

присутствовавших продолжало внимательно слушать пояснения миссионера⁷⁵.

9 марта состоялась беседа в Николо-Перервинском монастыре, на которой присутствовали монастырская братия, православные миряне и раскольники. Беседа была об именованном перстосложении⁷⁶. На беседу вновь пришел Иван Ромадин. Объяснив слушателям смысл, заключающийся в именованном перстосложении, и доказав на основании сохранившихся древних памятников, что оно употреблялось в святой Церкви с глубокой древности, Алексей Данилович обратился к Ивану Ромадину с вопросом: «Какая, по мнению старообрядцев, содержится ересь в именованном перстосложении, употребляемом православными пастырями для благословения, с именем Ис. Хс. — Иисус Христос?»

Но и на этот вопрос Иван Ромадин ответа не дал. Его возражения, высказанные им против именованного перстосложения, были записаны миссионером во время беседы⁷⁷.

«Рассуждая об указанных древних памятниках, с сохранившимися на них изображениями благословляющих рук с именованным перстосложением, Иван Ромадин сказал, что изображения эти могли быть подделаны; а относительно древних святительских облачений с изображением именованно благословляющих рук, <...> он сказал, что „на них портные могли сделать по заказу какие угодно изображения“. Несмотря на эти свои подозрения в возможности подделок на древних изображениях, он и сам, однако, стал потом указывать на существование древних икон с изображением на них двуперстно благословляющих рук. В числе этих икон он указал и на Тихвинскую икону Божией Матери, хранящуюся в Московском Успенском соборе, написанную, по одному преданию, святым евангелистом

Лукою, хотя, как известно, перстосложение, изображенное на сей иконе у Богомладенца, ближе подходит к именованному, чем к двуперстному перстосложению. Указав на эту икону, собеседник стал утверждать, что двуперстное сложение было предано Самим Христом. Именованное перстосложение, по мнению собеседника, не может быть приемлемо потому, что им будто бы нельзя изобразить имя Спасителя с двумя ижами — Иисус, как принято писать и произносить в нашей Церкви»⁷⁸.

Дальнейшее выступление Ивана Ромадина уже совсем не имело отношения к именованному перстосложению. Он много и долго говорил о порицаниях на старые обряды, о единоверии, имени Иисус, клятвах Московского Собора 1667 года и прочем тому подобном⁷⁹.

Разбирая его возражения, Алексей Данилович всякий раз обращал внимание слушателей на то, что собеседник ничего не отвечает на главный вопрос: содержится ли какая-нибудь ересь в именованном перстосложении?

«Если бы... в именованном перстосложении действительно, как думают старообрядцы, была какая-нибудь ересь, то собеседник давно бы указал ее, — сказал миссионер. — Ясно, что именованное перстосложение не содержит в себе никакой ереси. Да и возможно ли даже подумать, чтобы оно содержало в себе ересь, когда пастыри Православной Церкви употребляют его для благословения о имени Господа нашего Иисуса Христа! Возможно ли называть его еретическим, когда оно находит оправдание себе в самом Священном Писании! *Мною Самем кляхся, глаголет Господь* (Аврааму)... *и благословятся о семени твоём вси языцы земнии* (Быт. 22, 16–18); семя же Авраамово есть Сам Иисус Христос (Гал. 3, 16). В другом месте слова Божия читаем: *Рече Господь к Моисею, глаголя: рцы Аарону и сыном его, глаголя: сице благословите сыны Израилевы... и да*

возложат имя Мое на сыны Израилевы, и Аз Господь благословлю я (Чис. 6, 22–23, 27). Если... Сам Господь при благословении повелевает возлагать на людей имя Его, то свойственно ли верующим в Бога гнушаться именованным благословением, которым возлагается на благословляемых имя Господне — Ис. Хс.? Свойственно ли порицать его разными злохулениями и даже производить из-за него тяжкий грех церковного раскола, как поступают... старообрядцы?»⁸⁰

18 мая Иван Ромадин явиться на беседу уже отказался. Причину своего отказа он объяснил тем, что не обязан каждый раз ездить на беседы с миссионером, так как он ничего за это не получает, а тот за свои беседы получает жалованье. Раскольники, зная, что на беседе их защитника не будет, на беседу также не пришли, и за отсутствием слушателей она не состоялась⁸¹.

С 1908 года существенно изменились порядок и условия проведения миссионерских бесед, что превратило само устройство их в некоторый подвиг, когда нужно было преодолеть не только трудности, которые были связаны непосредственно с миссионерской деятельностью, но и бюрократические препятствия, чинимые государственными чиновниками. Возникли и материальные затруднения.

1 декабря 1908 года Алексей Данилович писал епархиальному миссионеру протоиерею Иоанну Полянскому: «До января месяца текущего года беседы со старообрядцами в разных миссионерских пунктах обыкновенно устраивались самими миссионерами, без обращения каждый раз к епархиальному начальству с просьбой о разрешении на их производство. О предполагавшейся беседе миссионер заблаговременно (не менее, чем за неделю) делал объявление, для чего или сам ездил в ту местность, где предполагалось быть беседе, или посылал туда нарочного.

Беседы по такому порядку производились почти каждый воскресный, а иногда и иной праздничный или даже и будний день. Расходы же по миссионерским разъездам оплачивала Московская духовная консистория по представляемым миссионерами предварительно проверенным счетам.

Но с января месяца текущего года такой порядок производства бесед указом его высокопреосвященства высокопреосвященнейшего владыки митрополита [Владимира] был заменен другим, по которому миссионеры, желая произвести где-либо беседу, должны прежде заявить об этом епархиальному начальству и неопределенное время ждать от него разрешения на это ее производство. Кроме того, миссионер после каждой произведенной им беседы должен явиться к сельскому старосте или другому полицейскому лицу той или другой местности и просить у него удостоверение себе, что беседа в данной местности действительно в такое-то время была произведена. Что же касается оплаты расходов по миссионерским разъездам, то она с января месяца была совсем прекращена до неопределенного времени, и неизвестно, когда будет вновь производиться.

При таких условиях производить беседы с прежним постоянством было крайне затруднительно. Правда, сознавая неудобство нового порядка производства бесед, Ваше высокопреподобие и московский городской и гуслицкий миссионер отец протоиерей Х[ристофор] Максимов разрешили нам производить миссионерские беседы по прежнему порядку, однако означенное распоряжение его высокопреосвященства не могло не отразиться на деятельности миссионеров; прекращение же оплаты расходов по миссионерским разъездам и неимение собственных средств производство бесед делало и вовсе почти невозможным.

Но, несмотря на высказанные обстоятельства, я, однако, и после января месяца старался производить беседы с прежним постоянством. Не имея возможности производить расходы по миссионерским разъездам из собственных средств, я занимал деньги у одного знакомого мне состоятельного человека, надеясь возвратить их ему при возобновлении консисторией оплаты расходов по миссионерским разъездам. Так продолжалось до июля месяца сего года. С этого же времени, не имея уже никакой возможности оплачивать миссионерские разъезды, я, к сожалению, вынужден был беседы со старообрядцами, сопряженные с таковыми разъездами, на неопределенное время прекратить»⁸².

Впоследствии это положение было исправлено и миссионерам вновь стали компенсировать средства, потраченные ими на проезд к месту бесед.

Алексей Данилович принимал живое участие в организации каждой беседы. О времени и месте ее проведения он сам заблаговременно расклеивал объявления и лишь в отдельных случаях просил чьей-либо помощи. Слушателей всегда было много. Возражателями на публичных беседах выступали местные крестьяне из начитанных раскольников. В деревне Котляково возражателем часто выступал В. Д. Скапидаров (он же Захаров) из деревни Курьяново. Ранее на этих беседах выступал противоокружнический священник Иван Ромадин, но впоследствии он совсем перестал приходить на беседы. Причиной этого стало его пьянство, из-за которого он натворил таких дел, что раскольники разгневались на него, привлекли его к судебной ответственности и прогнали как шарлатана и проходимца, а раскольниковый епископ Иосиф запретил его в священнослужении.

15 июня 1908 года в сборной избе в деревне Котляково при значительном количестве слушателей состоялась

беседа об имени Иисус. После вступительной речи, в которой на основании древнеписьменных и древнепечатных книг было доказано, что имя Спасителя — Иисус — так писалось в Древне-Русской Церкви до патриарха Никона, Алексей Данилович спросил раскольников, признают ли они это? Если признают, то погрешила ли в этом Древне-Русская Церковь и лишилась ли через это православия? Возражать выступил В. Д. Скапидаров. Желая доказать, что имя Иисус до патриарха Никона так не писалось, он выразил сомнение в достоверности выписок из древнеписьменных и древнепечатных книг. Тогда ему были показаны несколько мест с именем Иисус из «Беседы Златоуста на 14 посланий святого апостола Павла», на что он возразил, что здесь по недосмотру типографии допущены ошибки, ибо во всех других местах этой книги имя Спасителя напечатано с одной ижею, то есть так: Исус⁸³.

Возражая Скапидарову, Алексей Данилович сказал: «Когда с именуемыми старообрядцами приходится говорить об исправлении богослужебных книг при патриархе Никоне, тогда они всеми силами стараются доказать, что книги, бывшие до Никона во всем были исправны и беспорочны, а потому и не нуждались в исправлении. Когда же этими же самыми книгами изобличаются их различные лжемудрования, вроде того что имя Спасителя до патриарха Никона будто бы не писалось с двумя ижами, тогда они начинают говорить уже совсем другое, начинают утверждать уже, что в данном случае в них допущены были ошибки. Так поступает теперь и наш собеседник. Где же добросовестность старообрядцев? Нет, не ошибки следовало бы подозревать старообрядцам в древних книгах при виде многократного начертания в них неприятного им слова: Иисус, а чистосердечно признаться, что в древности имя Спасителя писалось различно: и полностью — Иисус

и сокращенно, под титлою — Ісь, иногда же и Ісус, и все эти начертания относили тогда к одному и тому же Лицу Сына Божия, а не производили, как старообрядцы, разделения с Церковью из-за одной буквы „и“. В книге „Бесед“ святителя Златоуста имя Спасителя в большинстве случаев действительно встречается начертанным сокращенно, под титлою — Ісь, но это начертание не доказывает еще, что имя Спасителя следует произносить Ісус, а не Іисус, ибо в Древле-Русской Церкви существовал обычай имя Спасителя писать сокращенно — Ісь, хотя писавшим и известно было, что полностью это имя должно писать и произносить Іисус»⁸⁴. В доказательство этой мысли Алексей Данилович зачитал место из предисловия к Львовскому Апостолу (1639 года)⁸⁵, где говорится, что краткое начертание — Ісь правильно произносить следует Іисус.

Направляя отчет о миссионерской деятельности за 1908 год протоиерею Иоанну Полянскому, Алексей Данилович счел нужным особенно обратить его внимание на совершенно новое в религиозной жизни России явление, которое появилось и в отличавшемся благочестием жителей селе Борисове.

«Жители названного селения, — писал он, — всегда отличались своею набожностью, благоговением ко всему святому и уважением своих духовных отцов — церковных пастырей. Большинство борисовцев, слава Богу, продолжают быть таковыми же и теперь. Но некоторые лица из проживающих в Москве на фабрике, распропагандированные там различными „освободителями“, являясь во все праздничные дни в свое родное село, стали проявлять пренебрежительное и даже враждебное отношение и к Церкви, и к ее пастырям. Воображая себя передовыми людьми, лица эти при всяком удобном и неудобном случае стараются внушить своим односельчанам антицерковные,

а иногда даже и прямо безбожные мысли, вроде того что Бога, мол, и загробной жизни вовсе не существует. Причем такие дикие мысли высказываются этими жалкими, несчастными людьми, хватившими на фабрике смертоносного яда безбожия, в весьма грубой, нелепой форме. А до чего доходят эти люди в своей злобе и дерзости по отношению к священнослужителям, можно судить по следующему безобразному поступку одного из таких лиц.

В храмовой праздник святителя и чудотворца Николая, на второй уже день, 7 декабря минувшего 1908 года местный священник, отец Василий Богоявленский, по заведенному обычаю ходил по домам села Борисова со святым крестом и иконой святителя Христова Николая. Придя в один из домов, батюшка встретил там отличающегося особенной злобой к церковным пастырям одного из упомянутых „передовиков“, формально числившегося православным, Н. Лаптева. Без всякого со стороны священника повода он начал осыпать его грубой бранью, называя его наемником, обирохой, антихристом и тому подобными оскорбительными именами! И это в то время, когда священник стоял перед своим ругателем в облачении и со святым крестом в руках! Таковы плоды, созревающие на почве, угобженной зловредным лжеучением различных неверов и безбожников, именующих себя прогрессистами, так щедро распространяющимися ныне всюду, в особенности же на фабриках и заводах, среди рабочего люда свое „просвещение“!

К чести борисовцев следует, однако, сказать, что вся болтовня наших неверов-фабричных не имеет пока на них никакого влияния: на „передовиков“ смотрят у нас как на отъявленных, отчаянных озорников, относятся к ним с недоверием, сторонятся их. Но за будущее, однако, приходится опасаться. Кто знает, быть может, плевелы,

рассеваемые этими свихнувшимися людьми, со временем взойдут и принесут столько зла, что с ним уже трудно будет и бороться. А потому, предупреждая опасность, необходимо принять надлежащие меры к подавлению пока еще не разросшегося зла. Такими мерами могли бы быть, конечно, проповеди и беседы, направленные против безбожия, и распространение таких же книг и брошюр среди населения»⁸⁶.

19 апреля 1909 года состоялась беседа в селе Коломенском в храме великомученика Георгия. На ней присутствовали: местное духовенство — священник Николай Лихачев и диакон Петр Успенский и около ста пятидесяти человек — православных и раскольников.

Выступавший от имени раскольников начетчик заявил, что православные, произнося некоторые молитвы иначе, чем старообрядцы и чем это было установлено Собором 1667 года, подпадают под клятвы этого Собора⁸⁷. Алексей Данилович, сообщив, что Собор благословил употребление двух вариантов оспариваемых раскольниками текстов, стал говорить о сути разногласий.

«Клятвы Собора 1667 года, — сказал он, — положены были только на противников святой Церкви — старообрядцев, и притом не за простое употребление так называемых старых обрядов, а за то, что они с употреблением оных обрядов соединяют свои нетерпимые хулы на нее и на содержимые ею обряды. По свидетельству самих отцов Собора 1667 года, они имели дело с такими людьми, которые „нарицаху книги печатныя новоисправленныя... быти еретическия, и растленны, и чины церковныя яже исправшися со греческих и древних российских книг злословиша, имены хульными нарицаша ложно; и весь архиерейский чин и сан уничижиша, и возмутиша народ буйством своим; и глаголаше Церкви быти не Церкви,

архиереи не архиереи, священники не священники“ (Деяние Собора 1667 года, л. 1 об.). На таковых-то злохулителей, употреблявших так называемые старые книги и обряды в знак своей непримиримой вражды с Церковью, и были положены соборные клятвы.

Единоверцы хотя употребляют те же обряды, какие употребляют отделившиеся от Церкви старообрядцы, но употребляют не по вражде к ней, а только в силу своей врожденной к ним привычки; они считают ее за истинную Христову Церковь и пастырей ее — за православных пастырей. Поэтому и клятвы Собора 1667 года никоим образом касаться их не могут. Клятвы эти достойно и праведно лежат лишь на враждующих против Церкви старообрядцах и будут лежать на них до тех пор, пока они не уразумеются и не придут в правду покаянием, пока не оставят своей вражды к Православной Церкви, пока не раскаются в своих заблуждениях и не войдут под спасительный материнский кров ее, ибо *еще же (кто) и Церковь преслушает*, сказал Господь, *буди тебе якоже язычник и мытарь* (Мф. 18, 17)»⁸⁸.

21 июня 1909 года в деревне Котляково состоялась беседа на излюбленную раскольниками тему — о трехперстном сложении. Народу на беседу явилось так много, что в доме не смогли поместиться все желающие и многие были вынуждены расположиться снаружи и слушать беседу через открытые окна. Беседа продолжалась около четырех часов и, несмотря на это, никто не расходился и во время беседы слушатели соблюдали полный порядок.

С целым узлом книг явился на эту беседу Василий Дмитриевич Захаров, по просьбе которого она была назначена. Прежде всего он потребовал от миссионера, чтобы беседовать «на равных правах», то есть говорить одинаково по времени, а заключительная речь чтобы принадлежала

ему. Относительно времени Алексей Данилович согласился, но не согласился на то, чтобы раскольник завершал беседу православного миссионера своим словом.

Во вступительном слове Алексей Данилович со всей обстоятельностью раскрыл правильное понятие об обряде перстосложения вообще и в частности показал, что троеперстие употреблялось в Православной Церкви с глубокой древности, за много лет до патриарха Никона. После этого он попросил своего собеседника указать, какая ересь содержится в троеперстии, употребляемом Церковью с православной мыслью о Святой Троице, и можно ли считать Церковь за содержание перстосложения еретической и отделяться от нее?

В продолжении всей беседы Захаров произнес три речи, но только во второй из них он попытался доказать, что, употребляя для крестного знамения троеперстие во имя Святой Троицы, Церковь проповедует этим богострастную ересь, приписывает страдание Святой Троице⁸⁹.

Отвечая на это тяжкое обвинение собеседника, Алексей Данилович стал объяснять, что «хотя Православная Церковь и повелевает своим чадам творить на себе крестное знамение тремя первыми перстами во имя Святой Троицы, но никогда и нигде не учила соединять с этим еретическую мысль о страдании Святой Троицы на Кресте. Эта мысль давно уже была придумана самими старообрядцами и без всякого основания навязывается ими Православной Церкви, которая, употребляя трехперстное сложение для крестного знамения, выражает этим только свою веру во Святую Троицу и спасительную силу Креста Христова, а отнюдь не навязываемую ей старообрядцами мысль богострастия. Навязывая Церкви эту еретическую мысль, старообрядцы совершенно забывают о том, что и сами они в своем так называемом двуперстии первый, четвертый

и пятый персты также употребляют во имя Святой Троицы. Рассуждая так, значит, и они, полагая на себе крестное знамение, должны признать себя проповедниками богострастной ереси. Кроме того, в двуперстии образуются два естества Христовы — Божеское и человеческое. А ведь Христос Спаситель страдал на Кресте только человечеством, а не Божеством. Рассуждая по-старообрядчески, опять придется признать, что когда они двумя перстами изображают крест, то подают через то мысль, что Христос страдал на Кресте не человечеством только, но и Божеством.

Затем, крестообразное пострижение иноков и младенцев совершается тоже во имя Святой Троицы. Но ведь и сами старообрядцы не решатся видеть в этих священных действиях богострастную ересь, а потому они не должны приписывать ее и троеперстию, употребляемому Церковью для крестного знамения с православной мыслью о Святой Троице»⁹⁰.

Остальные две речи раскольника, в которых он говорил о резких выражениях против двуперстия, находящихся в некоторых полемических книгах, уже вовсе не относились к теме беседы. Алексей Данилович заметил, что эти выражения принадлежат частным лицам и Церковью не разделяются, и обвинить за них Православную Церковь начетчику не удалось.

29 июня в Николо-Перервинском монастыре состоялась беседа о догматических заблуждениях раскольников. На беседе присутствовала часть монастырской братии. Всех слушателей на беседе было около ста пятидесяти человек.

На беседу пришли слывущие за начетчиков Василий Дмитриевич Захаров из деревни Котляково и Федор Иванович Еремин из деревни Курьяново. Они прослушали

*Общий вид Николо-Перервинского монастыря
и место постройки нового храма*

всю беседу, но возражать отказались, сославшись на свою неподготовленность и опасаясь, «как бы не осрамиться». Федор Иванович высказал пожелание, чтобы о миссионерских беседах заранее печатались программы, в которых обозначалось бы время проведения той или иной беседы, указывалось бы место и тема. Имея под руками такую программу, старообрядцы, по словам Федора Ивановича, с большим удовольствием могли бы готовиться к беседам и чаще бы стали выступать на них. Алексей Данилович на это резонно возразил, что и при существующем порядке объявления о беседах старообрядцы имеют достаточно времени подготовиться к ним, так как объявления расклеиваются на видных местах за семь и более дней до начала беседы, как это было сделано и в данном случае. Федор Иванович за несколько дней получил от миссионера письменное извещение, в котором были обозначены

время и тема беседы, а потому у него нет оснований ссылаться на свою неподготовленность.

Выслушав это справедливое замечание, Федор Иванович все же наотрез отказался от выступления, сославшись теперь на то, что не взял с собой нужных книг.

Во время вступительного слова миссионера, в тот момент, когда Алексей Данилович говорил о «Белокриницком уставе»⁹¹ старообрядцев, в котором содержится еретическое арианское учение о Сыне Божиим, что Он родился от Отца не прежде всех век, а вместе с веками, один из «интеллигентных» слушателей бесцеремонно прервал его вопросом: «Как Сын Божий, Иисус Христос родился от Бога Отца?»⁹²

Из-за настойчивого требования вопрошателя ответить на вопрос и возрастающего беспокойства и смущения слушателей Алексей Данилович вынужден был прервать речь и сказать: «Настоящая беседа, как и все прочие устрояемые мною беседы ведутся преимущественно

Братия Николо-Перервинского монастыря

со старообрядцами, как это заранее обозначается и в объявлениях. В этих объявлениях, расклеиваемых за несколько дней до беседы на самых видных и людных местах, обозначается и самый предмет беседы, о чем именно она должна вестись. А потому желающие побеседовать или быть совопросниками на беседе должны об этом хорошо знать и приходить сюда только с такими вопросами, которые имеют отношение к учению старообрядцев и именно к тому предмету, который обозначен в объявлении. А так как предлагаемый сейчас мне вопрос ничего общего с учением старообрядцев не имеет и к предмету беседы не относится, то я считаю его совсем неуместным, тем более что и предложен-то он мне совсем не вовремя, с очевидной целью прервать мою речь и помешать беседе. Посему я покорнейше прошу вопрошающего меня господина быть терпеливым и отложить свой неуместный и не вовремя заданный вопрос до конца нашей беседы со старообрядцами, тогда только я, что могу, и отвечу на него»⁹³.

«Интеллигент» замолчал, а Алексей Данилович стал продолжать прерванную им речь. Отвечая по окончании беседы на вопрос «интеллигента», он сказал приблизительно следующее: «Предложенный мне вопрос, как или каким образом произошло предвечное рождение Сына Божия от Бога Отца, принадлежит к числу таких непостижимых для человеческого ума вопросов, разрешить которые может только вера, свято содержащая Церковь. Если совопросник не потерял еще веру в благодатное учение созданной Христом Церкви, в которой пребывает Дух Святой, наставляющий ее на всякую истину, то пусть прочитает он содержимый ею Символ веры и найдет там ответ на свой вопрос. В Символе веры Бог Отец и Единородный Сын Его именуется между прочим Светом. „Верую... во Единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Иже от

Отца рожденного прежде всех век, Света от Света, Бога истинна от Бога истинна...“ Мы знаем, что видимый свет, наполняющий вселенную, рождается от видимого же света — солнца. Вот вам некоторое подобие предвечного, непостижимого рождения Сына Божия от Бога Отца, ибо солнце и рождающийся от него видимый свет нераздельны между собою, а есть как бы один свет. Подобно сему и Бог Отец, и предвечно рожденный Им Сын Его есть единый и нераздельный, вечный Свет, единого Божеского естества. Если же мой совопросник не имеет веры во святое учение Церкви Христовой, то он напрасно будет искать разрешения на свой вопрос, ибо вопрос этот, повторяю, для ограниченного человеческого ума непостижим и недомыслим; он разрешается только людьми истинно верующими, для которых невидимое и непостижимое существует как бы видимым. Наоборот, для людей неверующих, сколько бы они ни напрягали своего ума к разрешению подобных непостижимых вопросов, они навсегда останутся для них неразгаданными, ибо для таких людей доступно и вероятно только то, что они видят чувственными очами и осязают собственным телом. Почему, например, для неверующего не существует Бога? Потому что он не видит Его и не осязает руками. Но основательно ли отвергать существование всего невидимого и непостижимого для нашего ограниченного ума только потому, что мы его не видим? Конечно нет. Возможно ли, например, отвергать мысль человека и все ее проявления и действия на том основании, что никто из нас не может видеть ее и понять, как она с быстротой молнии переносится на какое угодно расстояние? Но этого не может сказать даже и самый неверующий человек, потому что мысль несомненно есть у каждого человека, хотя и никто из нас не может видеть ее. Подобно сему невозможно отвергать и несомненное существование

невидимого Бога, а также и предвечное, непостижимое рождение Сына Божия от Бога Отца»⁹⁴.

Во все время речи Алексея Даниловича «интеллигент» не проронил ни слова и только, уже уходя с беседы, как бы про себя, едва слышно сказал: «А все-таки миссионер не объяснил, как Сын Божий родился от Отца». После беседы монахи стали сердечно благодарить миссионера за проведенную беседу и в особенности за подробный ответ на вопрошание «интеллигента».

ТРУДНОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИССИОНЕРОВ ПОСЛЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ «СВОБОД»

После 1905 года, с введением в России различных «свобод», быстро стали возникать секты, влияние которых стремительно возрастало, захватывая самые различные слои российского общества. В Москве активно начали действовать «братцы» Иван Колосков и Дмитрий Григорьев. Они приобрели помещения, придав им внешний вид молитвенных домов с обилием икон и картин, отображающих сюжеты Священного Писания; здесь постоянно горели лампы и свечи и стоял запах ладана. В зале была установлена высокая кафедра с помостом, с которой выступали проповедники. В помещениях проводились собрания секты, делившиеся на три категории: общедоступные, для непосвященных, проходившие по понедельникам с 8 до 10 часов утра; для трезвенников — по воскресеньям с 2-х до 4-х часов дня, и для посвященных, для тех, которые уже всецело доверились водительству «братцев», — по воскресеньям и пятницам с 5 часов вечера до 11 часов ночи и позже; их сектанты называли «тайными вечерами» или «вечерами любви».

Алексей Данилович так описывал их. «На помост всходят „духовные сестрицы“ в серых платьях, при черных

фартуках, в белых платочках и окружают кафедру. На собраниях они играют роль запевал и главных пособников „братца“, заранее разучивших порядок собраний и руководящих толпой, среди которой расставлены и другие агенты „братца“. Быстро и нервно проходит к кафедре „братец“. Одет он в шелковую рубаху, опоясанную широким бархатным поясом, и в высокие блестящие сапоги. С шеи на грудь у него спускается на бархатной ленте большой белый перламутровый крест. В длинных волосах и с пробором посредине, он сразу производит впечатление особого духовного лица в организованной сектантской общине. По его знаку „духовные сестрицы“ запевают, причем начальные слова песнопений читает сам „братец“, а затем „трезвенники“, расставленные в толпе, подхватывают, за ними поют гости, получается довольно стройное и сильно действующее на нервы пение. После этого „братец“ читает из Евангелия и толкует крайне извращенно — все в переносном смысле. <...> На общедоступных собраниях „братец“ по преимуществу говорит против пьянства, но нередко делает и кощунственно еретические замечания насчет личности Иисуса Христа, резко обличает духовенство, к тому же настраивает своих учеников так, что заранее подученные „трезвенники“ выходят как бы из народа и нервно обличают пастырей, попутно оскорбляя чтимые святые иконы, которые-де никого не „отрезвили“, и наконец прославляют „чудотворца и исцелителя братца“. Снова пение и снова „братец“ в том же духе читает и толкует Евангелие. Затем он оправдывается от обвинений в присвоении им себе звания учителя, в ношении оригинальной одежды, длинных волос, в благословении народа <...>. „Учу я, — говорит „братец“, — потому, что Христос всем... повелел учить и даже крестить“...

В заключение „братец“ сходит с кафедры в отгороженный угол и творит там лицом к иконам как бы отпуст, а потом благословляет каждого посетителя, мажет его маслом, дает ему или ладан, или пузырек с жидкостью и руку для целования. Посетители кладут деньги под скатерти, которыми покрыты стоящие здесь же столы. Другие идут в трапезную или в кабинет „братца“ и там оставляют деньги. Все расходятся изрядно настроенные против православного духовенства и зараженные еретическими мыслями.

Собрания, предназначенные для одних только „трезвенников“, проходят тем же порядком, что и общедоступные, но только с большею сектантскою откровенностью.

На собраниях, называемых „тайными вечерами“ или „вечерами любви“, куда допускаются исключительно только доверенные лица и самые ярые последователи и приверженцы „братцев“, они проповедуют свое лжеучение уже открыто и показывают всю его безобразную наготу, о чем „братец“ Дмитрий сам так говорил бывшим его приверженцам: „на общих собраниях всем я говорю слово с навозом, а здесь, на тайной вечери, говорю вам слово чистое, а вы только глотайте“. <...> На них... собираются молодые люди и девушки. Сам „братец“ разыгрывает на них роль „пророка“. Окна дома, где происходят эти ночные собрания, тщательно занавешиваются, двери запираются. Под влиянием „пророчеств“ „братца“ на многих „накачивает“, и они также начинают „пророчествовать“. Такие „пророчества“, подобно как и у хлыстов, кончаются безобразной пляской голых мужчин и женщин и неистовым пением сектантских песен. Особо избранных лиц, бывающих на „тайных вечерах“, „братцы“ называют: мужей — „апостолами“, а женщин — „мироносицами“. Все же остальные

люди, по словам „братца“ Димитрия, это Лазари, которых надо ему воскрешать, то есть отрезвлять. Сам себя „братец“ считает то „Христом“, то „пророком Иоанном Крестителем“, то „Богом“, то „целителем Пантелеимоном“»⁹⁵.

«Братцы» отрицали Христа, родившегося от Богоматери, кощунственно утверждая, что у Него были другие плотские родители, а Дева Мария показала Ему в тридцать лет книги Моисея и велела Ему быть Христом. «Я, — говорил о себе „братец“ Димитрий, — также в тридцать лет стал Христом, отрезвился и благовествую. Для Христа братцем был Иоанн Креститель, а для меня братцем Иванушка* из Петербурга. Он меня крестил — это значит отрезвил и послал на проповедь. И кого я отрезвлю и пошлю благовествовать, тому и я буду „крестителем“. И тому я дам из чашки испить воды и кусочек просфоры, и того маслом помажу и присягу возьму не пить. Вот это и есть воскрешение»⁹⁶. Себя сектанты выдают за «христов» и назначают себе для услужения «богородицу». В воскресение Христа «братцы» не верят, как не верят они и в Страшный суд и в загробную жизнь. Брак они полностью отрицают, утверждая, что если мужу жена не нравится, то он может жить с другой женщиной и что в этом и есть любовь. Сами себя «братцы» считают целителями и чудотворцами, безгрешными и чистыми, научая и своих приверженцев прославлять их таковыми.

«Многие из православных чад святой Церкви увлекаются лжеучением „братцев“, — с горечью писал Алексей

---

* Имеется в виду Иван Алексеевич Чуриков (1861–1933), основатель религиозного трезвеннического движения, имеющего сектантский характер. Сам Чуриков не признавал Колоскова и Григорьева своими учениками, так как они непродолжительное время ходили на его беседы и заимствовали только внешнюю форму его деятельности и назвались «братцами».

Данилович, — потому что „братцы“ выдают себя за предсказателей и даже чудотворцев. И многие, к сожалению, верят им и почитают их действительно таковыми. Но, подумайте, братие, могут ли быть истинные чудеса от тех лжеучителей, которые вместо света Христова проповедуют тьму неверия своего в Иисуса Христа как единого истинного Бога? Могут ли быть чудеса от тех, которые считают Его за обыкновенного грешного человека и выдают себя за „христов“?! Истинные чудеса, совершаемые Господом через Своих праведников, совершаются в одной лишь Его святой Церкви, а вне ее — тьма и погибель. <...> Поэтому никак нельзя и верить, чтобы враги Христа и Его Церкви творили истинные знамения и чудеса. И если бы мы и действительно своими глазами когда-нибудь увидели бы у них какое-либо знамение или чудо, то и тогда не должно следовать и прилепляться им. Почему? Потому, что знамения творили и древние языческие мудрецы и прорицатели, но кто же скажет, что эти лица были проповедниками истинного учения о Боге и жизни? Одни знамения без прочих высоких достоинств, какими должны отличаться истинные пророки, не достаточный показатель истины. От таких прорицателей-чудотворцев Сам Бог предупреждает верующих в Него. <...>

Таких прорицателей-чудотворцев и Христос осудит во второе Свое пришествие, как Он Сам засвидетельствовал об этом во святом Своем Евангелии, когда сказал: *„... ажут ~ в т, т д^о в: Г, ^поди! Г, ^поди! ° ^, т Тв, ^” . имен` мы пророч^тв, ва . ... . ° ^ Тв, им . име- ° ^м м° „ ^ чуд^а тв, . ? И тогда ,бъявлю им: Я ° ^” - да ° ^ з°а ва^; , т, идит^ , т ~ ^ня, д^лающи^ безза^ , ° ^ (Мф. 7, 22–23; ср. Кор. 13, 1–2)»⁹⁷.*

«Ввиду распространившейся в нашей местности народной молвы о московских „братцах“ Иванушке

Колоскове и Димитрие Григорьеве как о „прозорливцах“ и „исцелителях“ от разных болезней, на собрания к которым стали уже ходить в Москву многие из нашего просто-народа, а некоторые даже приглашать их для „душеспасительных“ бесед в свои дома, я счел необходимым устроить в декабре публичные беседы против этих новоявленных проповедников, — писал Алексей Данилович епархиальному миссионеру протоиерею Иоанну Полянскому. — Первая беседа, 13 декабря 1910 года, была в деревне Марьино, в один из домов которой незадолго пред сим временем приезжал „братец“ Иванушка Колосков с „мироносицами“ и проповедовал там свое лжеучение. <...>

Народу на беседу собралось так много, что довольно просторный дом старосты не мог вместить всех желающих послушать ее. Впечатление от беседы... получилось благотворное. Некоторые из посещавших собрания „братцев“ и увлекшихся было их лжеучением высказывали сожаление в своем заблуждении; другие — намеревавшиеся послушать проповедь „братцев“ — благодарили меня за предупреждение о их губительном учении.

Вторая беседа происходила в селе Покровском 20 декабря, в котором также появились почитатели „братцев“, соблазнявшие своих односельчан рассказами „о чудотворениях“ и „прозорливости“ их.

Беседа происходила в местном храме, обширное помещение которого буквально наполнено было слушателями, так что во время беседы несколько раз приходилось сдерживать их от невольного напора к иконостасу и царским вратам. На беседе присутствовал местный священник с диаконом и псаломщиком»⁹⁸.

Однако вскоре беседы против опасных сектантов приняли весьма неожиданный поворот. Как человек законопослушный, Алексей Данилович, предполагая провести

беседу 24 февраля 1911 года в деревне Мисайлово, письменно обратился к подольскому уездному исправнику Люциану Владиславовичу Полонскому с уведомлением о предстоявшей беседе. Исправник для разрешения вопроса обратился в канцелярию московского губернатора В. Ф. Джунковского, от которого последовал запрос в Православное миссионерское общество: поскольку личность Алексея Зверева подольскому исправнику неизвестна, пусть Миссионерское общество сообщит, состоит ли он в числе окружных миссионеров и имеет ли от Общества полномочия на ведение бесед. Получив это письмо из Миссионерского общества, епархиальный миссионер протоиерей Иоанн Полянский 23 февраля написал губернатору, что Алексей Зверев имеет соответствующие полномочия. Протоиерей Иоанн был расстроен таким оборотом дела, считая, что и вообще не следовало бы миссионеру обращаться за разрешением на беседу к полиции. Тем временем местная полиция категорически запретила миссионеру выступать против сектантов, запретила и хозяевам домов его принимать, сделав в лице местного пристава Пиотровского письменное предупреждение хозяину чайной, Сергею Васильевичу Вагину, что собрание миссионеру Звереву «в чайной и вообще нигде не разрешается... За допущение могут быть неприятности»⁹⁹.

5 марта 1911 года протоиерей Иоанн Полянский направил письмо московскому губернатору. «...Я имел честь отвечать Вам на запрос Ваш, немедленно по получении его мною из Совета Православного миссионерского общества относительно личности господина Зверева, — писал протоиерей Иоанн губернатору, — что он лицо в миссионерском отношении полномочное и от меня, как епархиального миссионера, имеет официально разрешение в случае надобности, по сношении с приходскими священниками,

† отъ ѿ ѿ И, а°° †, я°° ѿ

беседовать с отпадшими от Церкви и вне пределов своего округа, как он и предполагал беседовать 24 февраля в деревне Мисайлово Подольского уезда.

Теперь господин Зверев доносит мне, что, прибыв 24 февраля в деревню Мисайлово, он, однако, не мог произвести беседы, о которой он еще 17-го послал заявление господину подольскому исправнику. Беседа была назначена против лжеучения москов-

ских „братцев“, из которых один, именно Иван Колосков, нередко приезжает в названную деревню со своими „духовными сестрицами“ для пропаганды своего лжеучения, назначена по желанию местных жителей. К определенному часу в Мисайлово собралось весьма много народу не только из этой деревни, но и из соседних селений; приехали из Москвы два посланных от самого „братца“ Колоскова, прибыли и два приходских священника из села Ирнинского и третий из села Острова. Оставалось только начать беседу, которую слушать с нетерпением жаждали все собравшиеся, как прибыл местный урядник с двумя стражниками, но не для наблюдения за порядком, как бы можно было ожидать, а для объявления, что он послан от своего начальства со строгим приказом ни под каким видом не допускать миссионера Зверева до производства бесед, и не только теперь, но и на будущее время, и не только в данном месте <...>, но даже и в храме. Миссионер

предъявил было уряднику свое „Открытое миссионерское свидетельство“, по указу его императорского величества самодержца Всероссийского выданное из Московской духовной консистории для представления в потребных случаях гражданскому начальству, но господин урядник действовать вопреки приказанию своего непосредственного начальства не мог, и беседа была не допущена.

Впечатление от такого запрета получилось очень тяжелое: запрещалась беседа, вести которую имеет долг и право миссионер, которую слушать желали не только народ, но и священники, тогда как всем хорошо известно, что, например, в Москве беспрепятственно устроят свои собрания как другие сектанты, так и отлученные в прошлом году и анафематствованные „братцы“, и полиция не только не препятствует их собраниям, но и охраняет на них порядок, — здесь же полиция запретила беседу и собрание, устроенное православным миссионером, защитником Православной Церкви против хулений ее разными лжеучителями. Впечатление было тем более тяжелое, что никаких причин к запрету беседы не было объявлено.

Изложив это печальное для чувства православных обстоятельство, я покорнейше прошу Ваше превосходительство объяснить мне, какая была причина запрета подольской полицией бесед миссионеру Звереву, да еще не только на один описанный раз, но и навсегда, и не только в частном помещении, но и в церкви, „вообще нигде“, как писал господин пристав Пиотровский господину Вагину. Миссионеры на свои должности назначаются и увольняются с них или Святейшим Правительствующим Синодом, как епархиальные, или местной епархиальной властью, в Московской епархии митрополитом, <...> и только эти власти могут запретить им действовать. Если для подольской полиции основанием для запрета бесед

Звереву служило опасение, не самозванец ли он, только выдающий себя за миссионера Православной Церкви, на самом же деле не состоящий в числе ее миссионеров, то для рассеяния такого опасения вполне достаточны были имеющиеся у Зверева документы, мое к Вашему превосходительству письмо, поручительство священников, по желанию и с согласия которых он назначил беседу. Если же таким основанием служило соображение, что господин Зверев есть собственно миссионер другого уезда, а не Подольского, то едва ли это распределение между миссионерами округов — чисто внутреннее дело миссии и лиц и учреждений, заведующих ею, — слишком важно для полиции, а сверх того господину Звереву дано мною и официальное разрешение по мере надобности беседовать и вне пределов округа, о чем я уже сообщал ранее Вашему превосходительству.

Во-вторых, прошу уведомить меня, что́ мы, миссионеры, должны делать, чтобы не повторилась где подобная Мисайловской история недопущения миссионерских бесед полицией»¹⁰⁰.

Ответа на это письмо протоиерей Иоанн не получил. Вместо ответа ему 29 марта было послано от управляющего канцелярией сообщение, что письмо от губернатора было отправлено 9 марта, и напоминалось, что епархиальный миссионер должен был в срочном порядке направить некий список, причем без объяснений, какой именно список. Только позже из посланной копии ответа стало ясно, что губернатор просил прислать список фамилий всех миссионеров, ведущих собеседования в Московской губернии, для передачи его полиции. Миссионеры должны были сами сообщать в полицию не менее чем за пять дней о предстоящей беседе, чтобы полиция могла прибыть для наблюдения за порядком. Предложение это было в высшей

степени странным — добровольные беседы, имеющие всецело просветительские цели, устраивающиеся исключительно по желанию самих слушателей, должны были вестись под охраной полиции, тогда как собрания сектантов не требовали никакого согласования с властями. Все эти недоразумения впоследствии удалось несколько урегулировать.

Переживания за тех, кто уклонялся в раскол, были у Алексея Даниловича настолько сильны, что он не жалел ни сил, ни времени даже в тех случаях, если и один человек начинал смущаться и задумываться о переходе в раскол. В этом случае он по пять-шесть часов беседовал с таким человеком, рассказывая обо всех исторических и богословских деталях раскола и отвечая на все недоумения и вопросы. Наиболее болезненные случаи бывали тогда, когда причиной ухода в раскол становились браки с выходцами из раскольничьей семьи.

В селе Борисове жил в то время крестьянин Петр Романов, человек глубоко верующий и усердный прихожанин храма. Он решил жениться на девушке, мать-вдова которой была фанатично настроенной раскольницей. Молодой человек ставил обязательным условием, чтобы невеста приняла православие. Девушка по любви и привязанности к жениху согласилась выйти замуж и принять православие, о чем сообщила матери. «Мать ни за что не хотела отпускать свою дочь в Православную Церковь, — писал Алексей Данилович, — но настоятельная просьба дочери и решительное заявление ее, что, кроме любимого ею человека, она ни за кого больше замуж не пойдет, заставили мать уступить дочери. Согласившись скрепя сердце отпустить свою дочь в православие, мать затаила про себя мысль, чтобы после брака дочери с молодым человеком во что бы то ни стало совратить молодую чету

в раскол. Эта ее затаенная мысль вскоре же после брака дочери действительно стала обнаруживаться: мать, совместно с другими своими родственниками, подобными ей раскольниками, при всяком удобном случае стала убеждать молодых супругов к переходу в раскол, указывая им разные „ереси“ в Православной Церкви — пропуски в богослужении, не истовое изображение некоторыми православными крестного знамения, разновременные по произволу молящихся поклоны при совершении богослужений и т. п. Но все эти убеждения никакого влияния на Петра Романова не имели — он ревностно защищал перед своими совратителями Православную Церковь, давая посильные ответы против их обвинений ее, в затруднительных же случаях обращался к местному православному священнику, а также и ко мне за советом, чтобы научили его, как правильно нужно отвечать раскольникам на те или другие нарекания их против Церкви. Действуя таким образом, он и супругу свою, еще не получившую твердых убеждений о правоте святой Церкви, удерживал от соращения в раскол. Когда раскольники увидели, что все предпринимаемые ими против Петра домашние меры не производят на него никакого действия, тогда они стали действовать на него иным путем — стали добывать раскольническую литературу и предлагать ее Петру для чтения. Такое действие раскольников имело некоторый успех. Так по прочтении одной гектографированной брошюры раскольнического произведения Петр был приведен в большое смущение. В брошюре этой весьма тенденциозно изложены две беседы братьев Мельниковых, веденные ими с православными миссионерами. <...> Смущенный этой брошюрой, Петр Романов и обратился ко мне с настоятельной просьбой, чтобы я, в его присутствии, разобрал ее. Видя его смущение я счел своим долгом исполнить эту

его просьбу, и он в продолжение четырех дней ежедневно приходил ко мне в дом для совместного рассмотрения этой раскольнической брошюры. Рассмотрение было сопровождаемо обменом различных мыслей между нами и носило форму устных беседований с необходимым при этом чтением различных мест из староопечатных и других книг»¹⁰¹. Получив вполне удовлетворившие его ответы на все вопросы и сам в результате бесед с миссионером во многом разобравшись, Петр и его супруга стали еще усерднее посещать православную церковь.

Старообрядческие начетчики не брезговали никакими приемами в беседах, включая оскорбления, и миссионерам нужно было проявлять значительную выдержку, чтобы не возмутиться. Причем эти оскорбления допускали и известные среди старообрядцев начетчики. Во время беседы Алексея Даниловича с начетчиком австрийского толка Дмитрием Сергеевичем Варакиным, когда беседа уже закончилась и присутствовавший на ней епархиальный миссионер протоиерей Иоанн Полянский, до этого не участвовавший в беседе, начал говорить заключительное слово, Варакин, не давая ему договорить, стал прерывать его шутовскими выкриками и замечаниями. И это несмотря на данное им перед этим обещание выслушать речь до конца, не прерывая. Видя, что с таким человеком невозможно договориться, отец Иоанн замолчал и сказал:

— Я удивляюсь после этого, что ты за человек!

— А вот смотрите, — в шутовской манере отвечал тот, — смотрите, вот у меня глаза, нос, уши, а вот и сапоги, калоши, — я такой же человек, как и другие.

— Да, все у тебя есть, — с горечью ответил на это отец Иоанн, — а одного только нет — совести.

Раскольничьи начетчики позволяли себе во время бесед самую грубую брань и клевету, которые в изобилии

приходилось выслушивать Алексею Даниловичу. Собеседник его в селе Дьяково, Василий Кузьмич Чупилев, ругаясь, говорил: «ваша Церковь приняла бесовское предание», «миссионер находится во власти дьявола», «охмуряет народ». Дмитрий Степанович Скапидаров во время беседы в деревне Котляково называл Алексея Даниловича обманщиком темного народа и т. п. В деревне Беляево начетчик Тит Ефимович Фролов после зачитанных Алексеем Даниловичем цитат из различных книг стал убеждать слушателей, что «миссионер читает поддельные книги». Алексей Данилович стал возражать на это, но тот не стал слушать и выбежал вон. В Никольском единоверческом монастыре беспоповский начетчик Жарин во время беседы говорил целый час, но вся его речь состояла из грубой брани на Православную Церковь и ее пастырей. Желая как-то урезонить грубияна и ввести беседу в спокойное русло, Алексей Данилович, цитируя апостола Павла, сказал: «Рабу же Господню не должно ссориться, но быть приветливым ко всем, учительным, незлобивым». Услышав слова Священного Писания, начетчик заявил, что эти слова апостола Павла к нему не относятся, так как он беседует с еретиками, а слова апостола относятся только к тем, кто имеет дело с истинными христианами.

Несмотря на все оскорбления начетчиков, видя, что люди нуждаются в беседах, нуждаются в просвещении, Алексей Данилович продолжал их вести. На беседы собиралось в селах и деревнях от ста до четырехсот пятидесяти человек, их продолжительность была от двух до пяти с половиной часов.

КРЕСТНЫЕ ХОДЫ И МИССИОНЕРСКИЕ КУРСЫ

Издавна православные жители села Борисова имели обычай в начале лета устраивать торжественное соборное богослужение и крестный ход вокруг своих садов и полей. Для крестного хода приносились чудотворные иконы — Иерусалимская икона Божией Матери из села Измайлова, святителя Николая чудотворца из Николо-Угрешского монастыря и святой великомученицы Екатерины из Екатерининской пустыни. В богослужении принимало участие духовенство храмов и монастырей, откуда прибыли эти святыни. Настоятель Троицкого храма в Борисове, священник Василий Богоявленский, и миссионер Алексей Данилович Зверев произносили на этих торжествах проповеди. После объявления правительством религиозных свобод раскольники, намереваясь пышностью затмить православное богослужение, стали устраивать свой крестный ход, который обычно направлялся из Рогожской слободы и проходил в общей сложности около тридцати километров. Как и православные, раскольники в крестном ходу несли больших размеров иконы — Спасителя, Иерусалимскую икону Божией Матери и святителя Николая. Иерусалимскую икону они брали из храма на Рогожском кладбище, и борисовские раскольники не поскупились ради крестного хода на дорогой киот для нее.

Традиционный крестный ход православных состоялся и в 1911 году. Поскольку было уже известно, что раскольники планируют сразу после этого провести свой крестный ход с намерением превзойти пышностью крестный ход православных, отец Василий благословил Алексея Даниловича сказать проповедь во время молебна, который обычно служился в центре села и на котором присутствовали как православные, так и раскольники.

«По неложному обетованию Христа Спасителя о неодолимости созданной Им на земле Его святой Церкви, она, несмотря на всю злобу различных врагов ее, непрестанно воюющих против нее, во все времена существования своего до скончания века непременно должна пребывать непобедимой, — проповедывал миссионер. — Смотри на настоящее светлое торжество наше, на эти богато украшенные святые иконы, хоругви и кресты и на предстоящий им собор священнослужителей, облаченных в блестящие священные одежды, и вообще на всех zde предстоящих и молящихся, мы, естественно, умиляемся сердцем, торествуем и радуемся за столь чудное благолепие и красоту нашей святой матери — Церкви Православной.

Но было время, когда святая Церковь находилась в столь бедственном состоянии, будучи жестоко преследуема врагами своими, что не только не могла совершать открытых торжественных богослужений и, подобно нам, устраивать крестные ходы и прочие церковные торжества, но и принуждена была даже всячески укрываться от преследований злейших врагов своих, совершая свои общественные церковные молитвы и богослужения в мрачных подземельях, или так называемых катакомбах.

При воспоминании об этих бедственных, поистине плачевных для Церкви Христовой гонительных временах иным невольно может прийти в голову мысль: „Где же

Мать (в центре) с братом Иоакимом (справа),
оченью Ефратриной с мамой и ее мужем Сергеем Коробовым

обетование Христово о неодоленности Его Церкви и в чем же состоит исполнение этого обетования?”

С другой стороны, в наше время, когда почти всем отступникам от святой Церкви Православной: штундистам, пашковцам, молоканам, духоборам и подобным сектантам, а вместе с ними и нашим глаголемым старообрядцам — дарована свобода вероисповедания, последние, и преимущественно между ними австрийцы, стали устраивать у себя крестные ходы и прочие торжественные процессии, ничем почти не отличающиеся по своей внешности от таковых же процессий, совершаемых в Православной Церкви, а по местам даже иногда и превосходящие их своим блеском и роскошью: так в старообрядческих крестных ходах вы увидите и богато украшенные иконы, и кресты, и тяжеловесные дорогие хоругви, и прочее тому подобное, а также и шествующих за ними их лжеархиереев и лже-попов в дорогих священных облачениях, во всем почти подобных облачениям православных архипастырей и пастырей. Смотри на всю эту прекрасную видимость, иной подумает: какая же разница между истинной Церковью и старообрядческим согласием, не все ли равно, где бы ни быть? В ответ на подобные недоуменные мысли необходимо сказать, что обетование Господне о неодоленности Его Церкви относится не к внешней красоте и благолепию церковному, а к той спасительной благодати Духа Святого, который неоскудно пребывает и до скончания века будет пребывать в истинной Церкви Христовой и которая преподается Церковью всем истинно верующим чадам ее не иначе, как через богоустановленные спасительные таинства, непрерывно в ней совершаемые христореданными ее пастырями. И истинная Церковь остается истинною и спасительною при всяком гонении и лишении внешней славы, а ложная не может спасти человека, какую

бы свободой ни пользовалась и какое бы ни имела внешнее благолепие.

Дарованные Самим Богом церковные пастыри (Еф. 4, 11–12) и совершаемые ими семь спасительных таинств церковных, через которые сообщаются верующим благодатные дары Духа Святого, являются, таким образом, существеннейшими и неотъемлемыми признаками истинной Церкви Христовой, без которых и существование ее немыслимо. И вот мы видим, что, несмотря на все ужасы гонений, воздвигаемых на Церковь в разные времена многочисленными и злейшими врагами ее, она, в силу обетования Господня о ее неодоленности, ни на один момент не лишалась сих признаков, ни на один момент не лишалась полноты христопреданной иерархии и таинств. В силу сего неложного обетования Господня, она не лишится их и во все будущие времена до скончания века.

Но сохранились ли и сохраняются ли эти существенные свойства истинной Церкви Христовой у наших глаголемых старообрядцев? Нет. Ибо известно, что они на первых же порах своего существования, то есть вскоре после отделения своего — при патриархе Никоне — от Православной Греко-Российской Церкви, лишились самых главных членов ее — епископов, а с лишением епископов у них естественно уже не могло совершаться и таинство Хиротонии, как и действительно не совершалось, ибо право и власть совершения сего таинства принадлежит исключительно епископам; без таинства же Хиротонии их общество, именуемое ими церковью, лишилось возможности рождать себе и прочих священных лиц — священников и диаконов, а без сих последних у них не могло совершаться и прочих шести церковных таинств. <...>

А посему во всем внешнем блеске, во всей торжественной обстановке устраиваемых старообрядцами

*Татьяна Ва'и°в'на, у'руга А°"·"·яЗ'р'а,
·дочерь Е°но^*

крестных ходов и прочих подобных торжественных церемоний нет самого главного — благодатных действий Духа Святого, ибо они устраиваются людьми, пребывающими вне святой Соборной Апостольской Церкви, и даже людьми, враждующими против нее и употребляющими все доступные им способы к причинению ей всякого зла. <...>

Что же касается до тех священных одежд, в которые дерзают облачаться самозванные австрийские „архиереи“ и „попы“, то это есть одна лишь только видимость

без внутренней святости и благодати. Дерзая облачаться в не принадлежащие им священные одежды и принимая на себя таким образом вид настоящих архипастырей и пастырей, австрийские архиереи и попы уподобляются тому искусственно устроенному плодovому дереву, которое на вид трудно бывает отличить от настоящего живого дерева: на нем видны бывают и зеленеющие листья, во всем похожие на настоящие, и даже зрелые плоды. Но стоит только повнимательнее исследовать такое дерево, как тотчас же и окажется, что листья его искусно подделаны из цветной бумаги; стоит только, затем, раскусить его плоды, как и опять тотчас откроется, что и они имеют один только лишь вид настоящих плодов, а на самом деле также искусственно подделаны или из воска, или из какого-либо другого подобного вещества.

Итак, братие, будем твердо помнить и знать, что все мнимые священнодействия старообрядческих австрийских архиереев и попов, а также и совершаемые ими ныне торжественные молебны и крестные ходы имеют один лишь только вид истинных священнодействий, подобно искусственному дереву, на самом же деле они лишены смысла и значения, лишены той всеосвящающей и всеоживляющей благодати Духа Святого, без которой они есть не более как детская игра»¹⁰².

Православные выслушали проповедь миссионера с большим вниманием, тогда как старообрядцы начали шуметь и кричать, причем не только во время проповеди, но и по окончании ее, мешая совершать молебен. По окончании молебна они прямо заявили сельскому старосте А. Т. Киселеву, что если бы не его присутствие, они забросали бы миссионера камнями.

На середину июня 1911 года раскольники запланировали крестный ход в село Борисово, который должен был

состояться через неделю после крестного хода православных и по замыслу раскольников должен был превзойти его пышностью и торжественностью. В преддверии этого события священник Василий Богоявленский после совершения в воскресенье, 13 июня, литургии обратился к молящимся с проповедью, призывая их с благоговением отнестись к тем иконам, которые будут нести раскольники, однако не доверяться их уверениям о чудотворности той или иной иконы, что следует делать тогда только, если ее чудотворность будет признана Православной Церковью, о чем будет сообщено для всеобщего сведения. Если же будем полагаться только на уверения раскольников, то можем погрешить¹⁰³.

16 июня крестный ход должен был выступить с Рогожского кладбища. Московский губернатор дал распоряжение не допускать крестный ход в село Борисово, однако борисовские раскольники сами отправились на Рогожское кладбище за святынями. Туда же отправился и полицейский урядник для выполнения приказаний начальства. Когда он прибыл на Рогожское кладбище, там было уже все готово к выступлению крестного хода и городской полицией был отряжен наряд для его охраны. Урядник заявил о запрещении крестного хода, на что присутствовавший там Михаил Иванович Бриллиантов¹⁰⁴ сказал: «Не мешайте нам, я на себя за все беру ответственность». Уряднику пришлось отступить, и крестный ход в село Борисово состоялся.

17 июня в доме богатого крестьянина Ивана Васильевича Балыкова раскольники отслужили литургию, а затем в центре села Борисова состоялся торжественный молебен, после чего крестный ход обошел вокруг села, садов и полей борисовцев, по тому же маршруту, по которому прошел 7 июня крестный ход православных.

По окончании крестного хода старообрядцы отправили благодарственную телеграмму императору Николаю II и через некоторое время получили ответную телеграмму, которую двоюродный брат И. В. Балыкова, Иван Никитич Балыков, зачитал на борисовском сельском сходе в качестве доказательства признания старообрядцев-окружников со стороны государственной власти. Чтение телеграммы завершилось громкими криками «ура», а затем раскольники подняли такой невообразимый шум, что уже невозможно было разобрать речей выступавших. Со злобными выкриками они приступили к Алексею Даниловичу, и, если бы не защита православных, дело могло бы закончиться его избиением. Много труда понадобилось старосте села для водворения тишины, чтобы затем приступить к обсуждению вопросов, касающихся сельских дел, для чего они, собственно, и собрались.

Бабушки, около 1913 года

После крестного хода и соответствующих инструкций Михаила Бриллиантова, выдававшего себя среди раскольников за «царского советника», борисовские раскольники в порыве охватившего их самомнения и чувства неоспоримости своей правоты заявили священнику Василию Богоявленскому, что за то, что он разрешил миссионеру произнести против них проповедь, они намерены сознательно вредить Православной Церкви и местному православному храму. И теперь стоило только Алексею Даниловичу появиться где-нибудь, где были раскольники, как на него сразу же начинали сыпаться ругательства: «отступник», «еретик проклятый», «никонианин», «антихрист» и тому подобные. Чтобы опорочить перед публикой и миссионера и священника, Бриллиантов организовал кампанию по печатанию статей против них в старообрядческом журнале.

И. В. Балыков

На следующий год раскольники вновь совершили крестный ход с Рогожского кладбища в село Борисово. На этот раз его возглавил раскольничий епископ Иннокентий (Усов). По пути крестный ход останавливался почти в каждом селе и деревне, в центре которых совершались торжественные молебны. В селе Борисове крестный ход встретил раскольничий епископ Одесский и Балтский Кирилл (Политов), который совершил всенощную в молельной, принадлежавшей И. В. Балыкову. Несмотря на то, что богослужение в селе Борисове у окружников совершалось архиерейским чином впервые и старообрядцы с крестным

На следующий год раскольники вновь совершили крестный ход с Рогожского кладбища в село Борисово. На этот раз его возглавил раскольничий епископ Иннокентий (Усов). По пути крестный ход останавливался почти в каждом селе и деревне, в центре которых совершались торжественные молебны. В селе Борисове крестный ход встретил раскольничий епископ Одесский и Балтский Кирилл (Политов), который совершил всенощную в молельной, принадлежавшей И. В. Балыкову. Несмотря на то, что богослужение в селе Борисове у окружников совершалось архиерейским чином впервые и старообрядцы с крестным

ходом прибыли из Москвы в большом количестве и среди них был их руководитель Бриллиантов, на всенощной присутствовало всего пять-шесть женщин и трое-четверо мужчин. Остальные разбрелись по селу: одни пошли купаться в местном пруду, другие — ужинать. За всенощной было всего лишь трое певчих, между тем как много певчих пришло из Москвы. Священник Василий Богоявленский и Алексей Данилович решили поприсутствовать за всенощной, совершаемой раскольниками. Наблюдая за убогим совершением всенощной «древлеправославных» христиан и видя немногочисленность молящихся, Алексей Данилович тогда невольно подумал: «Какая громадная разница совершается в действиях наших глаголемых старообрядцев: когда им нужно бывает блеснуть перед православными своей внешностью, они отправляют свои богослужения с необычайной пышностью, обставляя их всевозможной торжественностью и блеском, — и когда совершают их у себя дома, в моленных, и бывают уверены, что никто из „внешних“ не видит эти их богослужения, тогда они совершают их крайне спешно, с необычайным равнодушием и вялостью, как бы из-под палки, относятся к ним весьма небрежно и даже презрительно, не желая почтить их своим присутствием, несмотря на „владычное“ их отправление»¹⁰⁵. Вскоре отец Василий и Алексей Данилович были замечены раскольниками; им показалось неудобным демонстрировать перед посторонними убогость совершаемого богослужения, и они попросили священника и миссионера покинуть моленную.

Утром раскольники отслужили литургию и затем совершили крестный ход вокруг садов и полей, который возглавил раскольничий епископ Кирилл. После крестного хода в центре села Борисова состоялся водосвятный молебен, а затем многолюдный крестный ход отправился

в обратный путь — на Рогожское кладбище. Один из сопровождавших крестный ход раскольников, подойдя к миссионеру, с восторгом сказал: «Вот бы вы устраивали у себя такие крестные ходы, а то — что у вас?!»

«Эти возгласы старообрядцев ясно свидетельствуют, что устройство ими крестных ходов, подобно борисовскому, вытекает не из желания смиренной молитвы пред Господом Богом и святыми Его, а из греховного чувства гордости и тщеславия, из желания превзойти, перещеголять своей торжественностью православных и тем привлечь их на свою сторону»¹⁰⁶, — записал свои впечатления о крестном ходе Алексей Данилович.

В 1914 году «по примеру прошлых лет, борисовцы устроили у себя молебствие и крестный ход... но с такой торжественностью, какой они не видали у себя прежде. Торжество продолжалось целых три дня: 30, 31 мая и 1 июня, — писал Алексей Данилович о молебствии православных. — 30 мая в село Борисово были принесены чудотворные иконы; в 6 часов вечера было совершенно всенощное бдение с чтением акафиста Божией Матери.

«... о б, н старообрядц, в во вр, мя кр, тного хода в с, °е Бори °о»

На другой день, 31 мая, в 5 часов утра совершена Божественная литургия, а после нее — хождение по домам с молебнами. Вечером того же дня из Москвы прибыл московский епархиальный миссионер, отец протоиерей Иоанн Полянский, которым совместно с настоятелем храма, отцом Василием Богоявленским, и двумя иеромонахами и двумя диаконами и было совершено всенощное бдение с чтением акафиста святителю и чудотворцу Николаю. Перед „Ныне отпускаеши...“ отец Иоанн Полянский произнес миссионерскую проповедь на текст кондака Пятидесятницы, произведшую на многочисленных молящихся неотразимое по благодетельности впечатление.

1 июня утром в Борисово съехались: архимандрит Макарий [Ятров] из Николо-Угрешского монастыря, местный благочинный протоиерей Димитрий Воскресенский, священник-миссионер московской Сергиевской, что в Рогожской, церкви отец Валериан Цветков¹⁰⁷ и отец диакон той же церкви [Иоанн] Некрасов¹⁰⁸. К десяти часам прибыл преосвященный епископ Владимир*, управляющий Московским Спасо-Андрониевским монастырем, который при участии всех находившихся в Борисове священнослужителей совершил Божественную литургию. Пели на правом и левом клиросах местные борисовские певчие-любители... После прочтения Евангелия по благословению преосвященного протоиерея Иоанн Полянский произнес проповедь о том, что христианин есть причастник Святого Духа.

В то время, когда преосвященный епископ Владимир, окончив служение литургии, благословлял подходивший к нему по очереди народ, к селу Борисову приближался из Москвы крестный ход Варнавинского общества

---

* Епископ Владимир (в миру Василий Григорьевич Соколовский-Автономов; 1852–1931).

трезвости, предводительствуемый облаченным в стихарь московским епархиальным противосектантским миссионером Н. Ю. Варжанским*. Вместе с варнавинцами к селу Борисову подошли и присоединившиеся к ним по пути крестные ходы из подмосковных селений — Коломенского, Садовой слободы, Сабурова, Покровского и Братеева. Весь этот соединенный с варнавинцами крестный ход сопровождало множество народа. Навстречу прибывшему ходу из церкви с хоругвями, крестами, чудотворными и другими иконами вышло множество народа во главе с преосвященным епископом Владимиром. <...> Крестный ход во главе с отцом архимандритом Макарием со всеми святынями направился длиною лентою вокруг садов и полей села Борисова на расстоянии около четырех верст. Во время этого шествия было совершено семь молебнов и произнесено четыре миссионерские проповеди: первая — отцом Валерианом Цветковым, вторая и третья — отцом Иоанном Полянским и четвертая — Н. Ю. Варжанским на следующие темы: Завет Христов об единстве между верующими и призыв к этому единству. <...>

Такое торжество в селе Борисове произвело глубокое впечатление не только на православных, но и на глаголемых старообрядцев и долго не изгладится в их памяти. Многие из старообрядцев присутствовали в православном храме за богослужениями, особенно за Божественной литургией, совершаемой преосвященным епископом Владимиром, и слушали проповеди отца Иоанна Полянского; еще в большем количестве собирались они на молебне во время крестного хода вокруг садов и полей села Борисова и с видимым интересом внимательно слушали и здесь миссионерские проповеди»¹⁰⁹.

---

* Мученик Николай Юрьевич Варжанский (1881–1918); память 23 августа / 5 сентября.

В 1910 году по благословению митрополита Московского Владимира Алексей Данилович принял участие в работе первых Московских епархиальных миссионерских курсов, будучи приглашен на них протоиереем Иоанном Восторговым. Необходимость курсов была вызвана в первую очередь тем, что начиная с 1906 года в Сибирь почти ежегодно переезжало до семисот тысяч переселенцев, а на местах, куда они приезжали, не было ни храмов, ни духовенства, ни семинарий. В это время в Сибири было около ста пятидесяти новообразованных приходов; некоторые из них за отсутствием священников оставались без богослужения по нескольку лет. В 1910 году, когда начали действовать «восторговские» курсы, было открыто еще до ста десяти новых приходов. Заявлений от желающих поступить на курсы оказалось более трех тысяч. Из них было отобрано сто кандидатов, наиболее подходящих для служения в Сибири. «По необходимости приходилось дорожить временем, и поэтому занятия нередко происходили по праздникам, а вечерами ежедневно и непрерывно; всего было по семи лекций в день, — писал о работе курсов протоиерей Иоанн Восторгов. — По той же причине нужно было и в учебном материале избирать только главное и существенное, многих вопросов только касаться, многое только намечать, имея главным образом в виду дать слушателям необходимый синтез богословских знаний, показать им внутреннюю связь всех отраслей богословского ведения, развить в слушателях интерес к самообразованию и научить их ориентироваться в учебниках и учебных пособиях. Книгами слушатели были снабжены очень щедро и в этом отношении не могли пожаловаться на какое-либо лишение. <...> Сверх них дано несколько лекций по русской истории, по новой русской литературе, по архитектуре дерева, со сведениями о том, как нужно обращаться

с деревом при постройках. Особо курсистам в течение двух дней самим начальником переселенческого управления и одним из его чиновников были сообщены сведения о переселенческом деле. <...>

К теоретическим занятиям, которые велись путем бесед в аудитории, примыкали и практические: слушатели четыре раза в неделю сами совершали богослужения, проповедовали ежедневно, а в праздники расходились по церквям всей Москвы для проповеди за ранними литургиями, причем раздавали листки для народа, в коих большей частью была помещена та самая проповедь, которую они произносили. Таких листков роздано было до пятисот тысяч. <...>

К такого же рода занятиям примыкали и частые, почти еженедельные, многолюдные (бывало свыше трех тысяч человек) собрания различных церковно-просветительных и благотворительных обществ: Миссионерского общества, Палестинского общества, Братства Петра митрополита, благотворительного Братства святителя Алексия, Братства Воскресения Христова, Общества религиозно-нравственного воспитания детей и др. Братство Воскресения Христова устроило для слушателей курсов четыре собрания. Здесь слушатели курсов выступали то в качестве гостей, то в положении участников и наконец руководителей собраний, говорили речи, делали доклады, приучались к многолюдным собраниям и к тому, как действовать в приходской жизни <...>. Собрания эти были в полном смысле и новостью, и прекрасной школой для курсистов. <...>

Другое место их деятельности и практического приготовления к пастырству — это миссионерские беседы с сектантами и раскольниками, а также чтения в Историческом музее для рабочих. Миссионерские беседы велись

в четырех пунктах Москвы и служили дополнением и иллюстрацией к теоретическим лекциям по истории и обличению раскола, сектантства и социализма, которые они слушали в аудитории»¹¹⁰. По окончании работы курсов на приходы было рукоположено сто шесть священников из слушателей курсов.

14 ноября 1912 года Алексей Данилович по благословению епархиального миссионера протоиерея Иоанна Полянского открыл при церковно-приходской школе в селе Борисове народно-миссионерские курсы. Занятия проходили в них два раза в неделю. Обучалось на них двадцать три мужчины от пятнадцати до сорока лет и слепая девушка двадцати лет, знавшая наизусть Псалтирь и читавшая «в храме шестопсалмие, часы и прочее»¹¹¹.

Идея организации народно-миссионерских курсов также принадлежала протоиерею Иоанну Восторгову. Впоследствии, развившись, они стали вестись во многих местах Москвы, собирая до восьми тысяч слушателей. Отец Иоанн писал о таких курсах: «Я могу сказать собратьям-пастырям одно: попробуйте только раз завести народно-катехизические или народно-миссионерские курсы; возьмите хоть несколько человек для обучения, проведите через четыре-шесть месяцев правильного обучения — ручаюсь, что потом от этого святого дела и радостного труда сами уже не отойдете. Вы увидите преданных прихожан, отличных и осведомленных сотрудников по миссии, воистину чад духовных, любовью преданных Церкви и пастырю. Вкусите и видите; прииди и виждь — вот единственно путь к тому, чтоб убедиться в пользе курсов. Надо собирать чад Церкви, скреплять их, единить пасомых, вооружать духовным оружием, и тогда мы будем пастырями, а не требоисправителями, не формальными лекторами-проповедниками с церковной кафедры, а будем стоять

в центре живого дела, окруженные живыми людьми, близкими нам, верующими и ревностными, — и тогда посрамится всякое сектантство. Тогда будет успешна борьба с тем, что, может быть, опаснее открытого сектантства — с сектантствующим настроением, с сомнениями и недоумениями, которые часто долго живут среди членов Церкви, постепенно охлаждая их преданность православию»¹¹².

В то время у Алексея Даниловича, как в целом и у всего миссионерского дела, были не только сторонники, но и противники, и бывало, что из числа самого духовенства, считавшего собеседования с раскольниками «непотребным пустословием», порождаявшим любовь к спорам и сомнения в истинности православной веры. Автор одной из статей, направленной против деятельности миссионеров, иеромонах Митрофан (Землянский)¹¹³ предлагал все вопросы, касающиеся заблуждений раскольников, возложить на приходское духовенство, которое получило специальное образование для такого рода деятельности, для чего духовенству нужно было, по его мнению, увеличить жалованье, и в этом, как он полагал, и будет залог успеха всего дела. Алексей Данилович решительно возражал против такого рода суждений, которые, с его точки зрения, были всего лишь мечтаниями, не имеющими никаких шансов осуществиться на практике, и только смущали тех, кто хотел бы посвятить свою жизнь этому трудному делу.

«Решительно могу утверждать и свидетельствовать, — писал он, — что не будь у нас устных собеседований с глаголемыми старообрядцами, — я и особенно моя неграмотная мать, а затем и все наше семейство (семь человек) до сих пор оставались бы во тьме раскола, хулителями святой Церкви. Моя мать, например, до того враждебно была настроена против Православной Церкви, что когда я по милости Божией соделался сыном сей Церкви, то она,

придя в исступление, схватила меня за волосы и таскала до тех пор, пока не устала и не повалилась на постель, выкрикивая: „Что ты, еретик, надо мной наделал?! Куда ты пошел? Еретик ты, щепотник!“ и т. д., и т. д. Но вот Господь, не хотяй смерти грешника, привел ей быть на беседе со старообрядцами, где она надеялась услышать от одного вожака раскола оправдание именуемой церкви старообрядцев и обвинение Церкви Православной в мнимом еретичестве. Но вместо сего беседа эта произвела на нее самое благотворное влияние в пользу Православной Церкви. <...> После этой беседы она стала доверчивее относиться и к полемическим противораскольническим книгам, которые я часто читал ей. И всякий раз, когда ей потом приходилось бывать на беседах со старообрядцами (она сделалась самой усердной их посетительницей), она всегда удивлялась кротости и терпению православных миссионеров и грубой раздражительности своих начетчиков, а это последнее, конечно, подрывало ее прежнее доверие к ним. Таким образом, под влиянием устных собеседований моя мать мало-помалу стала сознавать неправоту раскола и святость Православной Греко-Российской Церкви, и наконец с помощью Божией и сама соделалась ее дочерью. Теперь она уже не может без чувства сердечного сокрушения вспоминать своих прежних враждебных отношений к святой Православной Церкви и не упускает случая, когда приходится ей слышать от именуемых старообрядцев такие же хулы, какие прежде сама изрыгала, чтобы не сказать им что-нибудь для их вразумления»¹¹⁴.

Раскрывая перед возражателем историческое прошлое, связанное с раскольниками, и трудный путь поиска решения этой проблемы, важной не столько для социальной или культурной сферы человеческой жизни или решения задач, связанных со спокойствием и благополучием

в государстве, но куда более значимой — спасением души человека, Алексей Данилович писал: «Недалеко еще то время, когда православные, жившие совместно со старообрядцами, находились в состоянии колебания между Церковью и расколом, иначе сказать, тяготели к расколу. Так эти православные явно предпочитали двуперстное сложение — троеперстному, так называемые старые обряды и книги — исправленным обрядам и книгам. На беседах миссионеров со старообрядцами эти православные иногда публично выступали защитниками старообрядцев против Церкви; эти православные часто по целым годам не исповедывались и не причащались в православных церквях от православных священников, часто целыми семействами, а иногда и целыми деревнями совращались в раскол. Можно назвать сотни деревень, численностью от ста до трехсот дворов в каждой, в которых 50–60 лет назад* старообрядцев было несколько домов, а впоследствии, особенно в начале 60-х годов минувшего столетия, они стали совершенно раскольническими, так что в них не оставалось ни одного православного двора. Когда же, преимущественно трудами и заботами в Бозе почившего отца архимандрита Павла**, были учреждены миссионеры, то колебание православных между Церковью и расколом почти повсеместно, где было учреждено миссионерство, прекратилось; православные совершенно успокоились, вполне утвердились в сердечной преданности Церкви. <...> Какую пользу уже принесли миссионеры за сорок или тридцать лет существования своего, притом в малом числе, при малом обеспечении, при неустройстве

---

* Имеются в виду 40-е – 50-е годы XIX столетия.

** Имеется в виду архимандрит Павел (Леднев; 1821–1895) — настоятель Никольского единоверческого монастыря в Москве.

самого дела и многочисленных препятствиях — не только от чужих, но даже и от своих, — это можно видеть из описания миссионерской деятельности в Макарьевском и Варнавинском уездах Костромской епархии. <...>

„Когда приснопамятным отцом архимандритом Павлом дан был толчок нашей внутренней противораскольнической миссии, — говорит один священник единоверческой церкви, — тогда пошли из матушки Москвы во все стороны нашего отечества труженики миссионеры, был вызван в Костромскую епархию слепец-миссионер А. Е. Шашин¹¹⁵. Нетронутая раскольничья масса зашевелилась. И здесь Феодоровско-Сергиевское Костромское братство открыло свои действия. Появились у нас свои миссионеры. Архипастырь наш, преосвященный Виссарион¹¹⁶, хорошо знакомый по Москве с расколом и миссией, принял под свое покровительство юную миссию. Благодаря проповеди миссионеров темная раскольничья масса начала понимать, что вожаки ее обманывают ее, что вне святой Церкви гибель, без благодатных таинств и священства нет спасения. Раскольники начали искать выхода из своего тяжелого положения. Идти сразу в Православную Церковь казалось им очень страшно по причине приверженности их к старым обрядам. Явилась нужда в единоверческом храме. Главный почин в деле присоединения раскольников по Макарьевскому уезду принадлежит местному раскольничьему начетчику Ф. Н. Смирнову* (ныне единоверческий священник), крестьянину деревни Боженок. Принадлежа к секте „нетовцев“¹¹⁷, Ф. Смирнов

---

* Феодор Никитич Смирнов — священник единоверческой Покровской церкви в селе Боженки Макарьевского уезда Костромской губернии (ныне деревня в Сокольском районе Нижегородской области). Покровский храм построил на свои средства синодальный миссионер протоиерей Ксенофонт Крючков.

И. ѝ . €омакин

был рьяным защитником своего упования; из деревни в деревню возили его богачи раскольники для возражения миссионерам. После многих таких бесед с миссионерами Феодор наконец пришел к убеждению, что „беда раскольникам, что Церковь права!..“ „Особенно сильно поколебал мои убеждения, — говорит сам отец Феодор, — миссионер И. П. Ломакин¹¹⁸, после беседы с которым я решил бросить все, ехать в Москву и на

месте проверить по библиотекам и музеям драгоценные "Выписки"¹¹⁹ Адриана Озерского“.

„Здесь же, в Москве, Ф. Н. Смирнов встретился с отцом протоиереем Крючковым¹²⁰. Беседы с последним окончательно развеяли все его сомнения. По приезде домой, где его ожидали раскольники с особым нетерпением, думая, что теперь его защита раскола будет сильнее, — он начал сначала с более близкими советоваться и говорить, что их положение губительно и вообще около года уговаривал он своих собратьев оставить раскол и всячески обличал его неправду. Результатом его собеседований и было то, что через год после поездки его в Москву и бесед с отцом Крючковым несколько деревень прислали к отцу Крючкову просьбу приехать к ним для бесед, а некоторые — для присоединения их к Церкви. Крючков немедленно прибыл, многих присоединил к Православной Церкви и произвел несколько публичных бесед... Сильно заволновались раскольники; присоединение их наставника, а с ним нескольких деревень — начало, положенное для единоверческих

*Š ротои ре^
К^, нофонт Кр ч"о~*

храмов, — их положительно ошеломило!.. Быстро началась постройка новых церквей, чаще стал навещать Макарьевский край протоиерей Крючков. Слово проповеди чаще стало слышаться здесь, поддерживая дух в новоприсоединенных и обличая неправоту раскола. В октябре 1901 года храмы были готовы и освящены, <...> от многих раскольничьих деревень на имя отца Крюčkова стали поступать просьбы приехать побеседовать. Почти весь уезд всколыхнулся. Присоединения были

массовые — бросали раскол целыми деревнями. В следующем 1902 году устроено и освящено еще два единоверческих храма. В том же году, преимущественно трудами отца Крюčkова, воссоединились с Церковью еще несколько сот раскольников и для них разрешено устроить четыре единоверческих храма“. <...>

В самом деле, не будь отца Павла, не пойдя „из матушки Москвы во все стороны нашего отечества труженники миссионеры“, вроде Крюčkова, Шашина, Ломакина и других, Макарьевский уезд, а равно и многие другие подобные ему уезды, несомненно, до сих пор оставались бы во тьме душепагубного раскола, тогда как теперь, благодаря беседам этих миссионеров, они все озарены светом истинного учения Христова и удостоены спасительного единения со святой Его Церковью.

Заканчивая свою статью „о способах обличения неправды раскольнической“, отец Митрофан говорит: „Таким

образом, публичные собеседования характера полемического — меч обоюдоострый, палка о двух концах, своего рода самобичевание, где всплывают на поверхность промахи и ошибки прошлого, темные дела минувших дней“.

Итак, по мнению отца Митрофана, публичные собеседования потому еще будто бы вредны, что благодаря им „всплывают на поверхность промахи и ошибки прошлого, темные дела минувших дней“, — писал Алексей Данилович. — Но что лучше: оставить эти „промахи и ошибки прошлого“ (служащие, как известно, одним из препятствий, заграждающих раскольникам вход в Православную Церковь) нетронутыми или же путем разъяснений убедить раскольников, что сии „промахи и ошибки“, как не составляющие существа веры, не должны служить им препятствием к соединению со святой Церковью? Мы не знаем, что ответил бы на этот вопрос отец Митрофан, однако думаем, что даже и он не станет утверждать, что лучше оставить эти „ошибки и промахи“ прошлого (на соблазн

“...да проти р.я К. фонта Кр. ч” о а
с Иосифом П. р. тру’ иным. • и жни^ • о’ горо , 1906 го

и погибель раскольникам) не разъясненными. Если так, то, значит, беседы со старообрядцами и в этом случае заслуживают не порицания, а похвалы»¹²¹.

Что касается всецелого упования автора статьи на деятельность в качестве миссионеров приходских священников, Алексей Данилович заметил, что сам автор, несмотря на то что получил богословское образование и имеет священный сан, толкует послание апостола Павла, которое он цитирует усеченно в доказательство своей правоты, совершенно не согласно с толкованием святоотеческим¹²². Что касается проекта «правильно поставленной школы», то где гарантия, что «учащиеся в ней будущие миссионеры будут насыщать себя словом Божиим, а не романами и тому подобными произведениями светских писателей, каковые явления нередко встречаются и среди современных питомцев духовных школ.

Вообще, как показывают многочисленные факты, школы не всегда оправдывают возлагаемые на них надежды. Теперь уже не тайна, что и среди питомцев современной духовной школы нередко можно встретить лиц антицерковного направления. Да и вообще-то духовная школа не всегда дает Церкви надежных и опытных проповедников слова Божия»¹²³.

Иеромонах Митрофан обвинял миссионеров в том, что они действуют по должности, без любви, что у них в арсенале лишь голые умозаключения, в отличие от приходских священников. На такого рода голословные обвинения Алексей Данилович посчитал своим долгом ответить, защищая миссионеров и в особенности самоотверженную деятельность архимандрита Павла (Леднева), родоначальника миссионерского дела в России среди раскольников; его Алексей Данилович считал образцом христианского подвижничества и миссионерства.

АПОСТОЛЬСКОЕ СЛУЖЕНИЕ

Архимандрит Павел (в миру Петр Иванович Леднев) родился 11 января 1821 года в городе Сызрани Симбирской губернии в купеческой семье Ивана Степановича и Прасковьи Ивановны Ледневых¹²⁴. Ближайшие родственники Петра первоначально были православными, и дед его, Степан Кузьмич Леднев, когда другие родственники уже перешли в раскол, еще долго оставался православным. «Дед нескоро склонился в раскол, — вспоминал впоследствии отец Павел, — бранил за уклонение от Церкви и своих детей, говоря: „Наведут в дом старцев, а они между собой только бранятся! Всё толкуют врозь, каждый хвалит свою веру, друг дружку зовут еретиками! Кого из них слушать?!“ Однажды сошлись в дом деда двое законников: один по глухой нетовщине (эта секта совершает богослужение без пения, так как, по ее учению, в нынешнее антихристово время петь не подобает) и поморец¹²⁵. Нетовец стал упрекать поморца за пение при богослужении и, приведя из сборника¹²⁶ мнимые слова святого Ипполита [Римского], говорил от себя: „О нынешнем времени святой Ипполит пишет: небо плачет, звезды плачут, вся тварь плачет; когда небо и земля и вся тварь плачет, вы почему разинули рты-то, поете?! Чему радуетесь?“»¹²⁷.

Родители Петра формально числились православными и 10 января 1819 года были венчаны в православном храме¹²⁸, а потому и младенец был крещен православным

священником, что стало для него, когда он присоединился к Православной Церкви, большим утешением, как он сам говорил впоследствии. В действительности отец его принадлежал к федосеевскому согласию беспоповского раскола, а мать — к поповскому, но по убеждению мужа приняла федосеевское согласие¹²⁹. Родившийся младенец оказался настолько слабым, что выжил разве что чудом и впоследствии никогда не отличался хорошим здоровьем. Родители воспитывали Петра в понятиях федосеевщины, в полном отчуждении от Церкви. Грамоте Петр выучился почти самоучкой, но, читая жития святых, получил навык к чтению, полюбил чтение духовной литературы, а слушая споры старших о вере, приобрел способность к анализу религиозных вопросов, что позже помогло ему увидеть всю ложь раскола.

Чтение святоотеческой литературы и житий святых разбудило в нем горячее желание к иноческой подвижнической жизни, и он все чаще стал задумываться об уединении. Когда Петру было двенадцать лет, скончалась его мать, и после ее смерти у него созрела окончательная решимость уйти в монастырь. За неимением поблизости федосеевских монастырей Петр, когда ему исполнилось восемнадцать лет, выпросил у отца разрешение поселиться в небольшой келье, построенной в саду, куда он и удалился для затворнической жизни. Тогда же он был официально принят в федосеевское согласие, — он был переkreщен одним из федосеевских стариков и дал обязательство не сообщаться с «никонианами», под которыми подразумевались православные, что оградило бы его, по мнению раскольников, от антихристового мира и сохранило бы в числе немногих спасающихся, которыми раскольники считали себя. В этом уединении Петр прожил чуть более года, но место, близкое к населенному пункту, показалось ему

недостаточно уединенным, почти среди «мира», и он ушел за десять верст от города, на реку Крымзу, где у отца была устроена небольшая пасека, расположенная среди глухого леса. В этом пустынном месте Петр прожил шесть лет.

Сталкиваясь с особенностями учения федосеевцев, а также видя бесчеловечное отношение федосеевских наставников к детям, он решил протестовать против их обычаев. Федосеевские, филипповские и некоторые другие беспоповские секты утверждали, что мир пришел к концу и, следовательно, время законного брака миновало, они считали брак постоянным и нераскаянным беззаконием и ставили его значительно ниже внебрачного сожителства, хотя бы и продолжающегося всю жизнь, так как такое сожителство, по их мнению, хотя и блудное, но временное, случайное. Поэтому детей, родившихся у блудно сожителствующим, они крестили тотчас же после рождения, а крещение детей, родившихся в браке, всячески откладывали, подвергая их риску, что они умрут некрещеными. Сам Петр отвергал подобное отношение к младенцам и, пытаясь оспорить этот дикий обычай, упрекал федосеевцев в бесчеловечном, непечительном отношении к детям, в том, что они не беспокоятся о спасении их душ. Но раскольничьи наставники, не желая слышать никаких доводов, отвечали: «А что нам за грех? — грех отцу с матерью, с них Бог взыщет: почто не расходятся... пусть так некрещеный младенец и умирает: не нам ответ, а отцу с матерью». Обратила на себя внимание Петра и совершавшаяся наставниками кощунственная «исповедь», по существу недействительная, призванная лишь обмануть исповедующихся и успокоить их совесть.

Намереваясь исполнить давнее свое желание и принять иночество, а также разобраться в противоречивом

учении федосеевцев, Петр решил на время оставить затвор и родные места и отправиться в центр федосеевщины — на Преображенское кладбище в Москву. Зная, что отец и все родные не согласятся отпустить его, он ушел тайно, никому о том не сказав. Прибыв в 1846 году в Москву, он не думал говорить, откуда он и кто. «Тогда Преображенское кладбище существовало еще в полном цвете богатства, — вспоминал он, — а в Преображенской слободе, наполненной и теперь беспоповцами, тогда в каждом почти квартале были домовые моленные — из них было несколько знаменитых, с богатыми иконостасами и паникадилами, например у Гучковых, Федора Алексеича и Алексея Никифориича; у этих и других богатых фабрикантов в моленных управляли службой на клиросе их приказчики и фабричные, так что у каждого был свой хор певчих, кроме приходящих певцов. Таким образом, приехавший в Москву из провинции старообрядец-федосеевец видел кроме кладбища, где было на обоих дворах до девяти моленных с ежедневной службой (на мужском дворе две и семь на женском), еще в Преображенском множество моленных и маленьких женских монастырьков тоже с моленными. Обходит их приезжий и чудится, называя Преображенское новым Иерусалимом»¹³⁰.

Молясь однажды за службой на Преображенском кладбище, Петр был узан приехавшим из Сызрани федосеевцем, который тут же и сообщил о нем руководителям кладбища, передав и некоторые подробности о его подвижнической жизни. Раскольники пригласили его поселиться у них. Своим благочестием, начитанностью, подвижнической жизнью и добросердечностью он приобрел здесь общее расположение, так что окружающие стали дорожить его расположением к ним. Однако Петр не оставлял мысли поселиться в более уединенном месте

*Читалки и уставщик федосеевского толка,
служащие панихиду на Преображенском кладбище*

и устроить обитель со строгим иноческим уставом. О своем намерении он поведал и руководителям кладбища. Они поддержали его, указав ему и место, где можно было бы основать монастырь, что согласовывалось и с их пожеланиями, так как, опасаясь в будущем преследований от российских властей, они намеревались основать монастырь за границей, в Пруссии, где у них уже был в это время небольшой монастырь, который они называли «Григорьичевскиток». Сторонником этой идеи был казначей кладбища Андрей Иларионович Шутов, ставший впоследствии раскольничьим архиереем Антонием, и настоятель кладбища Семен Кузьмич. Они стали уговаривать Петра, чтобы он хотя бы осмотрел выбранное ими место, а также доставил книги и некоторое имущество, которое они собрали для нового монастыря. Петр согласился исполнить поручение и отправился в Пруссию.

Проезжая через Черниговскую губернию, он остановился в Злыньском беспоповском монастыре в Ново-зыбковском уезде, где прожил два месяца. Здешние иноки просили его остаться у них навсегда, понравились и они ему. Однако, верный уже данному слову, Петр направился в путь и в феврале 1847 года прибыл в Пруссию. Место, выбранное под монастырь, было расположено на берегу озера Дусяты, в деревне Войново в ста километрах от города Гумбиннен*. Здесь проживало около тысячи русских людей. Приехав на место, Петр вскоре сообщил руководителям Преображенского кладбища, что в настоящее время есть возможность купить еще участок земли рядом с создаваемым монастырем. На присланные Семеном Кузьмичем деньги Петр купил в 1849 году участок земли и устроил монастырь, который Семен Кузьмич в свою очередь снабдил иконами, книгами и деньгами. Съездив в Злыньский монастырь, Петр принял иночество с именем Павел и затем, вернувшись в обитель, постриг в иночество и некоторых из братии, частью приехавших недавно из Москвы, а частью уже живших на месте. С самого приезда в Пруссию инок Павел стал, по существу, настоятелем монастыря, и прежний бывший здесь настоятель с радостью поручил ему все монастырские дела.

В 1851 году монах Павел побывал в Австрии, в Белой Кринице на Буковине, где незадолго перед этим возникла так называемая австрийская иерархия. Вернувшись из Австрии, он посвятил все свои силы благоустройству монастыря и религиозно-нравственному просвещению монашествующих и жившего здесь народа. Своей личной жизнью отец Павел подавал своим ученикам пример истинного иноческого жития и, стараясь просветить их,

---

* Ныне город Гусев в Калининградской области.

не только покупал книги нравственного и догматического содержания, которые постоянно читал с ними, но и завел в монастыре свою типографию, в которой печатались книги учебного и богословского содержания; они продавались по самой низкой цене, а то и вовсе раздавались бесплатно. Наряду с этим отец Павел занимался проповедничеством и посылал с этой целью способных учеников в Россию. Многие из его учеников стали впоследствии настоятелями в беспоповских монастырях. Монахи, жившие под началом отца Павла в монастыре и перешедшие впоследствии вместе с ним в Никольский единоверческий монастырь в Москве, свидетельствовали, что в его монастыре иноки вели жизнь весьма постническую и суровую. Изнеможенные от поста и молитвенного подвига, они иногда едва были в состоянии по причине чрезвычайной слабости, особенно в Великий пост, прочитывать в моленной, из которой почти не выходили, по одной славе на кафизмах, постоянно сменяя один другого. Про самого отца Павла рассказывали, что он весь пост вообще не вкушал никакой пищи. Он никогда не поднимал глаза, держа их по заповеди отеческой долу. По ночам, скрываясь от других, он ходил в одно укромное место, где трудился, приготавливая для себя пещеру, что делал, в частности, и для того, чтобы хоть как-то поддержать здоровье.

Заботясь о просвещении своих учеников, отец Павел заботился и о просвещении и улучшении нравственного состояния русских беспоповцов в Пруссии, имевших до его приезда среди окружающих дурную в нравственном отношении славу. Его усилия по улучшению нравственного состояния живущего здесь народа заслужили ему впоследствии благодарность прусского правительства. В отличие от фанатично настроенных раскольников, чьи основные усилия были направлены на хуление Церкви

и на отторжение от Церкви православных, усилия отца Павла были направлены на рассуждения с самими раскольниками о предметах веры, о Священном Писании и сочинениях святых отцов, направлены на то, чтобы разобраться в предметах веры и обрести в своей жизни прочный фундамент.

«Еще в Сызрани инок Павел обратил внимание на явные несообразности в учениях и действиях федосеевских наставников относи-

Н. И. Субботин

тельно состоящих в браке и вне брака, — писал о нем его сподвижник и биограф Николай Иванович Субботин¹³¹. — Вопросом о браке, имеющим особенную важность в федосеевском учении, он и занялся прежде всего, утвердившись на жительстве в прусской киновии. По тщательном его изучении он пришел к тому заключению, что брак, совершенный и без священнического венчания, по благословению только родителей и взаимному согласию брачующихся, с обетом неизменной верности друг другу, может иметь законную силу, и напротив, безбрачие, о котором учат федосеевцы, то есть как состояние одинаково для всех обязательное, сколько противно природе человека и требованиям нравственного закона, столько же не согласно и с учением Церкви. Тогда, по внимательном и беспристрастном изучении отеческих писаний, он заметил и другие существенные погрешности федосеевцев (и вообще беспоповцев) — именно в учении об антихристе и имеющих

явиться при нем пророках Илии и Енохе, личное и чувственное бытие которых беспоповцы отрицают, также в учении о том, якобы за царя и властей предержавших молиться не подобает¹³².

С 1856 года инок Павел начал уже гласно проповедовать учение о законности браков. Кроме основательности приводимых им доказательств, особенную силу его проповеди придавало то обстоятельство, что сам он лично здесь не был заинтересован, что всем известная безупречность и строгость его жизни служили несомненным свидетельством его глубокого уважения к иночеству, к безбрачию по обету. Понятно, что его проповедь о браке должна была приобрести ему многих последователей и, с другой стороны, вызвать ожесточенные нападения истых федосеевцев, так называемых „бракоборцев“. С этими последними инок Павел охотно входил в состязание, требуя, чтобы они опровергли его учение. В 1858 году, спустя одиннадцать лет по выезде за границу, он первый раз приезжал в Москву — и с той собственно целью, чтобы потребовать от здешних федосеевцев „доказательств от Писания о прекращении брака“. С той же целью он приезжал в Москву и в следующем 1859 году. <...>

Но особенную важность в религиозной жизни инока Павла имеет его учение о вечности Церкви с ее таинствами и иерархией, в котором он расходился не только с федосеевцами и поморцами, но и со всеми вообще старообрядцами. <...>

Исходя из той истины, что все обетования Божии верны и непреложны, что небо и земля мимоидут, а слова Господни не имеют прейти, что поэтому неизменно твердо и действительно и обетование Спасителя создать Свою неодоленную вратами ада Церковь, Павел пришел к несомненной уверенности, что сия созданная Христом

Спасителем Церковь непрерывно существовала и неизменно существует на земле в том полном ее устройстве, какое дал ей Сам ее Зиждитель, то есть в полноте таинств и иерархии, вопреки мнению беспоповцев, проповедующих прекращение священства и таинств, и вопреки мнению поповцев, утверждающих, [что] якобы истинной иерархии не было от лет Никона патриарха до митрополита Амвросия, при котором она паки возродилась. Таким образом от Писания убедился Павел в вечном и неизменном существовании Церкви Христовой, но, по собственному его выражению, „не видя ее воочию“, думал, что она существует „где-нибудь в удаленных, неизвестных местах“. <...> Не надеясь же на свои силы и твердо веруя, что без благодатной помощи свыше бесплодны все усилия человека в искании истины, он пригласил братию, с которой обыкновенно делился своими мыслями и желаниями, споспешествовать труду его общей молитвой к Богу Спасителю, чтобы просветил умы их в познании святой Его Церкви. С сей целью инок Павел, по общему согласию, даже учредил в своей обители особый чин моления, который изложил письменно¹³³. «Кроме того, по согласию с братией, он назначил один день в году, именно воскресенье второй недели Великого поста исключительно для моления „о Церкви и иерархии“»¹³⁴.

«Господь призрел благоволиительно на сердца молившихся Ему в такой простоте и искренности веры. <...> „В 1861 году или в начале 1862-го имел он в Москве свидание... с известным начетчиком Семеном Семеновым, которому доказывал незаконность австрийской старообрядческой иерархии, как не имеющей правильного, непрерывного от святых апостол преемства, — вспоминал отец Павел. — Семен Семенович спросил Павла: если он от Писания показывает, что иерархия должна

существовать непрерывно, то где сам он исповедует Церковь? Тогда Павел высказал мысль о пребывании Церкви в неизвестных, удаленных местах. Семен Семенович возразил, что Церковь скрываться не может, а должна сиять на вселенную. Павел, хотя и отклонил возражение, но эту мысль о сиянии истиной Церкви во всю вселенную он скрыл глубоко в сердце своем. Какая же Церковь сияет во вселенной? Он знал, что прочие именуемые церкви уже осуждены Соборами, только Церковь Православная не осуждена ни от кого. Осуждают ее, правда, старообрядцы за различие в обрядах — но законно ли? Не требуют ли доказательств их обвинения? Тогда Павел, не хотя судить о сем деле пристрастно, как с юности натолковался от своих наставников, стал со всем вниманием вникать во изветы старообрядцев на Церковь, и перед очами беспристрастного суждения один по одному постепенно они исчезали, и остались в глазах его разделяющие его от Церкви одни только бывшего в 1667 году Собора клятвы. <...> Наконец еще раз, и не поверхностно, как обычай старообрядцам, прочел он изложение Собора 1667 года в „Дополнениях к актам“¹³⁵ и нашел, что клятвы Собора положены не на тех, которые осмиконечным крестом печатают просфоры, а на тех, которые точию осмиконечный крест употребляют, четвероконечный же отвергают с похулением, и не на тех, которые в молитве Иисусовой говорят Сыне Божий, а на тех, которые укоряют говорящих: Боже наш, и за сие от Церкви отделяются и проч. Так постепенно рушилась перед Павлом последняя преграда на пути его к общению с Церковью — но до свидания и объяснения с братией он никому не говорил о совершившейся в нем решительной перемене»¹³⁶.

Между тем за раскольническими группами наблюдали в то время многие даже и не имевшие отношения

к Церкви, предполагавшие найти в раскольниках политических союзников. В начале 60-х годов XIX столетия руководители революционного движения стали предпринимать попытки установить тесные контакты с раскольниками, чтобы объединиться с ними для свержения государственного строя в России. Авторитет отца Павла среди раскольников был настолько велик, что Василий Иванович Кельсиев¹³⁷, доверенное лицо А. И. Герцена и Н. П. Огарева, добивался организовать с ним отдельную встречу. «В один из моих приездов из Пруссии в Россию, именно в 1863 году, на пути в Москву остановился я в Петербурге, как и всегда это делал, — вспоминал отец Павел. — В Петербурге я останавливался тогда у купца Мартьянова. Он мне сообщил, что некоторые из благородных людей желают со мной познакомиться, но только это знакомство нужно будет устроить на обратном пути моем из Москвы. Мартьянов и сам не имел надлежащего понятия, о каких людях идет тут речь. К нему явился один из петербургских жителей, дворянин, и изъявил желание познакомиться под тем предлогом, что он хочет иметь сведения о старообрядчестве и что желательно было бы особенно повидаться со мной; он прибавил, что есть и другие, которым желательно познакомиться со мной <...>. На другой вечер, как только я приехал из Москвы в Петербург, новый знакомец Мартьянова явился к нему вместе с другим каким-то незнакомым господином, которого, не называя по имени, рекомендовал Мартьянову и мне, прибавив, что он желает от меня кое-что узнать о старообрядчестве. Сам же немедленно ушел. Приведенный им господин и был, как впоследствии оказалось, Василий Иванович Кельсиев. Не сказывая своего имени, он стал меня спрашивать: почему вы разделяетесь с поповцами и не принимаете австрийского священства, когда у вас одни и те же

книги? Он стал приводить доказательства, обыкновенно приводимые поповцами в оправдание законности их священства. Я стал опровергать его доводы. Хотя, как видно было, Кельсиев и хорошо знал доказательства австрийцев, но выстоять против моих возражений не мог и прямо сознался, что разговор об этом ему нужен был только для того, чтобы завести со мной беседу. Для разбора всех этих доказательств, прибавил он, теперь не время, — им будет свое время. Я <...> спросил: „Отчего же не время?“ Кельсиев ответил: „Вот почему не время. Вас гонят, поповцев гонят и нас гонят, поэтому теперь и нужно, вместо всяких препирательств, всем заедино вооружиться и общими силами победить общего врага, — а тогда вы между себя, на свободе, по-любовному, все недоумения разрешите“. Тут только мы с Мартьяновым поняли, что это за человек. Между тем Кельсиев продолжал: „Я был в Москве у австрийских архиереев, и они мне дали слово сообща с нами действовать. Вас всех более десяти миллионов* и нас немало: почему же уступать с такой силой? А притом враг теперь настолько обессилен, что справиться с ним нетрудно: между духовенством черным и белым неутолимая свара из-за первенства, крестьяне недовольны наделом земли, дворяне недовольны отнятием крестьян. Благоприятнее этого времени не дожидаться! Не нужно упускать такого времени. Если не воспользуетесь им, сами потом будете жалеть, когда пройдет это время“. Хозяин мой, слушая это, весь побледнел. А я, выслушавши Кельсиева, стал говорить: „Для меня вóт что удивительно: вижу, что вы русский человек (хотя и не знаю вашего имени и фамилии), а духа русского человека совсем не понимаете.

---

* Обычно раскольники преувеличивали свою численность в несколько раз.

Вы говорите: крестьяне недовольны, господа недовольны — но все они, как русские, против неудовольствия вооружены терпением и против власти никогда не решатся что-нибудь сделать, разве только за исключением каких-нибудь немногих, которые в массе русского народа ничего не значат. Между черным и белым духовенством какая и сколь сильная распря, я того не знаю, но то хорошо понимаю и верю тому, что в случае опасности здесь личности будут все забыты и все будут действовать заодно. Вы сказали еще, что нас более десяти миллионов, но, в сущности, нас нет и половины этого. А притом простой народ, как бы тяжело ему ни было, всегда готов умереть за царя. Если австрийские архиереи, как вы говорите, дали вам слово быть заодно с вами, так, я думаю, говоря это, они озирались, нет ли кого постороннего в комнате и как бы не подслушал кто! И говоря так с вами, они почеловекоугодничали. А я человек прямой, вам человекоугодничать не стану. Вы в нас с собою согласия не найдете. А притом и еще скажу вам одно слово откровенно: если б я и хотел с вами иметь какое согласие, но этого сделать не могу по той причине, что я разладился теперь с федосеевцами и у нас между себя идет сильная борьба, которой мне будет на мой век, лишь бы еще кончить. При такой распре можно ли нам иметь единомыслие и совет в деле, какое вы предлагаете? Да и у поповцев с беспоповцами может ли быть мир? Вы сказали, что нам нужно междоусобные споры до времени оставить и между себя соединиться: да разве это может быть, чтобы мы, разделившись из-за религиозных предметов, теперь из политических видов оставили эту рознь? На это рассчитывать невозможно и неосновательно. Ваших дел я не знаю, потому и говорить о них ничего не могу, а свои, о которых говорю, знаю и говорю о них с убеждением“. Выслушав это, Кельсиев сказал: „Если вы и не будете с нами

согласны и не станете нам помогать, а мы все-таки в вашу пользу будем работать“. Я спросил: „А почему вы будете работать в нашу пользу?“ Кельсиев ответил: „Потому что ваша польза сопряжена с нашей пользой“.

Когда мы проводили Кельсиева, Мартьянов сказал: „Вот что случилось! слугу антихриста, готовящего ему путь, пришлось в лицо увидеть!“ <...> Потом мы рассуждали с Мартьяновым об этих словах Кельсиева: „мы станем работать в вашу пользу и без вашего согласия“. Их цель, рассуждали мы, через разрушение Церкви достигнуть разрушения государства, а когда достигли бы они разрушения Церкви и государства, тогда добрались бы и до нас; мы им нужны только для достижения их цели. И мы порешили лучше терпеть от „никониан“ всякое гонение, нежели согласиться с безбожниками и тем через разрушение власти готовить путь антихристу. С тех пор я понял и то, откуда

В. И. Кельсиев

идут эти толки и старания о свободе религии, о свободе раскола — от безбожников, стремящихся через разрушение Церкви достигнуть разрушения самодержавной власти!

В Петербурге я пробыл тогда до сырной недели, к посту возвратился в Пруссию. Прошел пост, наступила Пасха. На третий день праздника вижу — идет ко мне в келью Кельсиев. Я удивился, потому что никак не думал, чтобы для него было так интересно с нами знакомство, что даже он приехал в наш

монастырь. Он опять стал уговаривать меня, чтобы действовать сообща, ссылаясь также на согласие австрийских архиереев. Но после бывшей у нас с Мартьяновым беседы, я дал ему отпор уже более сильный, чем в Петербурге. И после Кельсиев сознался мне, что, бывши в России, он старался сблизиться с народом, узнавать народный дух и убеждается в том же, что я ему говорю, то есть что их затея не пойдет в дело. Кельсиев говорил о России: „Это океан-море; если мы его рассердим, некуда будет и бежать! И я заметил, что в народе и начатка нет нашего духа. Видно, австрийские архиереи только льстили мне, а сделать ничего не могут“. Он, кажется, оставался более довольным моей прямой откровенностью и говорил: „Нам остается еще много подумать о нашем деле“. Однако прибавил, что он все же не совсем разочаровался в своем деле. „Еще мы, — говорил он, — скоро не положим оружия; станем также делать все, что и для вас полезно“. Тогда я, уже достаточно понявши Кельсиева и более с ним познакомившись, прямо сказал ему: „Вы не ради нас будете действовать в нашу пользу, но ради себя, а вот когда бы вы достигли своего, скажите: что стали бы вы делать в нашу пользу и стали ли бы делать?“ На это Кельсиев мне ничего не сказал.

Живя у нас, Кельсиев говорил вообще в очень мягком духе, он даже лицемерил у нас, — молился перед обедом и перед ужином. Его у нас удивила суровая монашеская жизнь, — и действительно, у нас было несколько человек строгой жизни. Прожил он у нас три дня. По возвращении в Лондон и потом, живя в Турции, Кельсиев ни в какие уже сношения со мною не входил. Но мне пришлось и еще раз увидеться с Кельсиевым. Это было уже после моего присоединения к Церкви. Кельсиев, принеся повинную правительству, возвращался тогда из-за

границы и, бывши в Москве, приехал в Никольский еди-
новерческий монастырь посетить отца Пафнутия [Ов-
чинникова], который был тогда настоятелем. Я жил тут
же — Кельсиев посетил и мою келью. Он говорил тогда,
что опять стал христианином и будет верным правитель-
ству, что все прежнее он выбросил из головы. Искренно ли
говорил он — это знала его совесть»¹³⁸.

После Кельсиева попытался завести отношения с от-
цом Павлом и живший в Лондоне Николай Огарев, кото-
рый хотел привлечь его к участию в своем журнале «Об-
щее вече». В ответ на предложения Огарева отец Павел
написал ему:

«Милостивый государь Николай Платонович!

Приехал я с дороги в феврале месяце, прочел посланное
Вами письмо, на которое отвечаю на Ваше имя. <...>
Что вы, любезнейший, желаете с нами иметь переписку,
я Вам без лукавства говорю: я человек неученый, а поли-
тических дел плана почти и вовсе не знаю, от коммерче-
ских дел я удалился в юности и о них никогда не занимался
почти и разговорами. Поэтому мне и все дела плохо зна-
комы; взошла в меня ревность, что в некоторых старооб-
рядцах упущен брак, через что и много они должны стра-
дать от бедствий; об этом, как о знакомом деле, сколько
моих сил, попещись понудился, а о других делах мне со-
образить план и трудно, а не сообразя вступаться — не хо-
чется быть подобно слепому стрелцу, а если бы и всту-
пил, то я, человек, плененный Христовой славой, иначе
судить не могу, только сходство христианских положен-
ний, посему и прошу Вас от такового дела, которое выше
моей силы, меня уволить, — и не огорчись на меня, мило-
стивый государь: я, может, что и грубо или невежественно
пишу. Я чувствую Ваши к старообрядцам благосклонности

и благодарю, но потому отказываюсь: я человек простой, с учеными людьми мне вступаться в беседу — только себя стыдить <...>. Не рассматривая моего невежества, меня из ученых и в Питере кое-кто завлекали в беседу, но я отскочил. Извини меня, честной муж, и не огорчись на мои слова — я не Вас зазираю, но себя сужу, недостаточного к Вашей переписке: часом что неследующее напишу, и будет после стыдно. Прошу меня простить, что я так пишу — без политики, навек я жить христианской прямизной.

Кланяюсь тебе, убогий отец Павел»¹³⁹.

Николай Огарев, плохо понимая того, с кем он хотел стовориться и кто не то что догадывался, а определенно знал о трагических последствиях прихода радикальных социальных реформаторов к власти, не оставлял надежд привлечь отца Павла в союзники своему революционному делу и послал ему новое письмо, полное демагогических и мечтательных рассуждений, в котором изложил идеи социализма в развернутом виде¹⁴⁰.

И как ни человеколюбив был инок Павел, со снисхождением, даже с нежностью относясь к каждому человеку, но в этом случае он решительно прервал все отношения с «лондонскими» революционерами.

Отец Павел имел громадный духовный опыт. Он имел и мало кому ведомые познания личности человека. Общаюсь с руководителями различных религиозных согласий, он словом Божиим, как хирургическим скальпелем, вскрывал подлинные душевные устремления человека, открывая в иных случаях то глубокое лицемерие, которое было как бы особенно свойственно многим из претендующих на религиозное и политическое учительство в XIX столетии.

В ноябре 1866 года инок Павел возвратился в свою прусскую киновию. После многих и долгих бесед с братией, содержащих изложение выводов из сделанных им изысканий, он объявил, что в Церкви Греко-Российской не нашел никаких погрешностей и тем более ересей, в которых несправедливо упрекают ее раскольники, и потому никаких препятствий войти в общение с ней он не находит; братии же предоставил на их волю — следовать за ним или оставаться.

В январе 1867 года инок Павел навсегда простился с монастырем, для устройства которого понес столько трудов. Впоследствии он писал: «В последний год моего в Пруссии пребывания, когда я уже принял намерение присоединиться к святой Церкви и приехал из России только для того, чтобы все монастырское имущество, а особенно записанную на меня недвижимость передать беспоповцам, дабы они не могли на меня делать никаких нареканий в присвоении чего-либо им принадлежащего (это исполнил я в точности — беспоповцы не могли меня упрекнуть ни в чем по этому предмету: даже из принадлежавших мне родительских книг ничего не взял, кроме Евангелия*), и потом простился с Пруссией навсегда; некоторые из монастырских (которые потом и сами присоединились к Церкви), узнав о моем решении, сказали в деревнях, что отец Павел переходит в Церковь и хочет навсегда уехать из Пруссии. <...> Народ, получив весть

---

* Это Евангелие было напечатано еще при патриархах — святителе Иове и священномученике Ермогене, и было тем самым Евангелием, на которое отец Павел указывал своим ученикам, изъявившим желание следовать за ним, что они должны следовать не за ним, Павлом, а за святым Евангелием, которым он сам был выведен из тьмы раскола к свету истины Церкви Христовой.

о моем намерении присоединиться к Церкви, со всех деревень собрался в монастырь, — и стали меня спрашивать: правда ли это и что меня к этому убеждает? Тут настал для меня первый подвиг <...> защищать правоту Церкви и несправедливость от нее отделившихся старообрядцев. Беседа продолжалась тогда с утра до глубокой ночи. Многим из народа <...> мое слово запало глубоко в сердце, — они не потеряли ко мне доверия, слушали меня со вниманием; другие же с сомнением отнеслись к моим словам, а иные весьма сожалели обо мне, что я будто бы ошибаюсь, и скорбели, зачем от них уезжаю. Но пока я не уехал из Пруссии, они ходили ко мне, расспрашивали о моих убеждениях, и я к ним ездил на беседы в Войсуны*, — вообще, наши добрые отношения не изменились»¹⁴².

«Передав братии все акты на владение землей и имуществом, монах Павел отправился сначала в Киев, для поклонения его святыням и обозрения его священных древностей. В апреле месяце приехал в Москву и снова отправился в лавру, „помолиться Живоначальной Троице и преподобному Сергию“, заступлению коего и теперь поручил себя в особенности. Отсюда, по собственному его свидетельству, с неиспытанным дотоле ощущением внутреннего мира возвратился он в Москву»¹⁴³.

Впоследствии отец Павел сам подробно описал свой путь в Церковь и каким методом для познания истины он пользовался. Использование этого метода может не только вывести человека на путь спасения, но и способствовать скорым и благим переменам в его внутреннем устройении.

---

* Деревня в Пруссии, многие жители которой, как и соседних деревень, были присоединены к православию в 1885 году протоиереем Иоанном Добровольским¹⁴¹.

«Если кто из отделяющихся от святой Церкви пожелает познать истину и будет беспристрастно искать ее в Священном Писании, то есть не предпочитая ничего из земных самой истине, а притом еще, главное, если будет просить Бога, чтобы вразумил его в познании истины, по слову пророка: скажи ми, Господи, путь, вонже пойду, а не будет надеяться на один свой разум, таковой несомненно обрящет истину. <...> Еще в молодости, как только стал входить в рассуждение и в религиозные собеседования, я заметил, что иногда какое-нибудь мнение считал справедливым и защищал, а после мне доказали его несправедливость, и сам я, по совершенном рассуждении, убеждался, что понимаю несправедливо. С тех пор я и положил себе завет, скоро вопросов не решать, но обсуждать их основательно и, когда увижу, что прежде рассуждал неправильно, прежнего мнения не держаться и на беседах против совести его не защищать и не оправдывать. Это меня и привело к тому, что обвинения, возводимые старообрядцами на святую Церковь, когда я рассмотрел их беспристрастно, мало-помалу одни за другими стали исчезать, также и оправдания старообрядческого положения без священства и таинств стали оказываться неосновательными. Итак, мне уже не на чем было стоять: все старообрядческое, на чем я утверждался в отделении от Церкви, рушилось, и я необходимым нашел присоединиться ко святой Церкви. Так было со мной; так же точно и всякий рассуждающий беспристрастно старообрядец необходимо должен убедиться в правоте Церкви и вступить в нее для своего спасения. Но, повторяю, без усердной молитвы к Богу и без благодатной помощи Божией достигнуть такого беспристрастия в понятии о Церкви и расколе нельзя. Мы молились Богу и Его милосердию обязаны, что соделались сынами святой Его Церкви»¹⁴⁴.

В Москву инок Павел прибыл в апреле 1867 года и здесь был представлен митрополиту Московскому и Коломенскому Филарету (Дроздову)¹⁴⁵ как ищущий соединения с Церковью. Митрополит Филарет благословил его поселиться в Никольском единоверческом монастыре, основанном благодаря усилиям митрополита и устроенном его попечением, вместе с той братией, которая пожелает последовать за ним из Пруссии. Вскоре бóльшая часть братии действительно последовала за отцом Павлом в Москву и поселилась в монастыре. Сюда же вслед за ним пришли и наставники многих общин, разбросанных по всей России. Отец Павел, живя среди старообрядцев в Пруссии, не скрывал своей любви к России и к православию, и впоследствии, когда он переехал из Пруссии в Россию и присоединился к Церкви, многие семьи и целые селения последовали за ним в Церковь и некоторые переехали в Россию.

Уход отца Павла из раскола произвел ошеломляющее впечатление на раскольников. Впечатление это было тем более сильным, что вместе с ним из раскола ушли многие его ученики, а также весьма влиятельные в расколе лица. Некоторые петербургские раскольники намеревались даже позвать отца Павла к себе в Петербург, чтобы отговорить его от перехода в Церковь. Но один из них возразил: «Зачем нам его звать? Кому у нас говорить с ним? У нас никто с ним не сговорится! Ведь он теперь будет говорить прямо по Евангелию, как в нем написано, а нам нужно будет выдумывать, что сказать против Евангелия!» А другой прибавил: «Нам, бывало, о нем со стороны безбрачных говорили: ваш проповедник крепко себя основывает на Евангелии, смотрите — не ушел бы он скоро в Церковь»¹⁴⁶.

Летом 1867 года митрополит Филарет благословил инока Павла отправиться в населенное раскольниками

*Митрополит Московский
Иннокентий (Вениаминов)*

большое село Поим Пензенской губернии. Успех его проповеди здесь был полный, множество раскольников присоединилось к Церкви, были начаты хлопоты по открытию в селе единоверческого прихода. С целью присоединения к Церкви в том же году отца Павла пригласили к себе раскольники Ковенской губернии и других мест Северо-Западного края, но митрополит Московский Филарет и епископ Дмитровский, викарий Московской епархии Леонид (Краснопевков),

предложили на некоторое время отложить поездку, пока не состоится присоединение инока Павла к Церкви. Не желая нарушить архипастырское благословение, но в то же время и не оставить раскольников в неведении о том, что побудило его самого присоединиться к Церкви, он направил к некоторым своим ученикам воззвание, в котором рассказал о причинах, побудивших его оставить раскол.

Присоединение инока Павла к Церкви, однако, задерживалось — сначала из-за болезни митрополита Филарета, а затем из-за его кончины, случившейся 19 ноября 1867 года. После смерти митрополита временно управляющим Московской епархией был назначен епископ Дмитровский Леонид. 25 февраля 1868 года он присоединил к Церкви инока Павла¹⁴⁷, а также бывшего

старообрядческого епископа города Тульчи инока Иустина¹⁴⁸, бывшего настоятеля беспоповской киновии близ города Зенсбург*, и пятнадцать учеников инока Павла. Присоединение состоялось в воскресный день второй седмицы Великого поста, который в обители инока Павла был посвящен сугубой молитве об указании истинной Христовой Церкви. Близкий друг отца Павла, специалист по изучению истории раскола Николай Иванович Субботин, считал такое совпадение не случайным, но указанием на то, что присоединение произошло по благословению свыше. В тот же день здесь же, на Преображенском кладбище, хоронили известного в то время старообрядца Елисея Саввича Морозова, бывшего когда-то одним из ближайших друзей отца Павла, безмерно его уважавшим, но из-за расположения того к Церкви разорвавшим с ним отношения.

Отец Павел с учениками поселились в Никольском единоверческом монастыре, где уже жили присоединившиеся ранее к Церкви члены австрийской иерархии. 16 октября 1868 года митрополит Московский Иннокентий (Вениаминов)¹⁴⁹ поставил инока Павла настоятелем Никольского единоверческого монастыря; 26 ноября он был рукоположен во иеродиакона, а 15 декабря — во иеромонаха¹⁵⁰, 21 июня 1870 года он был возведен в сан игумена¹⁵¹.

Следующие его миссионерские поездки, нередко переходящие одна в другую, продолжались несколько лет — с 1867-го по начало 1880-х годов. Отца Павла пригласили жившие в Литве раскольники, которые, усомнившись в истинности раскола, пожелали присоединиться к Православной Церкви, но прежде желали выслушать авторитетного миссионера и проповедника из бывших раскольников, чья

---

* Ныне город Мронгов, Польша.

*Епископ Иосиф
(Дроздов)*

подвижническая жизнь была им хорошо известна. В этой миссионерской поездке отец Павел пробыл пять месяцев. Вскоре он предпринял туда же еще одну поездку, так как просвещенные его беседами раскольники написали епископу Ковенскому, викарию Литовской епархии, Иосифу (Дроздову)¹⁵², что желают присоединиться к Церкви и хотят, чтобы совершителем этого присоединения стал отец Павел. В 1870 году жив-

шие в Австрии в местечке Климоуцы неподалеку от Белой Криницы раскольники просили митрополита Московского Иннокентия, чтобы он направил к ним отца Павла для присоединения их к Церкви, и поэтому из Вильны тот сразу же направился в Австрию.

В 1871 году отец Павел предпринял миссионерское путешествие на свою родину, в Сызрань. По пути он останавливался с миссионерской целью в Нижнем Новгороде, Казани, Симбирске, Самаре, Саратове, заезжал в расположенные вокруг этих городов селения, населенные раскольниками, где вел миссионерские беседы и присоединял раскольников к Церкви. В этой поездке отец Павел провел пять месяцев. Слава о нем как о выдающемся миссионере, слово которого, растворенное благодатью, проникало в души слушателей, никого не оставляя равнодушным, распространилась скоро по всей России, и архиепископ Донской и Новочеркасский Платон (Городецкий)¹⁵³ стал просить митрополита Московского Иннокентия, чтобы

тот послал отца Павла в помощь и к ним, на Дон, изобиловавший в то время поселениями раскольников; в свою очередь он разослал в храмы епархии распоряжение, чтобы священники всячески способствовали организации бесед отца Павла.

В 1873 году отец Павел отправился с миссионерской проповедью на Дон и пробыл здесь три месяца. «С признательностью скажу теперь, что вниманием ко мне всех священников Донской епархии и их готовностью помогать мне в моих беседах со старообрядцами я был вполне доволен и всегда вспоминаю о них с утешением,— говорил отец Павел. — Из них были и такие, что не только вследствие предписаний владыки Платона добросовестно и тщательно исполнили свою обязанность споспешествовать мне в беседах со старообрядцами, но и по собственному расположению и призыванию прилагали великое усердие сделать что-либо для вразумления старообрядцев и ослабления раскола на Дону. <...>

Отец Евгений Снесарев¹⁵⁴ был первым из таких усердных деятелей против раскола. Он не только споспешествовал мне неоднократно устроить беседу в своей Камышевской станице, но и убедил меня ехать на его лошадах

*Архиепископ Платон
(Городецкий)*

в принадлежавший к его приходу хутор Лозной, отстоящий от станицы Камышевской верст на десять, чтобы и там устроить собеседование со старообрядцами. Отец Евгений, познакомившись со мной, принялся за дело обращения старообрядцев всей душой. Он меня расспрашивал, как удобнее действовать на обращение старообрядцев, да и сам увидал из моих с ними собеседований, что всего сильнее можно действовать на них свидетельствами от старопечатных книг, которым они по преимуществу доверяют (я и с собой всегда возил старопечатные книги и из них доказывал неправду раскола). Отец Евгений постарался потом, через мое посредство, приобрести нужные для собеседования со старообрядцами старопечатные книги. <...> Он изучил внимательно и приемы, как вести собеседования со старообрядцами, особенно старался, чтобы беседовать с ними в духе кротости, избегать укорительных слов, не оскорблять их религиозные чувства и тем не отталкивать их от собеседования; этому помогала и естественная его кротость. Действительно, от кроткого собеседования с отцом Евгением трудно было отказаться и уклончивому, не расположенному к беседе старообрядцу. Когда на призыв отца Евгения побеседовать о вере старообрядец, уклоняясь, говорил ему: „Что нам с вами, отец, о вере беседовать!“, он отвечал с любовью: „Да о чем же нам о другом беседовать, как не о том, как душу спасти? А ты знаешь, что без правой веры душу спасти невозможно?“ Если старообрядец опять уклонялся под разными предлогами, отец Евгений, убеждая его, говорил: „Когда ты уверен в своей правоте и поэтому для себя не имеешь нужды со мной беседовать, то ты обязан для моей души со мной побеседовать, вразумить меня, в чем я недоумею“. Старообрядец, разумеется, отвечал: „Где нам вас вразумить!“ Тогда отец Евгений говорил ему: „Ужели ты думаешь, что только

в тебе душа, а у меня и души нет и потому и заботиться о душе нечего? Нет, и я о своей душе забочусь, как спастись. Посему тебе и необходимо нужно разъяснить мне свои убеждения“. Старообрядец замечал: „Вы, отец, не послушаете нас!“ — „Почему же не послушать, — отвечал ему отец Евгений, — если ты докажешь вполне вашу правоту?“ И так каждого старообрядца вызывал он на беседу. А особенно тем располагал он старообрядцев охотно беседовать с ним, что был ко всем кроток, всем хотел добра: к нему каждый, и церковный и старообрядец, шел посоветоваться в чем имел нужду, особенно о семейных своих обстоятельствах, и он каждому старался от души дать полезный совет.

Когда отец Евгений поступил в Камышевскую станицу во священника, в ней почти наполовину было старообрядцев, да и православные были заражены духом раскола. <...>

Достоинo примечания, что неподалеку от Камышевской станицы, верстах в восьми, находится станица Верхнекаргальская, в которой есть церковь единоверческая и при ней единоверческий священник, а старообрядцы Камышевской станицы, когда убеждались присоединиться ко святой Церкви, не ходили присоединяться в Верхнекаргальскую станицу в единоверческую церковь, но все присоединялись у отца Евгения. Даже старообрядцы из хутора

*Священник
Евгений Снесарев*

Лозного, который отстоял от станицы Верхнекаргальской настолько же, насколько отстоял от станицы Камышевской, все ходили присоединяться в станицу Камышевскую к отцу Евгению, а не в Верхнекаргальскую единоверческую церковь. Причиной было то, что отец Евгений в своих церковных служениях никогда не подавал старообрядцам ни малейшего соблазна или чем мог бы отвлечь их от Церкви Православной. Молился он так, что мог подать пример каждому старообрядцу <...>. В церкви за службой у него все кафизмы вычитывались сполна, чтецам он не позволял делать пропуски, чтение и пение было умеренное — не спешное и не весьма растяженное, все совершалось с большим благоговением. Напевов музыкальных, не любимых старообрядцами, он совсем не позволял у себя в церкви, так что службой, совершаемой отцом Евгением, каждый старообрядец утешался. <...>

Не без удивления и то: отец Евгений присоединил из раскола к святой Церкви до трехсот душ и еще более утвердил колеблющихся в православии, но при таком поражении им раскола старообрядцы не только не имели против него какой-либо вражды, но и любили его. В пример того, как расположены были к нему прихожане не только православные, но и старообрядцы, отец Евгений как-то рассказал мне вот что. Здесь, говорил он, есть обычай, когда занимающиеся хлебопашеством казаки несколько помолотят хлеба, тогда священники ходят по дворам просить „новинки“, то есть новоуродившегося хлеба. Когда я сначала своего поступления в Камышевскую станицу пошел собирать „новинки“, старообрядцы иные ничего не дали, говоря: мы к вам не принадлежим! А некоторые дали по чашечке, с горсть, чтобы только отвязаться. А ныне, говорил отец Евгений, если которого бедного обойду из жалости, православного или старообрядца,

то он меня догонит, сделает с любовью выговор: что ты, батюшка, меня обошел? неужели я не смогу дать тебе меру или ведро пшеницы? Отец Евгений сказывал еще, что он со своими прихожанами за исправление треб никогда не торговался. Он говорил: я заметил, что если за исправление треб что-нибудь не доплатит один, то переплатит другой. <...>

Когда отец Евгений увидел, что на хуторе Лозном его прихода уже достаточное число присоединилось к святой Церкви, то для удобнейшего обращения прочих ходатайствовал перед епархиальным начальством разрешить построить на хуторе единоверческую церковь и одного из присоединившихся, по имени Феодора Орехова, просил поставить к ней во священника. Его прошение епархиальное начальство исполнило, и с помощью отца Евгения в хуторе Лозном построена единоверческая церковь во имя первоверховных апостолов Петра и Павла. В эту церковь я послал точный список, в настоящую меру, чудотворной иконы Пресвятой Богородицы Тихвинской. А в этом хуторе прежде не было никого православного»¹⁵⁵.

Архиепископ Донской Платон впоследствии не раз обращался к отцу Павлу за помощью и советом:

«Ваше Высокопреподобие, достопочтенный отец игумен,
возлюбленный брат о Господе!

Согласно с Вашим мнением, я желал бы иметь в Донской епархии трех миссионеров для собеседования с раскольниками и обращения их в православие: одного в Усть-Медведицком округе, другого во 2-м Донском округе и третьего в 1-м Донском и Черкасском округах, но, к сожалению, среди подведомственного мне духовенства не нахожу таких лиц, которые бы желали принять на себя и могли надлежаще исполнить миссионерскую должность. Даже и те, которые прежде изъявили

согласие быть миссионерами <...>, отказываются теперь быть окружными миссионерами, первый по нездоровью, а последний по неспособности. Сообщая о сем Вашему Высокопреподобию, покорнейше прошу Вас почтить меня уведомлением: 1) не имеете ли Вы в виду хотя одного такого человека, который бы мог быть миссионером в Донской епархии с пользой для святой нашей Церкви? 2) Если есть такой человек, то не может ли он вместе с миссионерской должностью исполнять и священническую... в единоверческой церкви <...>? 3) Если может, то какое нужно производить ему жалованье за исправление миссионерской должности сверх того содержания, какое дается... священнику их церкви? При этом не излишним считаю сообщить для соображения Вашего, что я полагаю: а) на разъезды миссионера Донской епархии производить узаконенное количество прогонов по числу верст на две лошади; б) в облегчение трудов его дать ему помощника <...> и сему помощнику назначить особое жалованье и прогоны на одну лошадь.

Призывая на Вас благословение Божие и прося не забывать меня в святых Ваших молитвах, с истинным уважением и братскою любовью имею честь быть

Вашего Высокопреподобия
усерднейший слуга Платон, архиепископ Донской»¹⁵⁶.

В 1874 году Святейший Синод назначил отцу Павлу за его многополезную миссионерскую деятельность жалование — пятьсот рублей в год¹⁵⁷, которое он целиком жертвовал на дела благотворительности. В 1875 году отец Павел провел миссионерские беседы в городе Новоалександровске Ковенской губернии*, в городе Режице

---

* Ныне город Зарасай в Литве.

Гуслицкий Спасо-Преображенский монастырь

Витебской губернии*, в селах Владимирской губернии, расположенных вблизи Гуслицкого Спасо-Преображенского монастыря.

Вскоре епископ Кавказский и Екатеринодарский Герман (Осецкий)¹⁵⁸ обратился к митрополиту Московскому Иннокентию с сугубым прошением, чтобы он отпустил отца Павла для беседований с раскольниками на Кавказ. В 1876–1877 годах отец Павел совершил длительную миссионерскую поездку для беседования с раскольниками Кавказской епархии. Путешествия эти были воистину апостольские; предпринимая их, он уповал исключительно на помощь Божию. «Вот приеду в какую-нибудь весь с иеродиаконом Иоанном, — вспоминал отец Павел, — войдем в съезжую избу на ночлег, устелимся на полу, пожжем кренделей да выпьем водицы — вот и вся трапеза. В селении все раскольники. Они тоже любят наблюдать за нашим братом, что мы делаем. А мы потихоньку и поживем недельки две-три, побеседуем; смотришь, Господь

---

* Ныне город Резекне в Латвии.

*Епископ Кавказский
и Екатеринодарский Герман
(Осетский)*

и не забыл заблудших овец — привел их во двор овчий. Раз на Кавказе нас казаки насилу из станицы отпустили: поживи, да поживи...»¹⁵⁹ Впоследствии в этой станице образовался миссионерский приход, а священником стал помощник миссионера Василия Аникитича Прозорова из Владимирской губернии, из бывших раскольников. «Много раз меня предупреждали, — вспоминал отец Павел, — что в лесу где-нибудь

меня подстерегают. Но я твердо надеялся на Промысл Божий, только повторял слова псалма: „аще пойду и посреде сени смертных, не убоюсь зла, яко Ты со мною еси, Господи“, — и Господь спасал, хотя бывали предупреждения и правдивые»¹⁶⁰.

Епископ Полоцкий и Витебский Викторин (Любимов)¹⁶¹ умолил отца Павла прибыть в местечко Тискады*, чтобы на День Святого Духа, 5 июня 1878 года, освятить там храм. «Прошу же Вас, достолюбезнейший отец игумен, утешить и пожаловать к нам, — писал епископ Викторин, — с нашего благословения с другими сослужащими освятить у них церковь Божию, а потом к назиданию и других там староверов произвести с ними беседы о Церкви Христовой. Прошу Вас и уведомить меня, можете ли Вы исполнить эту нашу усердную просьбу к Вам, — уведомьте же не замедляя, чтобы я знал, как мне иначе распорядиться сим делом, если Вам что-либо попрепятствует

---

* Ныне село в Резекненском крае в Латвии.

прибыть к нам. Если же Господь положит Вам на сердце исполнить эту нашу к Вам просьбу, то прошу путь держать через Витебск и не миновать меня, чтобы доставить и мне утешение видеть Вас»¹⁶².

Узнав, что прибывший в Тискады отец Павел имеет намерение задержаться здесь на несколько дней, епископ снова обратился к нему с просьбой: «Прошу Вас усерднейше учинить беседу со старообрядцами публично в Тискадах или в Режице, где признаете более удобным, и пригласить на эту беседу старообрядческих наставников

*Епископ Полоцкий
и Витебский Викторин
(Любимов)*

и начетчиков, и да поможет Вам Господь Бог к увеличению числа верующих в юной еще церкви Тискадской»¹⁶³.

В 1878 году отец Павел снова предпринял длительную поездку на Дон, которая продолжалась три месяца. Она была вызвана желанием просвещенных его прежними беседами раскольников утвердиться в слышанном и присоединиться к Церкви. Кроме того, бывшие ранее раскольниками хотели показать упорствующим, что присоединение их к Церкви совершается вследствие их твердого убеждения в истинности Православной Церкви и в ложности австрийской иерархии. В этом должны были убедить окружающих беседы отца Павла с приглашенными на беседы священниками австрийского согласия. В 1879 году правящий архипастырь Донской епархии выразил отцу Павлу «искреннюю признательность

за ревностные великие миссионерские подвиги»¹⁶⁴. 31 марта 1879 года игумен Павел был возведен в сан архимандрита¹⁶⁵.

В миссионерской деятельности был замечателен сам взгляд отца Павла на его служение Православной Церкви. «„Вы, отец, от кого посланы к нам и лежит ли на вас какая обязанность беседовать с нами?“ — высокомерно спросил его однажды один старообрядец-начетчик, очевидно не желая вступать с ним в какое бы то ни было собеседование. Отец Павел отвечал: „Если вы желаете знать, от кого я послан к вам, то не обвиняясь ответствую, что я послан к вам от Христа“. И затем, чтобы такой ответ не оставался голословным, а тем более не подал бы повода к подозрению в тщеславии, отец Павел так доказывает

основательность своего ответа. „Христос послал апостолов, — говорит он, — апостолы продолжать порученное им дело поставили епископов и по преемству от них послан к вам преосвященный Александр, а через него от Самого Христа послан к вам и я“.

Усердие отца Павла в деле миссионерства было необыкновенное. <...> Святая ревность укрепляла на апостольское служение и эти силы, с каждым годом ослабевавшие от старческой немощи и от изнурения аскетическим образом жизни. Ничто, кажется, не в состоянии было ослабить этой пламенной энергии. Миссионерские путешествия отец Павел любил совершать обыкновенно осенью. Изможденный, постоянно борющийся с одолевавшими его болезнями, старец не хотел даже обращать внимания на неудобства, создаваемые этим временем года, хотя они могли иметь для его жизни роковое значение. Он имел в виду только то, чтобы беседовать с возможно большим количеством народа, который к осени только и оказывался свободным от своих работ как в поле, так и на промыслах.

Для его проповедничества, казалось, не существовало никаких преград. Случалось, что для переезда из одной деревни в другую не имелось лошадей. Слабый старец путешествовал тогда „пешечком и с мешечком“. Во время одной из миссионерских поездок отцу Павлу необходимо было из одной деревни переправиться в другую. Но весенняя оттепель испортила пути сообщения настолько, что езда на лошадях оказывалась невозможной. Тогда отец Павел решил отправиться туда пешком, а старопечатные книги, которых он возил с собою целый сундук, были переправлены на салазочках.

Усердие отца Павла к беседам не хотело знать никаких границ. Он мог беседовать по двенадцать часов кряду, и только совершенное изнеможение заставляло

его прекращать беседы. Самый короткий сон или даже — облокотиться на стол отец Павел считал уже за достаточный отдых. Столько стекалось к нему старообрядцев и из города, и из различных деревень, столько предлагалось ему для разрешения разных недоумений, что от этих продолжительных бесед отец Павел совершенно расстраивал свой и без того хилый организм. Однако это его нимало не беспокоило: он исполнялся великой радостью, видя, что „малый труд его без пользы для святой Церкви не остается“. Это сознание заставляло его совершенно забывать о понесенных лишениях. „Представляет мне моя совесть, — говорит отец Павел, сообщая о своей поездке в Литву, — что это пятимесячное путешествие для меня было не что иное, как приятная поездка для свидания со старыми знакомыми и друзьями для утешительной беседы с ними о ближайших сердцу нашему предметах“.

Старообрядцы стекались к отцу Павлу толпами; приходили послушать беседу самые закоренелые из них. Часто ни один дом не мог вместить массы слушателей и собеседование происходило на открытом воздухе — под сараем, в ограде часовни и т. д. Случалось, что приходившие на беседу с грубыми намерениями осмеять приехавшего миссионера становились наряду с другими очень внимательными членами собеседования, призадумывались и под конец разговаривали с отцом Павлом любовно, а провожали его уже дружески. Беседы отца Павла производили такое сильное впечатление на старообрядцев, что они не только не избегали их, а, наоборот, просили даже отца Павла о новых собеседованиях. Из обычно упорных фанатиков, под влиянием мягкого слова отца Павла, они становились более или менее беспристрастными и своей искренностью часто радовали и утешали отца Павла. Случалось также не раз, что эти фанатики и ненавистники проповедников

Православной Церкви настолько трогались кроткой речью отца Павла и настолько проникались симпатиями к нему, что провожали его с хлебом и солью и прощание с ним вызывало у многих из них искренние слезы. Новый приезд отца Павла к тем, которых он успел уже познакомиться с характером своего миссионерства, делался настоящим праздником в окрестности. Встречали его с хлебом и солью; народ бросал свои работы и собирался толпами послушать его беседу.

Убедительность речи отца Павла была велика. Присоединение совершалось десятками человек, и результатом миссионерства отца Павла обыкновенно являлось устройство единоверческих церквей и приходов. О том, насколько простиралась убедительность речи отца Павла, может свидетельствовать следующий случай. „Евтихий, мальчик лет двенадцати, — рассказывает отец Павел, — несколько раз приходил ко мне просить, чтобы я присоединил его к Церкви. Говорю ему: ты малолетен, я не могу присоединить тебя без воли родителей, пойди, приведи отца или мать, пусть они скажут, что дают позволение. Мальчик упросил свою мать, которая пришла и дала свое позволение. Желая испытать усердие мальчика, я опять сказал ему: одного тебя присоединять не стану, а ты найди себе товарища, другого мальчика — тогда присоединю обоих. Он пошел, хлопотал дня два и потом привел сверстника, с которым также пришла мать, и я должен был покориться, видя их усердие“. Впечатление, производимое беседами отца Павла, простиралось даже на тех, кои не понимали содержания его речи. „Один глухонемой, — говорил отец Павел, — пришел, кланяется и просит помазать его святым миром. Видя усердие пришедшего, я не усомнился принять его в Церковь, — а он за веру свою удостоился впоследствии принять биение от беспоповцев и тако

злостраданием засвидетельствовал свою верность святой Церкви“. <...>

Речь отца Павла помимо собеседований со старообрядцами вообще отличалась необыкновенной убедительностью. В крымском Херсонесе, где он лечился некоторое время, пришлось ему встретиться с блестящим молодым офицером, человеком ученым, но неверующим. В обоюдных разговорах речь шла преимущественно о предметах религиозных, и в результате вышло, что молодой неверующий ученый под влиянием проповеди отца Павла сделался истинным христианином¹⁶⁶. <...>

Сила убедительности отца Павла была так велика, что перед ней ломалось даже и упорство наставников раскола, и они вместе со своими пасомыми просили отца Павла о присоединении их к Церкви.

Кроме бесед, связанных с миссионерскими путешествиями, отец Павел вел собеседования со старообрядцами в своем монастыре. <...> Начались эти собеседования с Великого поста 1869 года и происходили каждый воскресный и праздничный день обыкновенно по окончании вечерни. <...> Развитию и широкому значению этих собеседований способствовало само местоположение монастыря: на прилегающем к нему лугу издавна вошло в привычку у москвичей собираться по праздникам для прений о разностях в вере. <...> Импровизированным собеседованиям было отведено теперь соответствующее важности дела место — храм. <...> На открытые отцом Павлом собеседования собиралась такая масса народа, что часто храм едва мог вместить количество собравшихся, и опытный, искусный собеседник с высокой радостью сеял на этой ниве семена истины о святой Церкви, разъясняя Писание, святоотеческие творения и разрешая недоумения и возражения со стороны старообрядцев. Доказательности,

а следовательно, и убедительности бесед отца Павла способствовала находящаяся в этом монастыре Хлудовская библиотека¹⁶⁷, куда можно было непосредственно обращаться, если бы кто не поверил встречающимся в беседе исторические документы по поводу каких-либо спорных вопросов. <...>

А. И. Хлудов

Кроме указанных бесед официального характера, отец Павел должен был уделять слишком много времени на собеседования частного <...> характера. <...> Отец Павел пользовался у старообрядцев чрезвычайным авторитетом. По переходе его в Православную Церковь, к нему, как к опытному духовному врачу, стекались со всех концов широкой Руси старообрядцы, недовольные своей раскольничьей верой и желавшие получить разрешение таившихся у них сомнений. Отец Павел с великой радостью оказывал таковым со своей стороны, что только мог. В подтверждение бесед своих он показывал им вещественные доказательства, хранившиеся в Хлудовской библиотеке, водил их по Москве, причем останавливал их внимание на исторических памятниках, способствовавших разъяснению истины о святой Церкви. Из таких мучавшихся сомнениями старообрядцев всегда гостило у отца Павла человека два-три. Искусство и сердечность бесед отца Павла в тишине кельи производили большое впечатление на людей, получивших еще ранее наклонность к обращению в Православную Церковь, и имели в большинстве случаев решающее значение в их присоединении. „О, эта убогая келья! — восклицает один из хорошо знавших келейную

жизнь отца Павла, — сколько болеющих душой в отчуждении от Церкви принял в ней ее любвеобильный хозяин, предлагая пришельцам и телесный покой, и духовную пищу и отпуская их утешенными, вразумленными и большей частью примиренными с Православной Церковью!“

Как велись сами беседы? На первом плане беседы устанавливалась та истина, что как вероучение, так и спасение свое должно основывать на Священном Писании, причем в понимании и толковании его должно непременно руководиться авторитетным источником — именно творениями святых отцов Церкви. „Обвиняемая сторона должна оправдывать себя Священным Писанием, и тяжесть обвинения также должна утверждаться на Писании, так что, если какое обвинение будет предложено кроме Писания, рассмотрению не подлежит, а требует только замечания, что оно несправедливо“, — таково одно из первых условий, которым отец Павел предварял свои беседы. Установление этого положения не касается спорных предметов, выслушивается обыкновенно спокойно и принимается всеми.

К обоснованию указанного положения — необходимости следования Священному Писанию — отец Павел в начале беседы направляет и силы свои и внимание слушателей. Он выясняет не только то, что должно верить Евангелию, но и то, что должно верить не части, а всему Евангелию, что должно верить в непреложную и вечную действительность евангельских словес, что должно не только верить, но и проводить их в свою жизнь, что поступающий иначе будет осужден и т. д. Это введение имеет нарочитую обстоятельность для той цели, чтобы, когда будет из Божественного Писания возвещаемая истина, никто бы уже не имел права не верить ей и оправдывать себя каким бы то ни было способом. <...>

Случалось это тогда, когда миссионерская беседа, ввиду своей чрезвычайной официальности, ввиду громадного стечения народа, ввиду враждебной настроенности старообрядцев и видимого старания отыскать повод к осмеянию приехавшего миссионера, требовала всей внимательности и осторожности. В таких случаях отец Павел упорно держался принятого плана и не позволял ни себе, ни собеседникам даже малейшего отступления. В таких случаях не полагалось отступления и от того первого условия, чтобы как обвинение, так и оправдание имели для себя основание только лишь в Священном Писании, истолкованном святыми отцами Церкви. Поэтому в такого рода беседах так часто слышится вопрос отца Павла на изветы старообрядцев: „А где то писано?“ И этот вопрос очень часто повергает его собеседников в совершенное безмолвие. Тщетно иной, наивный, вздумает сослаться на Соловецкую челобитную или на какой-нибудь источник такого же достоинства. Отец Павел вразумительно заметит ему: „Ты Христа слушать не хочешь, а я буду слушать Азария!“¹⁶⁸ <...>

Иногда такого рода собеседования продолжались дня по три, причем каждый день беседовали часов семь-восемь. Такие беседы, образуя довольно сильное общее настроение слушателей в пользу проповедника Православной Церкви, ослабляли в то же время его цельность. Нужно было участвовать в этой беседе и притом обладать известной силой синтеза, чтобы представить все величие такого рода беседы. <...>

Глубина анализа мыслей противника, находчивость и сообразительность, тонкость и ясность мысли отца Павла выступает в этого рода случаях с замечательной рельефностью. Обыкновенно с указанного рода возражениями отец Павел справлялся таким образом. Не спеша,

не горячася, он дает противнику полную свободу высказать свои соображения по тому или другому предмету; на минуту соглашается с ним, но непосредственно же за этим выдвигает целый ряд очевидных доказанных и для самого старообрядца несомненных истин, которым противоречит допущенное раньше положение, и таким образом несостоятельность противника обнаруживается сама собой. Впрочем, отец Павел не довольствуется такого рода доказательствами от противного и почти всегда заключает речь доказательствами положительного характера и отнимает у раскольника всякую возможность защиты своего положения. Иногда отец Павел пускает прямое опровержение непосредственно за возражением. <...>

Сила полемики отца Павла заключается не в ее, так сказать, внешнем эффекте. Неотразимое влияние ее заключалось в той особенности, что отец Павел всегда и везде старается не победить, а убедить. Великое дело победа, это само собой понятно, *condition sine qua non** дальнейших успехов. Но и все-таки это, собственно говоря, только первая, более легкая половина дела. Редко побежденные признают свою неправоту. Гораздо чаще случается видеть у них затаенную злобу, жажду мести — вина поражения приписывается обыкновенно посторонним обстоятельствам. Таким образом, победа не примиряет, но ожесточает противника. Чтобы победу делать ступенью для убеждения противника, необходимы особые условия. Необходимо, чтобы обличение не заключало в себе ничего оскорбительного, ничего возмущающего самолюбие противника; необходимо, чтобы обличение было собственно разъяснением недоумения... В особенности здесь напускные чувства и лицемерие не должны иметь места и указанные выше приемы

---

* Непременное условие (*лат.*).

собеседования не должны быть выражением особой тактики, требуемой обстоятельствами и успехом дела. Приемы эти должны выходить из глубины искреннего убеждения в том, что раскол действительно есть только недоумение, недоумение великое и прискорбное, что здесь нет места грозным обличениям, здесь должно быть только разъяснение и увещание. Отсюда любовь и сострадание к заблудшим должны быть первыми и исключительными побудительными мотивами к полемике с расколом, кротость и снисходительность должны составлять основной фон в самом обличении или разъяснении заблуждения, увещания и мольбы должны присоединяться к показанию истины Православной Церкви и наконец радость о приобретении брата должна служить венцом за труд. <...>

Отношение к старообрядцам в духе кротости и любви христианской он считает первым и самым главным условием воздействия на них. „Прежде всего, побеждайте раскол кротостью и любовью“, — говорит он воспитанникам одной семинарии, собравшимся послушать драгоценные советы великого миссионера. „Резкая речь, — продолжал он, — или насмешливая бывает обидна — речь мирная, кроткая способна и враждующего против нас смягчить. Пусть раскольник не слушает тебя, сердится, бранится: не следуй его примеру, помни, что ты победишь, ибо не разрушаешь, а созидашь, по Апостолу: любы созидает“. <...> Сам отец Павел проникался этим духом вследствие глубокого сознания, что он имеет дело „с немощными духовно и заблуждающимися братьями, вне общения со Святой Церковью мнящими спастись“. „Бедные люди! — восклицал он, — страдают за свое недоумение и думают, что страдают за веру“.

Итак, братская любовь к заблуждающимся воздвигла отца Павла на полемику со старообрядством, и эта любовь

придавала господствующий тон и характер всей его полемике. „Вы слышали, — говорил отец Павел, обращаясь к старообрядцам во время одного из своих миссионерских собеседований, — сколько я проехал ваших деревень и нигде никакому наставнику не только не сделал какого-нибудь зла, но и словом никого не огорчил“. <...> Последнее обстоятельство наиболее возбуждает к себе удивление. Нужно только представить, до какой степени иногда доходила дерзость и наглость старообрядцев, чтобы удивиться тому терпению, в которое, как в какую-то непроницаемую броню, обыкновенно облакался отец Павел. Неистовый шум с целью заглушить поражающее слово миссионера, пересыпавшийся бранью, а иногда дерзкими выходками являвшихся сюда нарочито подвыпивших людей, составляли совсем не редкое явление. И что же? Отец Павел как будто не замечал всего этого. Целью его было или окончить начатую беседу, или же вообще улучшить удобный момент и сказать в обличение и увещание раскольников хотя несколько слов. На одной беседе отцу Павлу совсем не давали говорить, нарочно перебивали его, поднимали шум и крик, так что, несмотря на все попытки водворить порядок, успеха не было. Отец Павел, однако, не смутился таким обстоятельством, не собрал книги, не ушел назад. Он замолчал и как только шум смолк, попросил позволения сказать два слова. „Ваше общество не есть Церковь и вы не получите спасения! С этим я и ухожу!“ — сказал отец Павел. Народ заволновался, потребовал у него доказательств, и таким образом началась беседа.

Как основание своих неистовых нападков на Православную Церковь старообрядцы представили как-то выписку из творений не существовавшего отца. Отцу Павлу оставалось только посрамить старообрядцев. Однако, исполненный духа кротости, терпения и любви, он, имея

целью не препрети и победити, но убедить и спасти, сказал: „Вот, братие, книга, на которую вы сослались по выписке; никто не видал и даже никто не слышал, чтобы она где-нибудь существовала, значит, и утвердиться на ней невозможно“. Но чтобы не оставалось у противников уже никакого сомнения относительно совершенной негодности приведенной выписки, он спокойно продолжал: „Я предлагаю проверить ее через сличение с Божественным Писанием: если она окажется согласна с Писанием, мы ее примем — а если не согласна, отвергнем“. Таким образом, без шума, не делая старообрядцам даже и намека на их невежество и дерзость, отец Павел преспокойно ставит их лицом к лицу с самой истиной и таким образом предлагает самое удобное средство для беспристрастного сознания и убеждения.

Поставленная в затруднение и обезоруженная ясными и неопровержимыми ответами, фанатическая толпа старообрядцев старалась по крайней мере вывести из терпения отца Павла, рассердить колкими, обидными лично для него замечаниями, но все было напрасно: все замечания отец Павел сносил с непоколебимым спокойствием.

Часто встречая на все свои очевиднейшие доказательства одно только тупое упрямство и неверие, отец Павел не раздражался, не повышал тона. Глубокая скорбь его находила свой исход в молитвенном вздохе: „Господи, просвети их!“ — шептали уста его. „Братие, — обращался он к сынам Православной Церкви, — помолимся Господу Богу о сих заблуждающих, дабы Он даровал им вполне уверовать Евангелию“»¹⁶⁹.

Однажды «диспут был назначен в станичной школе. С большим страхом посматривали староверы на книги, которые в большом количестве раскладывал на столе иеродиакон в ожидании прихода отца Павла. Окинув

взглядом общество, отец Павел выразил удивление и сожаление, что не видит никого из духовных старообрядцев. Игумен Павел начал с заявления, что миссия его самая миролюбивая, стеснять никого он не желает и не имеет права. В спорах просил не горячиться и говорить по одному. Мертвая тишина воцарилась, когда отец Павел начал свою речь, замечательную по глубине содержания, простоте изложения и образности представлений. Язык донельзя простой, примеры прямо выхвачены из жизни. Затаив дыхание, стояла немая толпа перед проповедником: в первый раз пришлось ей слышать такое живое, сильное слово. В недоумении стояли слушатели, покачивая головами, пожимая плечами. Когда вступили в состязание уставщики, отец Павел вескими доводами, как железной палицей, поражал противников. Вопросы ставил он прямо, просто, ответы давал краткие, сильные»¹⁷⁰.

Некоторые из раскольников, вполне осознавая миссионерское значение присоединения отца Павла к Церкви и успех его проповедей среди раскольников, пытались оклеветать его, распространяя о нем нелепые сведения, что присоединение было не искренним и что он присоединился будто бы потому, что, застигнутый на нелегальной переправке из Пруссии напечатанных им книг, был принужден к этому переходу российским правительством. Эта клевета публиковалась и в журналах, и отец Павел счел нужным ответить на нее. Ответ был написан не для печати, но редакция «Братского слова» решила предать его гласности: «Нам нечего было бояться за книги, которые мы печатали в Пруссии, и не было нам нужды прибегать к контрабанде, — писал отец Павел. — Книжка „Царский путь“ была потом напечатана во Пскове даже с разрешения цензуры. Книжка эта учит веровать всему Евангелию, а не части его, и ее полезно читать всякому, желающему обрести

спасение: если кто будет следовать правилу, что должно верить Евангелию во всей его полноте, тот скоро познает святую Церковь. <...>

Если бы Онисим Васильевич* рассмотрел беспристрастно все наши прусские издания, он увидел бы ясно, как мы постепенно приближались ко святой Церкви. Ну, если бы я и „попался“, как он говорит, и если бы присоединился к Церкви не по убеждению, а братия-то моя, монахи, человек двадцать, которые за мною приехали из Пруссии и присоединились к Церкви, также и иные, потом последовавшие за нами, — они-то почему присоединялись к Церкви? Разве тоже попались на контрабанде? Это показывает, что они были приготовлены к присоединению. Если бы я по нужде присоединился, они только бы оплакали мою участь, а за мной бы не последовали. Еще: русские поселенцы в Пруссии, которые после нас артелями, одна за другой начали присоединяться к Церкви, — они почему присоединялись? Также и в Литве: почему вслед за нашим присоединением начали основываться целые приходы из присоединившихся к Церкви беспоповцев? Если бы мое присоединение было вынужденное, они, живя близ границы, знали бы это, и такое мое присоединение не могло бы на них подействовать. Все это показывает, что прусский монастырь ранее был занят рассмотрением о святой Церкви и действовал согласно своим убеждениям, оставляя раскол; другой побудительной причины у нас не было»¹⁷¹.

Отец Павел глубоко скорбел о губящих свои души раскольниках. Однажды во время Великого поста у него в келье собралось много людей, были и студенты Московской духовной академии. После литургии все пили чай

---

* Онисим Васильевич Швецов, автор клеветнической статьи.

в столовой, а отцу Павлу подали его обычную великопостную трапезу — миску горохового киселя, которую он залил кипятком и поставил на самовар. В это время один из студентов академии рассказывал, как раскольники похвалялись, что в первое воскресенье Великого поста к ним присоединилось семьдесят человек православных. Сильно заскорбел отец Павел, услышав эту новость. В этот момент кто-то из сидевших за столом нечаянно толкнул стол, и миска с киселем упала на стол перед лицом отца Павла и разбилась. Отец Павел продолжал говорить, как будто ничего не случилось. Сообщивший ему печальную новость заметил: «Как это Господь сохранил Вас? Ведь Вам лицо разбило бы». Отец Павел на это с горечью заметил: «Вот чудак-то, сам говоришь, что семьдесят душ погибает, а тут обо мне, что меня разбило бы; нет, ты подумай...» — продолжал сокрушаться он о раскольниках, которые не только сами не вразумляются, но и других губят¹⁷².

«Все время, свободное от миссионерских занятий и прямых обязанностей своих как настоятеля монастыря, отец Павел посвящал устроенной при его келье школе и писанию сочинений против раскола. При келейной школе отца Павла всегда находилось человек 10–20 мальчиков — дети священников, причетников единоверческих церквей и несостоятельных родителей, обратившихся из раскола в православие. Вначале здесь обучались только грамоте. Но потом отец Павел расширил круг занятий: он ввел преподавание арифметики и грамматики, справедливо полагая, что, познакомившись с грамматическими правилами, дети сами поймут законность тех исправлений в старопечатных книгах, из-за которых первоначально возник раскол и на которые указывают раскольники, как на одну из причин своего отделения от Церкви. Из этой школы отца Павла вышло немало миссионеров,

священников и псаломщиков единоверческих церквей. Для этих питомцев отец Павел был истинным отцом. Оказавши теплый приют, он делился с ними всем своим духовным и материальным достоянием. „Вы всем делитесь с нами, — говорили ему эти питомцы, — и своими глубокими богословскими сведениями, и своими приобретенными старческой опытностью познаниями в духовной жизни, и, наконец, своими скудными материальными средствами“.

Остававшееся от занятий свободное время отец Павел употреблял на писание сочинений. Этого занятия он не оставлял даже во время болезней, постигавших его довольно часто. Лица, посещавшие его келью, рассказывают, что перед диваном, на который он ложился обессиленный болезнью, стоял стол, на котором лежала бумага и находился чернильный прибор. И как только отдых восстанавливал силы настолько, что можно было сидеть и писать, отец Павел тотчас брал перо и набрасывал на бумагу свои мысли. В последний год своей жизни, когда продолжительная болезнь на долгое время лишила его возможности самому взяться за перо, он часто призывал келейника и ему диктовал свои мысли. В борьбе с расколом всеми возможными средствами отец Павел полагал призвание своей жизни и потому считал священным долгом трудиться, и действительно трудился на этом поприще во все время жизни своей в Православной Церкви.

В своем образе жизни вообще отец Павел и по присоединении к Православной Церкви, так же как и до этого присоединения, представлял собой пример строгого аскета. Его кельей была простая комната, лишенная, за исключением нескольких портретов иерархов Русской Церкви, всяких украшений, не говоря уже о комфорте и каких бы то ни было удобствах. <...> Деревянные выкрашенные

скамьи, несколько простых дощатых стульев, дощатый диван и стол — вот вся обстановка этой кельи. <...> Духом строгого аскетизма была проникнута вся жизнь отца Павла. Его воздержание не знало никаких послаблений, никаких извиняющих и уважительных причин. Так он отклонил намерение любивших, уважавших и многим обязанных ему людей устроить праздничную трапезу по случаю исполнившегося 25-летнего служения отца Павла на пользу Церкви Православной после чрезвычайно торжественно отслуженной литургии, после торжественных речей. <...> Чествуемый юбиляр пригласил высокопоставленных и дорогих ему гостей в свою келью и здесь угощением их служил только лишь чай с белым хлебом. Обессиленный предсмертной болезнью, отец Павел должен был по совету докторов употреблять в Великий пост скоромную пищу, хотя бы только в виде молока. Но отец Павел слишком благоговел перед монастырским уставом и ревниво оберегал свою веру в святость церковных преданий, <...> он совершенно отказался от выполнения докторских предписаний и говорил впоследствии, что при таком воздержании он чувствовал себя очень хорошо. <...>

Частные денежные вознаграждения Святейшего Синода за миссионерские труды и ежегодное жалованье в количестве 500 рублей, выдаваемых ему как миссионеру, он тратил на обучавшихся в его школе сирот-мальчиков, на милостыню и т. п.

Слава отца Павла как непобедимого противораскольничьего полемиста и автора многих весьма замечательных противораскольнических сочинений гремела по всей России. Однако отец Павел по врожденному и тщательно воспитанному чувству скромности, перешедшему в нем в истинно христианское смирение, не хотел верить в свое действительное достоинство»¹⁷³.

Никольский единоверческий мужской монастырь

К отцу Павлу приезжали люди и не получившие образования, и окончившие семинарию и академию. Один из семинаристов, Михаил Веселовский, впоследствии ставший священником, после окончания курса в Костромской духовной семинарии попросил разрешения у отца Павла приехать, чтобы некоторое время пожить у него в монастыре. Получив на это его разрешение и благословение на то своих родителей, он 14 августа 1889 года приехал в Никольский монастырь. Войдя в келью отца Павла, семинарист увидел, что на дешевом диване сидит старец в грубой холщовой рубашке, опоясанный дешевым ситцевым платком, в темно-серых ветхих суконных шароварах и валяных подшитых сапогах. На голове его была рваная скуфья, а в руках простая деревянная палка. Постный и изможденный вид старца, но главным образом бедная одежда, в которой казалось неприличным быть одетым в Москве, поразили юношу. И он спросил:

— Не могу ли я видеть отца архимандрита Павла, так как по его письму я приехал из Костромы пожить во вверенном ему монастыре и поучиться у него.

— Да ведь Павел-то неученый человек, — ответил тот.

— Я это знаю и все же имею неодолимое желание пожить у него, — доложите ему, пожалуйста.

— Да вот, видишь ли, Павел-то я самый и есть.

Пришедший тотчас подошел к нему и стал просить принять его в обитель.

— Ну что же, с Богом, поживи, — сказал отец Павел.

— Где? — спросил тот.

— Да вместе со мной и живи, — ответил архимандрит.

Отец Михаил вспоминал впоследствии о своей жизни у архимандрита Павла: «Будничный день у отца архимандрита мы проводили следующим образом. Утром отец архимандрит часто сам будил нас и препровождал в храм за богослужение. После утреннего богослужения мы пили чай. Сам отец Павел пил кофе, и то после поздней литургии и не более двух чашек. После поздней литургии мы снова часто пили чай с вареньем и медом (баловал нас покойный). В это время приходили посетители и вели с ним беседы. Говорил отец Павел с ними просто, не витиевато, весьма авторитетно и убедительно. А сколько людей во время моего жития у него перебывало! Посещали его скромную келью лица знатные и простые, ученые и неученые, богатые и бедные, православные и сектанты, верующие и неверующие, и со всеми отец Павел обращался безразлично ласково, всем оказывал посильную помощь словом и делом; иным давал советы, других кротко обличал, наставлял, увещевал во всем, что касалось веры и жития, а многим помогал материально из своих скудных средств.

И среди слушателей сидел старец в таком же одеянии, в каком я увидел его при первом свидании, только

сверху надет был ветхий подрясник, и никто из посетителей этому не удивлялся. Беседы очень часто продолжались до вечера, причем одни из слушателей уходили, а вместо них являлись другие. При мне бывали посетители из самых отдаленных местностей России: Финляндии, Кавказа, Сибири, Польши.

Когда же отец Павел писал свои сочинения? — Во время утрени, между утреней и литургией и во время самой литургии, когда нас в келье никого не было. <...> При нас отцу Павлу писать было невозможно: чрезвычайно часто привыкли мы надоедать ему своими вопросами, и он на самые ничтожные давал разъяснения. Кроме этого, редкий и из монастырской братии после литургии не заходил к нему за советами, а равно и с материальными нуждами. Пищу брал отец Павел из братской трапезы, но весьма мало, и братия постоянно дивилась, чем он только жив.

После вечерни вся почти братия сходилась в чайную (в келье эконома). Здесь все почти по очереди испытывались в знании и усвоении дневной службы. Рассеянно стоявшим за богослужением даже в присутствии лиц сторонних нередко приходилось слышать такие слова отца архимандрита: „Эх, брат, телом-то ты был в храме, а ум-то твой по Москве шатался“. Этих слов, как огня, все боялись и заблаговременно просматривали стихиры и каноны дня.

После чаепития каждый спрашивал отца Павла: чем бы ему заняться вечером? И каждому давался совет соответственно его силам и способностям. Старшие более читали творения святых отцов — кто на русском, кто на славянском языке. Младшие учили Священную историю, грамматику, арифметику, катехизис, обиходное пение.

Около шести с половиной вечера все уже были на своих местах. Я же обыкновенно шел за отцом Павлом в его спальню. Он ложился в постель, а я садился около

на табурет и читал газеты, журналы, вновь изданные книги, брошюры, а иногда и письма, особенно ругательные от раскольников. Читал часов до одиннадцати ночи. <...>

Припоминаю еще один такой случай <...>. Однажды за вечерним чаепитием шел разговор о греках, — были и посторонние лица. Я восставал против греков и с отцом Павлом заспорил крупно. Он мне возражал и наконец велел замолчать. Я рассердился, ушел из комнаты, оделся и пошел гулять за монастырские ворота. Походил по улицам и несколько успокоился. Прихожу в келью, беру книгу — ничего не понимаю; чувствую, что виноват, а гордость мешает сделать два шага к спальне, где лежал отец Павел, и сказать: „виноват, отче, прости“. Так и лег спать. Заснуть никак не могу — на сердце словно камень лежит. Только слышу — и отец Павел не спит. Часов в двенадцать, когда уже все спали, вдруг из спальни выходит отец Павел, садится против меня на диване и спрашивает: „Михаил, спишь?“ — „Нет, отче, не сплю, — а сам думаю: сейчас бранить будет“. „Я виноват, что с тобой грубо обошелся; хочешь, в ноги тебе поклонюсь и попрошу прощения?“ Как я вскочу с дивана и бух ему в ноги: „Прости меня, отче, — я виноват пред вами — вперед спорить не буду“. — „Бог простит тебя; положи три земных поклона и тайно попроси Господа, чтобы вперед Он подкрепил тебя“. Я тут же это исполнил и больше между нами недоразумений не бывало. <...>

Праздничные дни, кроме богослужения, в котором иногда участвовал и отец Павел, причем я был у него жезлоносцем, мало отличались чем от будничных дней. Только после вечерни все участвовали в беседах с раскольниками за монастырской оградой. Беседами руководил библиотекарь Михаил Ефимович Шустов¹⁷⁴.

В Москву, кроме как по поручению отца Павла, я не отлучался и, когда на Светлой неделе стал проситься

в Успенский собор, получил от отца Павла ответ: „Молись больше дома, святые-то сами к тебе придут“¹⁷⁵.

«Трудясь сам непосильно, недосыпая и недоедая, постоянно озабоченный мыслию, что мало еще сделал добра, он требовал и от других труда усидчивого, требовал, чтобы каждый послушник мог выйти за ворота на беседу с Евангелием в руках и возвратиться непосрамленным и без краски на лице отдать в своей беседе отцу Павлу отчет, — вспоминал священник Михаил Веселовский. — Особенно заставлял отец Павел читать новозаветное писание, затем толкования святого Иоанна Златоуста, святого Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Дамаскина, Деяния Святых Вселенских Соборов, толковую Псалтирь Зигабена, „Записки на книгу Бытия“ Филарета митрополита Московского¹⁷⁶, Макария „Введение“ и „Догматическое богословие“¹⁷⁷, историю церковную. Отец Павел требовал, чтобы все это было прочитано не раз, а два, три раза, до тех пор, пока не усвоится»¹⁷⁸.

В Москве отец Павел часто посещал епископа Можайского Алексия (Лаврова-Платонова)¹⁷⁹, к которому относился с большим уважением за его верность православию и смирение. 3 июня 1880 года он встретился здесь с просветителем японцев, недавно хиротонисанным во епископа, Николаем (Касаткиным)¹⁸⁰, который остановился у епископа Алексия на подворье Саввино-Сторожевского монастыря. Он приехал в Москву, чтобы собрать пожертвования на деятельность Японской миссии; дело это, хотя и продвигалось, но не так успешно, как ему бы хотелось. Они заговорили о материальных потребностях миссии. Епископ Николай заметил, что Москва не очень откликается на его призыв к пожертвованиям, напечатанный им в газетах. «Хочу, — сказал епископ, — уезжать, видно, ошибся я в своих расчетах на щедрость и отзывчивость столичных

благодетелей». Отец Павел заступился за древнюю столицу и стал говорить епископу Николаю, что москвичи, безусловно, прочитали его воззвание, но хотят лично убедиться, в какие руки попадут их пожертвования. Следует еще немного подождать, и найдется немало жертвователей. Отец Павел не ошибся: едва ли не на следующий день поступили большие пожертвования, и через короткое время епископ Николай собрал уже значительную сумму. Он также посоветовал епископу не смотреть, сколько у него на данный момент средств, а сразу начинать строить большой собор. «Там ведь Господь благословил уже Церковь и чудесами милости Своей», — сказал отец Павел. Епископ Николай вполне воспользовался этим советом миссионера-подвижника и великого просветителя раскольников.

В отношении судеб Отечества отец Павел, наблюдая за происходящим в России, с определенностью говорил, что не за горами наступление эпохи массового отпадения людей от веры.

Духовный мир был открыт для отца Павла так же, если не более ясно, чем мир видимый, материальный. Он относился к этому дару со свойственным древним отцам смирением, ставя на первом месте спасение своей души, а не земную славу. «Был я, возвращаясь из поездки в Палестину, на Кавказе, — рассказывал отец Павел одному из собирателей редких уже в то время крупниц из сокровищницы духовной, — захотелось побывать на том месте, где, по преданию, замучен апостол из двенадцати — Симон Кананит. Там тепло и, думается мне, в тех местах, еще пустынных, на горах высоких, вдали от поселений, можно бы жить и по-древнему, если бы нашлись такие ревнителы. <...>

Там и монастырь основали выходцы со Старого Афона, и называется он по этой причине тоже Афоном, только Новым. <...>

Когда я был там, отцы хлопотали беспрестанно: ждали государя Александра III, который имел намерение проездом быть у них на закладке большого храма-собора, вдали от главной святыни местной — древней церкви во имя святого апостола Симона, сооруженной в первые еще века христианства и восстановленной из развалин уже монахами.

И скажу я тебе, дружок, что, не доезжая до монастыря последней, кажется, станции, заснул я, или, вернее, слегка задремал под шум пенящихся волн морских. И вижу себя уже на суше, в небольшой церкви стоящим. У царских врат, по правую сторону, стоит в омофоре как бы епископ и рукою дает знак приблизиться к нему.

„Вот здесь святыня этого места, — сказал он мне, когда я подошел к солее, — но монахи лезут на гору, там хотят строиться, — им деньги нужны“.

Тотчас же открыл я глаза, и мне указали видневшуюся гору, у подножия которой обрисовывались ясно строения и церковь.

Лишь только по прибытии на место свезли нас с парохода на берег, я, повидавшись с отцами, немедленно же стал просить их показать мне церковь во имя святого апостола Симона. Желание мое исполнили, хотя от гостиницы до церкви той немалое, сколько помнится мне, расстояние.

Войдя в церковь, я тотчас же устремился к местной иконе апостола, в котором и признал явившегося мне на пароходе епископа в омофоре.

Рассказывая тебе об этом, я не имею в виду ничего другого, кроме простого пересказа того, что было со мною.

Не приписываю я и явления мне апостола в видении достоинству своему: тебе уже должно быть хорошо известно, чем руководствуюсь я в своей жизни, замаливая грехи свои, против Церкви святой еще в расколе содеянные. Но и не хочу с недоверием отнестись к тому, что было со мною. <...>

Говорил я отцам монастыря о неблаговидности пре-небрежения, с которым, по мнению моему, отнеслись они к местной святыне, не ее избрав центром устраиваемой ими обители, как бы посчитав лишним иметь эту святыню непоколебимым залогом непрестанной в будущем ревности, с которой названный по имени Зилота монастырь мог бы вещать народам Кавказа глаголы живота вечного, а устремили свои взоры в другую сторону, намереваясь создать строения великие и распространиться не только в высоту, но и вширь по берегу морскому.

Мне больно было, что такая древняя святыня (памятник, быть может, непосредственных трудов апостольских) стоит как никому особенно не нужная, заброшенная, совсем в стороне, почти скрытая от взоров имеющих устремиться сюда в недалеком будущем в великом множестве паломников»¹⁸¹.

Желая особенно подчеркнуть невозможность делать выводы о себе на основе благодатных явлений, отец Павел сказал собеседнику: «Видишь ли, как бы тебе пояснить возможность такого явления, каким в сонном видении почтил меня, недостойного, этот апостол? Пост, молитвенное настроение особенно облегчают и самое тело, а про ум нечего и говорить. Вот и скажу тебе: в жизни моей такие были случаи, что если бы придать им значение, особенно в свое время да еще при свидетелях, то, чего доброго, можно бы и прозорливым прославиться.

Иду как-то раз, а мне навстречу совсем незнакомый человек попадает, которого я раньше никогда не видал. И явилась у меня при взгляде на незнакомца этого мысль, что очень скоро умрет он. И действительно, через несколько всего дней пришлось нам и отпевать его! Сопровождавшие меня в пути братья, да и я сам немедленно же узнали его. Скажи бы я тогда вслух ту роковую для незнакомца

мысль свою, и вот слава пророка уже сопутствовала бы мне. Только я боюсь полагаться на такие пророчества. <...>

Все это я говорю тебе не в чье-либо осуждение <...>, а чтобы показать тебе, ссылаясь на случай со мной, что и обыкновенным людям, как я многогрешный, являет Господь свои откровения»¹⁸², — закончил свой рассказ отец Павел.

Для отца Павла на первом месте стояли вопросы духовной жизни, и он, не смущаясь, вопрошал о них, когда видел настроенного на духовную жизнь человека. Наблюдая, как люди спрашивали иеромонаха Варнаву Гефсиманского и как тот отвечал, как бы пророчествуя, отец Павел спросил его об образе его пророчеств. Тот ответил, что, помолясь, высказывает вслух первую приходящую ему на ум мысль. Отец Павел заметил тогда отцу Варнаве: как бы из тысячи его пророчеств не оказалось хотя бы одного неосуществившегося, и тогда это набросит на все его пророчества тень случайного совпадения событий с высказанными им «первыми» каждый раз мыслями. (Он полагал, что пророк обычно вещает грядущее, предзря как на ладони то, о чем пророчествует.)

Живший у архимандрита Павла послушник Николай, сын протоиерея Черниговской губернии Иоанна Добровольского, поступил в монастырь в 1892 году и помогал ему в ведении канцелярских дел; сам стремясь к аскетической жизни, он очень хотел узнать, что в отношении современного монашества думает отец Павел. Но все не знал, как начать беседу, когда тот сам, точно прочитав его мысли, заговорил об этом.

«— Скажи, пожалуйста, Николай Иванович, дружок ты мой, — сказал он, — почему нет теперь таких подвижников, какие были во времена преподобного Сергия Радонежского?

— Думается мне, отец архимандрит, потому, что и игуменов таких теперь не имеется.

Отец Павел, дописав текст, над которым в это время работал, согласился с высказанной мыслью, и затем продолжил:

— Видишь сам, как теперь в такой густоте народной вести жизнь отшельническую! В Архангельской и других северных губерниях, правда, есть места совсем пустынные, но как там существовать? Да и дорого обойдется содержание монаха: нужны шубы, валенки, почти всю провизию доставлять надо из других отдаленных местностей.

— Потом, отец архимандрит, в древние времена монахи все подальше от людей уходили, опасаясь соприкосновений с миром, а теперь, напротив, монастыри все ближе и ближе к населенным пунктам пристраиваются.

— Правду ты говоришь. Вот и сам видишь, что не могут теперешние монахи подражать древним в высоте подвига и в трезвении ума по причинам, даже не от них самих зависящим. Я сам с юных лет веду монашескую жизнь и не могу быть против монашества. И обращающихся ко мне за советом по поводу намерения оставить мир и уклониться в монастырь не отклоняю от искреннего намерения, указывая желательный для многих путь спасения, а для некоторых, находящихся под исключительным господством лютых страстей, и единственно возможный, так как в противном случае, находясь под постоянным воздействием отрицательных сил, эти слабовольные представители так называемого „вырождения“, вернее же, просто закоренелые слуги страстей, обречены на конечную погибель.

Даже так называемые послушания, по моему наблюдению, не для всех теперь обязательно необходимы, кроме новоначальных: есть настолько нервные субъекты, с такой расслабленной системой, что лучше не взваливать на них

непосильную ношу, предоставив им самим довольствоваться исполнением церковного устава, и только в пределах последнего предъявлять к таким немощным собратьям дисциплинарные требования, возлагая на более крепких и духом и телом несение непосильных для них тягостей, чтобы, таким образом, взаимным разделением обязанностей Марии и Марфы между теми и другими исполнить закон Христов.

Ходит монах, когда здоровье позволяет, к каждой службе церковной, живет тихо и мирно, и — слава Богу! А молитвой умной заниматься, с употреблением каких-нибудь особых приемов, никому не советую, — на старом Афоне, слышал я, много портится людей, самочинно начинающих братья за такой подвиг, в котором требуется для выполнения его известный благодатный советник. А где можно найти такого? Молись, если, кроме служб церковных, у тебя окажется досуг, и молитвою Иисусовой, но просто, обычно. Штатных монастырей я не одобряю, никаких денег, монаху лично принадлежащих, не допускаю, потому что имение денег — удаление от пути монашеского. Но настоятель обители или, еще лучше, братский совет должны входить в рассмотрение нужд каждого брата, соответственно с состоянием здоровья, требующих иногда неотложного удовлетворения. В этих случаях должно быть сердечное отношение друг к другу, тут неуместны ни ропот, ни осуждение. А средства на содержание, по вере братии и за молитвы игумена, не оскудеют, подтверждением чего служит история всех почти общежительных монастырей. Только пусть царят в обителях вера чистосердечная да любовь нелицемерная! Затем, думается мне, что, кроме исключительных случаев, и то по начальственным лишь распоряжениям, не должен монах оставлять тот монастырь, в котором он принял пострижение. Закон, ограничивающий

подобное шатание по обителям, кажется, был бы желателен для упорядочения монастырской жизни*. А что неотложно необходимо, так [это] самоскорейшее воспрещение болтаться по городам и селам монахам и монахиням, посылаемым для сбора с особой, из консистории выдаваемой книгой. Нет крайней необходимости жертвовать спасением сборщиков и сборщиц, когда большей частью и посылают-то их начальники да начальницы с затаенной мыслью или колокол большущий купить, или лишний храм устроить, чтобы за такое усердие получить награду, купленную почти всегда погибелью и развращением душ человеческих. Я не могу и говорить об этом хладнокровно, до того возмущают меня эти бесчиния! Существование монастырей, несомненно, будет обеспечено, пока народ имеет любовь к церковной службе по более строгому чину. Поэтому-то монахи и должны удовлетворять эту святую народную склонность благоговейную истовым исполнением

---

* Последнее условие для современных монастырей навряд ли исполнимо. И прежде всего потому, что в настоящее время в России не существует даже и таких монастырей, какие были в XIX столетии, а и те были далеки от идеала. Анализируя явления современной церковной жизни, не следует забывать, что все монастыри в России были в 20-х годах XX столетия уничтожены. В тех немногих монастырях, которые были открыты в 40-х годах, руководство находилось под жесточайшим контролем враждебных Церкви властей. Практически ни один монастырь в России в XX веке не сохранил непрерывающейся традиции монашеской жизни, ни один из монастырей не возглавлялся при его возобновлении человеком, опытным в духовной жизни. По существу, монастыри в России сейчас — это в лучшем случае христианские общины, несущие некоторую долю социальной нагрузки, что может и не иметь отношения к духовной жизни. Но после семидесяти лет антихристианского погрома ничего иного и не могло бы быть. После крушения коммунизма антихристианство по-прежнему продолжает цепко держать свою жертву, выклеывая из человеческих сердец семена слова Божия.

служб церковных, не позволяя себе оскорблять религиозно-молитвенные чувства богомольцев какими-либо непристойностями в церкви — хождениями с места на место, разговорами, сопровождаемыми смехом»¹⁸³.

Сам отец Павел весьма строго относился к неблагоговейному совершению богослужения. Как-то во время чтения благодарственной молитвы по случаю воспоминания об избавлении России от нашествия иноплеменников один из монастырских диаконов вступил в беседу с братом, сопровождая ее довольно веселой мимикой. Отец Павел, уже было начавший чтение коленопреклоненной молитвы, остановился, сделал выговор диакону, попросив его удалиться в ризницу и снять облачение. Богомольцы заметили эту остановку в службе, но были довольны тем, что отец архимандрит не оставил без наказания неприличную выходку диакона.

Многие спрашивали отца Павла о судьбе единоверческих монастырей. Он высказывался на этот счет совершенно определенно: как не имеющие достаточного числа братии, они обречены на прозябание. Общее его отношение к единоверческим монастырям было также совершенно определено. Это видно из его четкой позиции относительно новоустрояемого в Пермской епархии Белогорского монастыря во имя святителя Николая чудотворца; монастырь планировался как миссионерский ради живших здесь во множестве раскольников. Настоятелем монастыря был назначен иеромонах Варлаам (Коноплев)*. Родившись в семье раскольников и будучи сам долгое время раскольником, он приходил к отцу Павлу в 1891 году за выяснением правды о Церкви.

---

* Преподобномученик Варлаам (в миру Василий Ефимович Коноплев; 1858–1918), архимандрит, настоятель Белогорского Свято-Николаевского православно-миссионерского мужского монастыря; память 12/25 августа.

«Пробыли мы в Москве три недели, по вечерам часто приходили к достоуважаемому отцу Павлу, — вспоминал отец Варлаам, — он же, трудолюбивый старец, забыв свою старость, на всяк вечер беседовавшие с нами много, и много мы от него пользы получили, за которую да воздаст ему Господь в вечном блаженстве. Еще же много ходили мы и толковали со своей братией, с Перетрухиным* и Михаилом Ивановичем Бриллиантовым, и от них много вреда получили к соединению с Церковью»¹⁸⁴. После обстоятельных бесед с архимандритом Павлом и ознакомления с письменными источниками, касающимися вопросов раскола, будущий настоятель Белогорской обители принял твердое решение присоединиться к Православной Церкви.

Архимандрит Павел был авторитетом в области, касающейся не только вопросов раскола, но и в том, как в тех или иных случаях поступить к общей пользе церковной, и епархиальное начальство нарочито тогда запросило его: каким должен быть Белогорский монастырь — православным или единоверческим. Отец Павел решительно и без всяких колебаний ответил, что монастырь нужно

Настоятель Белогорского монастыря иеромонах Варлаам (Коноплев)

---

* Имеется в виду раскольничий начетчик Климент Афиногенович Перетрухин, в начале 1890-х годов — секретарь раскольнического Духовного совета в Москве.

основать православным, но с тем условием, чтобы братия во всем соблюдала устав и не нарушала его на соблазн раскольников. Совет оказался правильным. Скоро, на удивление многих, в монастыре собралась многочисленная братия. Был избран строгий устав, соблюдение которого вызывало уважение к монастырю не только православных паломников, но и раскольников¹⁸⁵. Казалось, что в образе этого монастыря сама Русь воскресла в стремлении к благочестию.

*Начетчик
Климент Афиногенович
Перетрухин*

Вспоминая об этих событиях, много сделавший для устроения Белогорской обители пермский епархиальный миссионер, священник Стефан Луканин, писал, что 28 сентября 1893 года принесли на Белую Горю икону XVI века строгановского письма святителя и чудотворца Николая — дар «настоятеля Московского единоверческого монастыря отца архимандрита Павла. Дар этот для Белой Горы замечателен тем, что с ним соединено завещание, просьба и совет отца архимандрита Павла — ни под каким видом не открывать на Белой Горе единоверческого монастыря, как на первый раз рассуждали мы, для большего привлечения старообрядцев, но чтобы открыть православный монастырь и в нем, по примеру Гуслицкого монастыря в Московской епархии, во всей полноте и точности при всех богослужениях соблюдать православный устав. В бытность мою в Санкт-Петербурге по делу возникновения на Белой Горе миссионерского монастыря против учреждения его на правах единоверия нимало не возражали

в Святейшем Синоде, не отклоняли сего самые высшие сановники духовного ведомства, но при рассуждении о сем в Москве с отцом архимандритом Павлом, он все представил доказательства мне на то, что мы впоследствии „спутаемся с единоверческим монастырем“, и, несмотря на то что сам двадцать пять лет состоит настоятелем единоверческого монастыря, нам на Белой Горе учреждать таковой не благословил. И, в уверение будущих успехов православного монастыря на Белой Горе, вручил мне для передачи монастырю сей замечательный образ. <...> 28 сентября 1893 года были привезены на Белую Гору купленные мной, при содействии отца архимандрита Павла, в Москве у колокольного мастера Самгина шесть колоколов. Одновременно с ними, при участии же отца архимандрита Павла, куплены были в Москве плащаница, сосуд с полным прибором, крест серебряный восьмиконечный и Евангелие»¹⁸⁶.

Священник Стефан Луканин вел активную переписку с отцом Павлом, на многое испрашивая его совета. «Возлюбленный о Господе отец Стефан, — отвечал архимандрит Павел отцу Стефану на одно из его вопрошаний. — Письмо Ваше от 20 октября получил. Благодарю за уведомление. Срадуюсь с Вами за Белогорскую святую обитель, что она процветает. Вы хотите, чтобы в новой миссионерской обители была и продажа книг. Это неотменно требуется: без того будет недостаток, ибо нужно, чтобы святая обитель была не только образцом добродетельной жизни, но и распространительницей слова Божия, и не только чтобы одни против раскола полемические книги были распространяемы, но, во-первых, слово Божие — святое Евангелие и Апостольские послания, также жития святых. И это должно быть не с целью торгового прибытка, как то бывает в некоторых монастырях,

но с целью пользы душевной, чтобы приходящий на Белую гору на молитву мог приобрести по дешевой цене и слово Божие и пошел бы из обители вполне обогащенным. На это нужно иметь место, то есть небольшую лавочку, и достойного человека, чтобы знал, какую книжечку посоветовать купить. <...> Если с такой целью завести продажу книг, это дело хорошее и душевспасительное, а если для прибытка и на это употреблять хлопоты и время и человека, — об этом что́ сказать, не знаю»¹⁸⁷.

*Протоиерей
Стефан Луканин*

В 1893 году отмечалось 25-летие присоединения архимандрита Павла к Церкви. Многие из присутствующих сказали тогда полные глубокого смысла и правды слова о значении отца Павла для Русской Церкви. И хотя эти слова были справедливы и отражали действительные заслуги великого миссионера и старца, сам он никакую похвалу до своего сердца не допускал, ни на минуту не забывая, насколько губительна она для спасения души человека. Он, конечно, понимал, что живет в мире, в котором люди имеют привычку к похвале и лести, как к какой-то будто бы их души насыщающей пище, и даже стремятся к принятию похвалы друг от друга, забывая о похвале от Бога. Но он хорошо понимал, насколько может быть душевредна похвала, и в особенности для того, кто действительно что-то делает и, как человек разумный, не может этого

не понимать. Отвечая на похвальные речи о нем и его великом подвиге на миссионерском и просветительском поприще и значении его для всех, отец Павел сказал: «Чувствительно вас благодарю не столько за труд, сколько за то, что вы это делали от искренней любви и задушевно (а не так, как иногда бывает, — только по моде). Это радостный для меня воспоминания день, день милости Божией ко мне. Он мне каждый год был праздником, а тем более ныне, когда вижу, что Небесный Владыка мне столько потерпел. Когда я присоединился ко святой Церкви, по слабости моего здоровья не надеялся долго жить. Я просил Бога, чтобы Он продолжил мою жизнь в сыновстве Церкви хотя на один год, чтобы после раскола утешиться сыновством Церкви. День 25-летия для меня день радости не потому только, что он есть день воспоминания Божиих на меня милостей, но и потому, что за мое обращение из раскола и другие благодарили Бога. Но притом он был и днем искушения. Я боялся, что с прославлением Бога будут (как и было) приносить и мне похвалы. Отражал я их от сердца, отражал и словесно, но остаюсь не без опасности некоего услаждения ими. Испытай сердца весть нас паче, нежели мы сами себе. Потому лучше припадать к Нему с покаянием»¹⁸⁸.

Отвечая на похвалу и высокую оценку его литературных трудов, отец Павел сказал: «Я сознаю, что мои сочинения приносят некоторую пользу читателям из старообрядцев, убеждают их в правоте святой Церкви и обличают перед ними заблуждение раскола; но это еще не может быть поставлено в заслугу с моей стороны, особенно в похвалу мне. Что я делал на пользу заблуждающихся, во вразумление им, делал по обязанности, иначе был бы причтен к ленивым рабам. Притом эти мои труды разве могут вознаградить весь вред, учиненный мною до моего обращения ко святой Церкви? Сколько душ погубило мое

тогдашнее хулительное на святую Церковь учение! А за каждую из сих душ Христос умер. Как же могу я вознаградить ее погибель? Поэтому и не могу я почитать заслугою с моей стороны, тем паче ставить в похвалу себе то, что я старался делать по обращении моем на пользу святой Церкви. Благодарю Бога за Его ко мне благодеяние, бывшее еще прежде моего обращения, именно за то, что прения мои со старообрядцами разных сект много отвлекали меня от борьбы с Православной Церковью и что с удалением за границу я совсем уже оставил эту борьбу и не мог причинить вреда святой Церкви отторжением чад ее в раскол.

Иногда, рассуждая наедине, я сам удивляюсь, как это мог я сделаться писателем, не получив никакого образования. Вам известно: началá меня учить моя родительница, которая знала только начальные склады, продолжала учить тетушка, которая едва умела прочесть начальные кафизмы в Псалтири; потом немного поучили писать, и тем кончилось мое учение. С таким образованием я не умею хорошенько и письмецо написать, — так могу ли и простительно ли мне почитать себя писателем? Одно помышляю: если Бог действовал и ослом на пользу Израиля, и Валаамом-волхвом благословил Израиля и изрек пророчески о Христовом пришествии — то коль паче христианином, сыном Церкви Его святой, может действовать! Посему получающий пользу моими сочинениями да благодарит Бога, умудряющего немудрых. О себе же скажу только, что всеми силами блюдусь всегда не сказать бы что не согласное Священному Писанию, но, что в Писании обретаю, о том и пишу, и совесть не зазирает меня в том, чтобы я сказал и написал когда что-нибудь противное Писанию»¹⁸⁹.

Боясь более всего тщеславия, отец Павел даже своему ближайшему другу и сподвижнику профессору духовной академии Николаю Ивановичу Субботину не сообщал,

что ведет переписку со многими архиереями и известными людьми, спрашивающими у него совета. Только после смерти отца Павла, разбирая его архив, обнаружил Николай Иванович, что он вел переписку с тридцатью шестью архипастырями, более полусотни его корреспондентов были священнослужители, высокопоставленные чиновники Святейшего Синода, люди образованные, ученые, но в основном, конечно, люди простые, большей частью обратившиеся из раскола. Он переписывался с братией Оптиной пустыни, куда направлял некоторых благочестиво настроенных мирян, чтобы они на месте ознакомились с монастырскими порядками. В феврале 1886 года отец Павел послал в Оптину Иоанна Чернова¹⁹⁰, запасного писаря Московского окружного инженерного управления, из крестьян Владимирской губернии, которому было тогда двадцать восемь лет. Поселившись в монастыре, он писал архимандриту Павлу: «Ваше Высокопреподобие любвеобильнейший отец архимандрит Павел! <...> Долгом считаю принести искреннейшую благодарность за Ваше радушное гостеприимство, которым я воспользовался в течение почти месяца: да вознаградит Вас всеблагой Мздовоздатель милостью и щедротами и да продлит жизнь Вашу на многие лета! Уведомляю Вас о себе, что я Вашими ко Всемогущему Богу святыми молитвами прибыл в Оптину пустынь 13 минувшего февраля благополучно, письмо Ваше архимандриту Исаакию* мною вручено своевременно <...>».

Архимандрит же Исаакий, согласно Вашего письма, а также старец иеросхимонах Амвросий** <...> благословили

---

* Преподобный Исаакий (в миру Иван Иванович Антимонов; 1810–1894), схиархимандрит; память 22 августа / 4 сентября.

** Преподобный Амвросий (в миру Александр Михайлович Гренков; 1812–1891), иеросхимонах; память 10/23 октября.

мне погостить сначала в монастырской гостинице, собственно для того, чтобы всмотреться и ознакомиться мало-мальски с существующими порядками и монашеской жизнью, чему я и последовал, — пробыл в гостинице около трех недель, затем признал за лучшее с Божьей помощью вступить в скит святого великого Иоанна, Предтечи и Крестителя Господня, так как мне все понравилось — не знаю, что дальше будет, — и вот уже третья неделя пошла, как я переселился в скит и теперь начал исполнять возложенные на меня старцем Амвросием послушания. А потому всеусерднейше прошу благословения Вашего преподобия и святых молитв, дабы Господь Бог помог мне утвердиться навсегда в монашеской жизни.

Порядки здесь весьма хороши: служба исполняется без пропусков и положенные поучения читаются неопустительно; местность же замечательно прекрасна, а в особенности, на которой расположен скит; представьте себе: окружен со всех сторон бором вечно зеленеющих сосен, елей и прочих деревьев, жительства мирского вблизи нет, шум молвы мирской не долетает до слуха, только лишь слышны разнообразные голоса пернатых певцов славы Божией из окружающих лесов да вверху виден небесный свод; внутри скита множество разных фруктовых деревьев, и фруктов бывает изобильно, и кроме того, много кипарисных, певговых, кедровых, лиственничных и прочих деревьев. Теперь здесь очень хорошо, а летом должно быть бесподобно. Народу за богослужениями мало бывает мирского, а женский пол совсем не допускается. Рядом со скитом расположен пчельник и имеется до четырех сот штук ульев с пчелами. Одним словом, требовать лучше нельзя, — только Господь помог бы утвердиться.

Архимандрит Исаакий жизни весьма строгой, около восьмидесяти лет, но еще сам в праздничные дни служит,

иногда каноны и поучения читает, — Вас он знает, как он мне передавал, что лет около двадцати тому назад был у Вас»¹⁹¹.

Многие из тех, кто готовил себя к миссионерской деятельности среди раскольников и показывал в этом деле особенно выдающиеся успехи, направлялись на обучение к отцу Павлу и возвращались от него уже миссионерами, усвоившими христианские и миссионерские принципы этого выдающегося христианина-миссионера. Зная об исключительных способностях оканчивавшего Новгородскую духовную семинарию Василия Лебедева*, архиепископ Новгородский и Старорусский Феогност (Лебедев) лично проэкзаменовал его и нашел весьма серьезными и значительными познания его о расколе. После этого он направил его в Москву к архимандриту Павлу, чтобы тот подготовил его к прохождению миссионерского поприща. Беседы с отцом Павлом оказали большое влияние на решение Василия принять монашество. Вернувшись от отца Павла в Новгород, он был назначен на должность помощника епархиального миссионера, через год пострижен в монашество с именем Варсонофий, рукоположен в сан иеромонаха и назначен миссионером трех уездов Новгородской епархии.

В Никольском монастыре подвизались и многие мученики: в 1910–1913 годах здесь исполнял должность учителя церковно-приходской школы Иван Власович Шелаев. В 1910 году он познакомился с одним из ближайших учеников отца Павла, настоятелем монастыря архимандритом Миной (Шустовым), бывшим когда-то заведующим Хлудовской библиотекой, который определил

---

* Священномученик Варсонофий (в миру Василий Павлович Лебедев; 1871–1918), епископ Кирилловский; память 2/15 сентября.

его на должность учителя в школу при монастыре. Молодой миссионер стал продолжателем его дела и в монашестве был наречен тем же именем, Мина; впоследствии он был возведен в сан архимандрита*. Игумен Серафим (Булашов) подвизался в монастыре с 1899-го по 1915 год, с 1911 года был благочинным монастыря**; в 1918–1921 годах в монастыре подвизался иеромонах, впоследствии архимандрит, Иоасаф (Боев)***.

*Иеромонах Варсофий
(Лебедев)*

Отец Павел берегся даже тени славы. Будучи семнадцатилетним юношей, он ходил для уединенной молитвы в лес близ Сызрани. Пожилая женщина, не один раз видевшая его идущим в лес, по приезде в 1871 году отца Павла в Сызрань напомнила ему об этом, но он на это заметил ей: «Ну, что ты видела, храни в себе». По своей исключительной скромности отец Павел не фотографировался и только уступая просьбам Николая Ивановича Субботина пару раз сфотографировался с ним и вместе с участниками первого всероссийского миссионерского съезда. Технически фотография получилась не слишком удачной и, по мнению

---

* Преподобномученик Мина (в миру Иван Власович Шелаев; 1882–1937), архимандрит; память 22 октября / 4 ноября.

** Преподобномученик Серафим (в миру Николай Семенович Булашов; 1872–1938), игумен; память 23 января / 5 февраля.

*** Преподобномученик Иоасаф (в миру Иван Васильевич Боев; 1879–1937), архимандрит; память 27 ноября / 10 декабря.

знавших отца Павла людей, не вполне отражающей его облик. В 1892 году молодым художником Алексеем Корольковым был написан живописный портрет отца Павла.

В начале 1885 года возникла необходимость назначить викарного епископа в город Новочеркасск. Митрополит Киевский Платон (Городецкий) предложил на это место архимандрита Павла, сомневаясь лишь в том, позволит ли ему исполнять эту должность его вконец расстроенное здоровье. Это предложение поддержали митрополиты Московский Иоанникий (Руднев) и Новгородский и Санкт-Петербургский Исидор (Никольский), также с сожалением отмечая, что состояние здоровья отца Павла далеко не лучшее. Обер-прокурор Святейшего Синода Константин Петрович Победоносцев выдвинул тогда идею почтить отца Павла за его выдающуюся миссионерскую деятельность саном епископа, оставив его в Никольском единоверческом монастыре викарием Московского митрополита, но решил сначала проконсультироваться об этом с ближайшим сподвижником и другом отца Павла Николаем Ивановичем Субботиным и через него спросить о том и самого отца Павла. Николай Иванович высказал на это свои соображения, что навряд ли тот согласится, и переслал отцу Павлу письмо обер-прокурора. Отец Павел в ответ написал Николаю Ивановичу: «Присланное Вами письмо К[онстантина] П[етровича] прочитал и силу его уразумел, и по поводу него честь имею ответить Вам.

Я чувствительно благодарю К[онстантина] П[етровича] и Киевского владыку и всех членов Святейшего Синода за внимание ко мне, убогому человеку; но вот мое мнение по этому предмету:

Во-первых, силы мои стали слишком слабы, чтобы мне быть викарием коей-либо епархии. Если бы отец Филарет не нес мои тяготы, то я еще в прошлом году был бы

Архимандрит Павел (Леднев). Художник А. Корольков

должен отказаться и от управления монастырем — коль паче не могу исполнять обязанности викария.

Второе, занимаясь по силе моей своим делом, я нахожу себя несколько полезным святой Церкви, а принявши обязанности викария, едва ли уже смогу принести какую пользу — да и обязанностям викария, кажется, уже поздно мне учиться.

А принять сан епископа, оставаясь в том же Никольском единоверческом монастыре, опасаясь, чтобы не проложить дорогу для единоверцев стужать правительству об учреждении единоверческих архиереев и тем не подать повода к разделению иерархической власти, что я не нахожу полезным и даже считаю вредным. Об этой опасности вы сами знаете не хуже меня. А потому быть первым единоверческим архиереем я не имею желания, особенно когда это делается, чтобы почтить меня.

По всем вышеизложенным причинам я нахожу, что едва ли будет какая польза для Церкви, если я приму епископский сан. А посему покорнейше Вас прошу сообщить К[онстантину] П[етровичу], чтобы уволили меня от столь великого сана, как человека немощного; а за внимание ко мне, убогому человеку, прошу Вас его поблагодарить»¹⁹².

Значительным было участие архимандрита Павла и в деятельности Братства святого Петра митрополита, учрежденного 24 августа 1872 года митрополитом Московским Иннокентием (Вениаминовым). Здесь он сначала занимал пост помощника председателя, а затем в течение многих лет — председателя. Все, что было сделано Братством за двадцать лет под его председательством, было сделано или непосредственно отцом Павлом, или при его ближайшем содействии. Братство среди прочего активно занималось подготовкой и изданием противораскольнической литературы. За двадцать пять лет оно издало 125

наименований книг, которые были напечатаны тиражом 500 тысяч экземпляров. Особой заботой Братства стал просмотр и издание с поправками противораскольнической литературы прошлого времени, где наряду со здоровой полемикой содержались грубые выпады против старых обрядов, что успешно использовалось раскольниками в полемике с православными. Братство сразу же после своего основания стало ходатайствовать перед Святейшим Синодом об исправлении сочинений прошлых лет, на что в 1874 году Синод дал свое согласие. По получении синодального указа Совет Братства постановил: «согласно требованию Святейшего Синода, озаботиться на первый раз составлением соображений о том, какие выражения и в каком виде требуется исправить в первом из предполагаемых к изданию полемических сочинений — именно в „Розыске“ святителя Димитрия...»^{*193}. Исполнение этого дела было поручено отцу Павлу, члену Совета Братства иеромонаху Пафнутию (Овчинникову) и секретарю Братства Николаю Ивановичу Субботину. Зная, что камнем преткновения для раскольников служат неверно понятые ими постановления Соборов 1666-го и 1667 годов, отец Павел исходатайствовал у церковной власти разрешение на публикацию постановлений этих Соборов с их точной копией и соответствующими комментариями; они были подготовлены к печати отцом Павлом и насельником Никольского монастыря иеромонахом Филаретом. Архимандрит Павел также принимал участие и в других изданиях миссионерского и просветительского характера. Огромное значение для миссионерской деятельности имело издание

---

* Речь идет о сочинении святителя Димитрия, митрополита Ростовского, «Розыск о раскольнической брянской вере, о учении их, о делах их, и изъявление, яко вера их неправа, учение их душевредно и дела их не богоугодна». М., 1855.

журнала «Братское слово», которое не могло бы и осуществиться без помощи и деятельного участия в нем архимандрита Павла.

Отец Павел был большим знатоком и любителем древней иконописи, он легко определял время написания иконы и манеру письма. В случаях, когда на приносимых ему иконах были повреждения, он обращался к искусным иконописцам, которые под его руководством их реставрировали. Этим иконописцам он делал большие заказы новых икон и даже иконостасов, которые они исполняли в стиле древнего письма. Написанными по его заказу иконами он благословлял близких ему людей. При помощи благотворителей отец Павел построил небольшую церковь в Гуслицах, в местности, сплошь заселенной в то время раскольниками, украсив ее прекрасного письма иконами.

После того как отцом Павлом на своем личном опыте были выяснены христианские, полные любви и здравого смысла способы просвещения раскольников, чуждые насилия и привлечения на свою сторону карающей десницы государства, что обычно способствовало лишь еще большему укоренению раскольнических настроений, встал вопрос, как привлечь к этому спасительному делу православное духовенство. На тот момент было очевидно, что лишь совсем немногие священники готовы были стать миссионерами, большинство же пастырей ничего не умели тут сделать или даже делали вид, что нет никакой опасности для их паствы со стороны раскола, и соответственно не принимали и никаких мер для ограждения ее от этой душевредной пагубы. Невыразимо больно было архимандриту Павлу наблюдать, как отпечатанные в единовременной типографии книги, которые повсеместно были разосланы для церковных библиотек, причем и такие книги, которые пользовались у раскольников

авторитетом, — лежали на церковных складах без движения. В значительной степени благодаря авторитету архимандрита Павла, хорошо уяснившего для себя всю трагичность сложившегося положения, стало возможным собрать первый всероссийский миссионерский съезд, состоявшийся под его председательством в 1887 году.

«Явилась необходимость, — рассказывал отец Павел, — хорошенько исследовать, какими обладает Русская Церковь силами для защиты сынов своих от вредного учения, проявляющего неусыпную деятельность в целях отторжения от Церкви возможно большего числа ее членов. И вот когда собрались у нас отцы и братья, то и стало видно, не для меня лично, — из рассказов отдельных лиц, посещающих меня, я уже знал многое, — а для высшей духовной власти, что с таким составом деятелей трудно осуществить те лучшие надежды, которые возлагались на отечественных просветителей. <...> Досталось мне немало хлопот, когда съехавшиеся миссионеры, большей же частью только „почитаемые“ миссионерами, стали высказывать свои взгляды да мнения. Много нашлось между ними и таких, которые не желали даже снисходительно отнестись к старым обрядам, вещи второстепенной, а нас, единоверцев, считали чуть не такими же раскольниками. Надо было прежде всего предпринять миссионерскую проповедь к самим миссионерам-перстоверам, установить правильный взгляд на изменяемость обрядов. <...> Съезд выяснил нам, что дело миссии в руках совсем мало пригодных, за немногими исключениями, что книги, рассылаемые по приходам, зараженным расколом, лежат на полках неразрезанными, причем нашлись даже такие отцы, которые мало того что сами их не читали, не давали их и желающим познакомиться с ними, таким отказом совершая тяжкий проступок.

Да кроме того, на съезде некоторые более пожилые священники, чуждые современного движения в пользу распространения здравых понятий о расколе при помощи книг и бесед, открыто заявили, что они и сами в указанном смысле никого не учили и другим не давали устраивать бесед из личных, чисто материальных побуждений, чтобы не лишиться, при громадном семействе, поступающих в их пользу доходов от числящихся (только по исповедным ведомостям) их прихожанами старообрядцев, которые охотно уплачивают следуемое с них под условием, чтобы их не беспокоили да не стесняли разными увещаниями и беседами. <...>

И вот раскрылись на съезде наши собственные язвы, к которым надо было отнестись с должным вниманием. Тут-то и начал я хлопотать о назначении жалования беднейшему сельскому духовенству, особенно в зараженных

*Первый
всероссийский
миссионерский
съезд. Москва,
1887 год*

расколом приходах, чтобы устранить причины, вводящие отцов духовных в величайший соблазн. Так и стали отпускать из государственных сумм по 500 тысяч ежегодно на жалование малообеспеченным причтам»¹⁹⁴.

Местом проведения двух миссионерских съездов стал Никольский единоверческий монастырь. Проходили они под председательством архимандрита Павла, причем он беседовал с миссионерами и в частном порядке, стараясь максимально передать им свой громадный миссионерский и христианский опыт.

Будущий миссионер и священник храма преподобного Сергия Радонежского в Рогожской Валериан Цветков, частый гость архимандрита Павла, у которого он научился многому тому, чему не могли научить книги, приехал в Никольский монастырь, чтобы участвовать в миссионерском съезде и лично на практике соприкоснуться

с миссионерской деятельностью и ее работниками. Архимандрит Павел благословил его участвовать в дискуссии с начетчиками, и только милость Божия и молитвы отца Павла помогли тогда избежать позора недавнему выпускнику семинарии.

На последнем заседании съезда отец Павел обратился к миссионерам с прощальной речью, в которой он рассказал о своем душевном состоянии, когда он убедился в неправоте раскола, но не познал еще вполне и Церкви Христовой. Обливаясь слезами, говорил он: «Жить было страшно, так как знал, что живу в расколе, и умирать было страшно, так как знал, что кроме Церкви нет спасения».

Еще до окончания курса семинарии Валериан Цветков на вопрос отца Павла, куда бы он хотел поступить служить, ответил, что туда, где были бы старообрядцы. «Ну, так вот для тебя и школа строится», — сказал отец Павел. Эта школа действительно строилась в Гуслицах, в деревне Заволинье, куда Валериан Цветков и был назначен учителем. На другой день после миссионерского съезда он пришел к отцу Павлу, которого полюбил, как родного отца, и любовью которого пользовался, как ему казалось, не по заслугам. «Возложил отец Павел крестообразно свои руки на мою голову, — вспоминал впоследствии отец Валериан, — плачет и молится обо мне... И я плачу, слышу отрывочно произносимые слова: „Господи! наставь, Господи! укрепи...“ И сколько раз в течение двенадцати лет молитва и благословение старца поддерживали меня в минуту трудную»¹⁹⁵.

При многочисленных проблемах, которые, возникая, оставались нерешенными в самом главном — в подготовке пастырей для церковного служения, отец Павел полагал в основу этого важного дела ставить следующие положения: «Неиспорченные дети, определенные по так

*Второклассная церковно-приходская школа при
Гуслицком Преображенском монастыре*

или иначе проявленной ими склонности в духовные школы, должны и выходить из стен заведения чистыми и невинными юношами, не наученными в общежитии дурным привычкам и порокам: курению табаку, пьянству, сквернословию, кощунственным козлогласованиям, несоблюдению постов, лживости. На эти „мелочи“ не обращают воспитатели должного внимания, быть может, по убеждениям своим не придавая им серьезного значения, а между тем привитые еще на школьной скамье привычки эти почти всегда лишь с величайшим трудом искореняются, требуя от возымевших желание бороться с ними не для всех возможного напряжения силы воли, обусловливающего победу, при усиленной притом молитве о благодатной помощи свыше. Отрицательные же навыки эти несовместимы с благотворно-полезной деятельностью иерея Божия. <...>

Нелицемерный пример воспитателей, благоговейных, украшенных всякими добродетелями, со страхом и трепетом совершающих свое служение, даст силы и укрепит энергию юношей с самого раннего возраста практически осуществлять заветы религии и святоотеческие законы о молитве, посте, о хранении себя в чистоте наружной

и главным образом в чистоте внутренней, сердечной, без которой немислимо приблизиться к Богу, веру в Которого необходимо, безусловно необходимо пастырю проповедовать не только устным исповеданием и словесным учением, но преимущественно и всею жизнью своей, в делах проявляемой, чтобы иначе не уподобиться лишь кимвалу бряцающему, меди звенящей.

Надо отбросить предвзятое, чисто кастовое утверждение, что для плодотворной деятельности на поприще высокого пастырского служения безусловно необходима как можно высшая эрудиция, в жертву которой жестоко, безжалостно и фанатично приносится самопервейшее обязательное условие — чистота сердца, способного даже при некотором лишь достижении последней воспламеняться самоотверженной любовью к пасомым до принесения в жертву в случаях крайней необходимости не только известных удобств или выгод, но даже и драгоценнейшего дара Божия — жизни временной.

Не от того ли и вера деятельная среди представителей „ученого“ духовенства стала столь редкой, что из тысячи пастырей встретить можно „добрых“, а не наемников разве лишь малое число? Не потому ли и деятельность пастырская почти исключительно проявляется в ученых да научных занятиях, в литературных рапортах да сухих официальных отчетах?

Не руководствуется современный отец духовный в деятельности своей страхом Божиим, который один, составляя неоцененное приобретение, может с избытком искупить неимение образовательного ценза и в практической жизни церковной принести плоды неизмеримо обильнейшие. Еще не все люди русские приобщились столь привлекательной и так ядовито разрушительной культуре западной, еще бóльшая половина народа нашего

руководствуется в жизни своей патриархально простыми заветами праотцев, — так зачем же непременно и безусловно необходимой мерой правоспособности на занятие мест сельских пастырей строжайше поставляется выучка семинарская, в большинстве насаждающая множество привычек и идей, сыгравших такую печальную роль в деле положительного религиозно-нравственного просвещения простого народа!

А сделав решительную уступку в смысле низведения регламентированных требований, предъявляемых в настоящее время каждому изъявляющему желание посвятить себя служению Церкви, до возможно меньшего формального уровня, полезнее было бы для дела главнейшим образом останавливаться на внутренних качествах просителя, по заповеди апостольской поставляя на втором месте знание философских дисциплин и других соприкасающихся с последними наук. Ибо воистину прискорбно констатировать тот печальный факт, что в погоне за учеными (нередко лишь по аттестату) кандидатами, многие архиереи, такие же по чисто сословной „прямолинейности“ фанатики, приносили и приносят в жертву бессмысленным и жестоким по беспощадной канцелярской сухости своей инструкциям и правилам живые души людей Божиих, оставляя их, в силу лишь своего дипломированного упрямства, без руководства и наставления, без животворного, благоговеиным пастырем в жизни своей подаваемого и временно, и безвременно, преимущественно назидательного примера.

Когда будет низринута с фальшивого по своей мнимой высоте пьедестала это кабинетным духом отдающее предъявление к кандидатам на священство обязательного прохождения целого ряда наук, знание которых само по себе отнюдь не дает тех заповеданных апостолом внутренних достоинств, без которых более чем сомнительна

ценность диплома, тогда только проникнет в ряды пастырей российских желанное, высокое, надо сказать, начало „богатения в Бога“, способное по своей сравнительной независимости от тлетворного веяния духа времени, составить постоянный драгоценный фонд, тот неисчерпаемый клад духовный, искание которого вдохновляет простого русского человека часто на многолетний подвиг хождения по Руси необъятной.

Таким образом, сам собою вырисовывается любезный народу русскому, а потому желанный и безусловно необходимый тип воспитанника будущей духовной школы: требовательный к себе, разумно снисходительный к другим, не начальства ищущий, а способный охотно оказывать повиновение высшим побуждениям духа, просто-сердечно, горячо верующий в Бога, под руководством вселенских учителей в молитвенно-теплом уединении утверждающий веру свою прилежным исследованием Писания, паче всего возлюбивший Господа Иисуса Христа, этот последователь Его готов радостно возложить на себя благое иго Господне, чтобы всю жизнь свою, не тяготясь бременем Христовым, проповедовать святое Евангелие, свидетельствуя перед всем миром о неизреченной благодати Сына Божия, всех без исключения призывающего в Царство Свое Небесное.

А проповедь такого служителя алтаря будет силой своей внутренней убедительности неизмеримо благотворно действовать на людей, одержимых пороками и страстями, так как грешники, немощные и безвольные, непременно хотят видеть в лице пастыря и учителя человека, стоящего сравнительно с ними на недостигаемой высоте нравственной, от требуемой ими чуть не святости отца духовного втайне надеясь получить исцеление подавляющей их бесконечно тяжести греховной»¹⁹⁶.

Живший в то время в монастыре и исполнявший обязанности письмоводителя и школьного учителя Николай Иванович Добровольский, слушая высказываемые архимандритом Павлом соображения о постановке дела подготовки пастырей, заметил ему, что из его слов может следовать пренебрежение к «ученым» пастырям, на что отец Павел стал горячо возражать.

«Ты не имеешь права возводить на меня, живого, такой поклеп! — сказал он. — Нет, истинно ученых пастырей и профессоров я искренно уважаю и горячо их люблю и молю Господа, чтобы таких „настоящих“ ученых Он, Всемогущий Защитник созданной Им Церкви святой, постоянно являл, особенно в трудные для корабля церковного эпохи исторические.

Разве ты еще не узнал меня настолько, чтобы правильно понимать высказываемые мною мысли?! Ведь мы с тобою перечитали, не говорю уже о древних и великих, и Макария, и Сильвестра, святителей-богословов, особенно много времени посвятив последнему. Оспаривал ли я этого, по-моему, наилучшего богослова, труд свой смиренно назвавшего „опытом“¹⁹⁷, ты знаешь хорошо. <...>

Ох, друг ты мой, как бы тебе так сказать, чтобы и ученых не задеть, ибо страсть как они дружно обличают всякую попытку показать внутренние недостатки большинства из них, и благоговейных, „суетною философию“ не прельщенных, страха Божия исполненных простецов не очень-то возвеличить? Видишь ли, мне боязно, чтобы простой народ не потерпел великого вреда от мало любви к нему проявляющих, нужно сказать правду, пастырей-семинаристов.

Вот, радуя за этот простой народ, я бы и желал видеть многое множество других кандидатов, по искреннему призванию вступивших в ряды духовенства, хотя и не

прошедших через специальные духовные школы, но все-таки учившихся и келейно так сказать, по своим внутренним запросам много перечитавших разных книг „божественных“, следовательно в существеннейших вопросах веры достаточно осведомленных! Кто бы они ни были, эти, по-моему, лучшие люди, я бы очень рад был узреть их трудящимися на ниве церковной: народ их скоро и вполне оценит, да и они отнесутся по присущей им религиозности и отзывчивости более внимательно к сознательно принятому на себя долгу.

Такие люди могут найтись и среди чиновников, и между военными, и учителями. И нужны они чрезвычайно, особенно до выхода на дело тех, тоже не очень ученых будущих кандидатов на священство, о воспитании которых на несколько других началах я уже высказал свои предположения.

Пусть духовные семинарии, обсудив вред, причиняемый их неправильным уставом и организацией, внутренне изменятся, чтобы не калечить вверяемых им юношей, и они найдут себе лучшую оценку.

Без семинарий невозможно почти дойти до академических аудиторий, которые одни, лишь за немногими исключениями, гарантируют поставку высоко просвещенных иерархов, профессоров, законоучителей. Следовательно, так или иначе, а приходится мириться и со многими несовершенствами, допущенными в их внутреннем строении.

Кроме того, не нам, родившимся и выросшим в глухой провинции, никогда не только не слышавшим высокообразованных проповедников, но даже и не имевшим счастья видеть их, не нам непосредственно нужны эти высшие духовные школы; все же из этого нисколько не следует, что мы можем совершенно игнорировать учебные заведения,

имеющие столь важное значение в том или другом образовании высоких впоследствии лиц, в цепи иерархической представляющих собою высшего порядка звенья.

Все это как не нами устроено, так без нас, наверно, в силу роковых последствий ненормальной постановки, и изменится, хочу думать, к лучшему. <...>

Мы же, как близко знающие нужды простого народа, должны проводить в высшие влиятельные сферы настоящие сведения о желательном для пользы Церкви изменении порядка поставления сельских пастырей»¹⁹⁸.

Особенно скорбно было отцу Павлу, когда кто-нибудь, предназначенный к высокому пастырскому служению, порабощался низменной страстью сребролюбия. «„Если Господь посылать будет тебе богатство, — говорил он, — то, приняв с благодарностью, не увлекайся губительной страстью, а употребляй посланное тебе во славу Божию. Если уж не захочешь другим, нуждающимся, раздать, то лучше истрать на себя, только не собирай, чтобы не очерствело сердце твое“.

Страх, чтобы змей сребролюбия не обвился вокруг шеи кого-либо из учеников, понуждал отца Павла почаще напоминать [им] завет Спасителя Своим ученикам, когда посылал Он их на проповедь. А пример апостола Иуды, который сребролюбия недугом до того омрачился, что дерзнул даже предать Своего Учителя, являлся всякий раз на помощь, когда нужно было потрясти души юных слушателей спасительным страхом Божиим.

В этом поучительном примере архимандрит отрицал всякое другое толкование, не допускал никаких „вероятных“ предположений о побуждениях Иуды к предательству Господа вроде желания насильственно ускорить открытие царства Мессии на земле. Нет, он принимал евангельское слово во всей точности его значения, потому

что знал страшную силу и величайшую гибельность страсти сребролюбия, благодаря которой даже сиявшие святостью подвижники низвергались до отпадения от Христа!

Великий принцип нестяжания, поставление себя выше крайне низменной страсти сребролюбия великий миссионер признавал главнейшим условием благоприятного служения просвещению заблуждающихся и смело ободрял опасавшихся отложить заботу о завтрашнем дне обещанием помощи Божией в устройении земного благополучия и особенно неоставления Матерью Божией в деле наилучшего воспитания детей, на необходимость чего особенно, оправдывая свою косность, ссылаются современные пастыри овец словесных»¹⁹⁹.

«Отец архимандрит Павел, — писал Алексей Данилович Зверев, — неустанно говорил со старообрядцами и другими сектантами и знакомил их с памятниками древности, доказывающими правоту Церкви и неправоту раскола. Давал им приют в своем скудном средствами монастыре и большей частью даже в своей келье в ущерб своему спокойствию и здоровью. Лиц, занимающихся миссионерством, построением единоверческих церквей и устройством единоверческих приходов, отец Павел наставлял, утверждал советами и указаниями, ободрял их, когда им встречались опасности и трудности, содействовал им просьбами перед епархиальными преосвященными и другими высокопоставленными лицами. Всем вообще отец архимандрит внушал, что Спаситель пролил Пречистую Кровь Свою на Кресте и за старообрядцев и что должно, невзирая ни на какие препятствия, трудности, скорби и даже несчастья, стремиться привести их и других сектантов к соединению с Церковью. Он постоянно заботился об издании книг против раскола и распространении их. Лица, писавшие противораскольнические

сочинения, часто жили у него в монастыре. Он входил во все подробности издания и распространения этих книг. Лично он оставил после себя целый ряд сочинений, которые, как бессмертные творения, без сомнения, нанесли смертельный удар расколу и с течением времени совершенно упразднят его. Он издал и распространил сотни тысяч этих творений. Но при этом никогда не получал он денежного вознаграждения за свои творения, никакого состояния не имел и жил в великой скудости до самой своей смерти.

Что же руководило отцом Павлом во всех этих действиях, как не любовь к братьям и не глубокая скорбь об их заблуждении? Что побуждало отца Павла пренебрегать в деле миссии собственным спокойствием, болезнью, опасностями и даже самую жизнью?! Припомним здесь хотя малое из поучительной для всех жизни и ревности отца Павла по обращению заблудших. В 1881 году архимандрит Павел вел беседы в посаде Сольцы Порховского уезда Псковской губернии*. Этот посад населен был федосеевцами, число коих простиралось до пяти тысяч. Около этого посада имеется много деревень, которые также населены были федосеевцами в огромном количестве. Отец архимандрит прибыл в Сольцы по приглашению граждан вместе с псковским единоверческим священником отцом Константином Голубовым²⁰⁰. Беседы происходили в управе при огромном стечении народа. Присутствовали на них и участвовали в словопрениях федосеевские наставники в большом числе; между ними был некто Алексей Николаев, наставник из села Суматицы. Федосеевцы признавали его великим учителем. Он действительно был человек весьма начитанный и жизни постнической. В беседе

---

* Ныне в Новгородской области.

с отцом Павлом он оказался совершенно безответным. Отец Павел требовал, чтобы Николаев доказал правильность беспоповского учения от Евангелия, но Николаев сознался, что беспоповское учение в Евангелии не содержится. Полная безответность Алексея Николаева поразила федосеевцев. После второй беседы некоторые из федосеевцев пришли в дом единовещерческого священника отца Иоанна Звездинского* и сказали ему, что федосеевцы намерены на предстоящей беседе погасить лампы, обрушить скамьи и даже обрушить потолок, вообще произвести смятение и в этом смятении убить отца Павла. Когда узнал об этом отец Павел, то сказал федосеевцам, советовавшим ему не производить беседы, что беседу он будет производить непременно, несмотря на намерения и угрозы беспоповцев предать его смерти, что, в случае смерти его, он желает быть погребенным в городе Москве. Беседа действительно была открыта в здании управы. Во время нее федосеевцы на самом деле обрушили скамьи, на которых сидел народ, погасили лампы и произвели смятение, но устроить отца архимандрита им не удалось. Напротив, последний со спокойным и непоколебимым мужеством и неустранимостью тут же и обличил беспоповцев за этот поступок; он говорил им, что беседует с ними мирно, от Евангелия Христова, и указывает им путь спасения, — что убиение его, коего они желали и домогались, не умалит и не уничтожит несогласия и противления их Евангелию и не сделает их правыми. Смерть для него была бы даже и радостна, потому что он умер бы за дело Божие, во время самой проповеди Евангелия. Сотрудники архимандрита Павла, отец Константин Голубов и отец

---

* Отец священномученика Серафима (Звездинского; память 13/26 августа), епископа Дмитровского.

Иоанн Звездинский, также говорили федосеевцам, что они беседуют с ними мирно, от святого Евангелия, и вовсе не заслужили такого отношения к себе со стороны федосеевцев. Порядок на беседе был восстановлен, и она окончилась полным торжеством православия и поражением федосеевской секты.

Другой раз отец архимандрит Павел беседовал с федосеевцами о богомолении за царей. Федосеевцы, не найдя, что возразить против доказательств отца Павла, пришли в ярость и решили бросить проповедника истины в реку Прут. Отец Павел едва мог убедить своих совопросников оставить это намерение, указывая на то, что за убийство они потерпят жестокое наказание, а пользы им никакой не будет. Даже близость смертного часа не останавливала ревности отца Павла по обращению старообрядцев»²⁰¹.

Он, «лежа на одре болезни, — писал о нем Николай Иванович Субботин, — продолжал диктовать свои последние сочинения, принимать многочисленных посетителей, с которыми всегда вел беседу о делах веры и Церкви, — твердую память, прежнюю глубину и светлость мысли, прежнюю ревность о благе святой Церкви он сохранял и тогда...»²⁰².

Протоиерей Христофор Максимов так вспоминал о последних часах жизни отца Павла: «Возвратился из города отец игумен [Гуслицкого монастыря] Иероним [(Юдин)]. Прибыл Николай Иванович Субботин и отец Иоанн Звездинский. <...> Собралась вся монастырская братия... Собравшиеся со скорбью смотрели на великого старца, лежавшего лицом кверху и как бы спавшего; по временам они крестились, некоторые подходили к самому одру, кланялись отцу Павлу в землю и с горькими слезами целовали руку его и его рукою изображали крест на себе, сам же

он уже не двигал руками. <...> Около семи и восьми часов дыхание отца Павла сделалось еще тише. Я не отходил от изголовья возлюбленного наставника и отца своего, продолжая осенять лицо его крестом. Около половины девятого дыхание по временам стало как бы совсем затихать. <...> Отец Павел вздохнул еще раз пять или шесть тихо и с большими промежутками <...>. Наконец он сделал еще один вздох более выразительный и волею Господнею тихо и мирно во Христе почил в девять часов вечера 27 апреля 1895 года. Он скончался столь тихо, что присутствующие некоторое время, минут пятнадцать или даже полчаса, колебались, жив он или скончался. В десятом часу вечера три удара в колокол возвестили о преставлении великого учителя и векового деятеля Церкви...

Утром 28 апреля прибыл Николай Иванович уже с расстройствами от владыки. Здесь он написал объявление и снял копию духовного завещания для напечатания в „Московских ведомостях“. Панихиды по отце Павле правили многолюдным собором служащих в белых пасхальных облачениях...

В субботу, 29 апреля, в двенадцать часов дня тело отца Павла было перенесено в Успенскую церковь с крестным ходом, при похоронном колокольном звоне. В воскресенье 30 апреля в Успенской теплой церкви было совершено соборное служение»²⁰³.

Погребение отца Павла было совершено в соборной монастырской церкви в понедельник 1 мая. Литургию служил епископ Можайский Тихон (Никаноров) в сослужении ректора Московской семинарии архимандрита Климента (Верниковского), игумена Иеронима, благочинного единоверческих церквей священника Иоанна Звездинского, протоиерея Христофора Максимова, всего девяти священников и трех диаконов.

Отпевание совершали митрополит Московский Сергей (Ляпидевский), епископ Можайский Тихон, благочинный монастырей архимандрит Лаврентий (Некрасов), протоиерей Иоанн Виноградов, настоятель Богоявленского собора в городе Богородске протоиерей Константин Голубев*, считавший архимандрита Павла своим большим благодетелем, и другие, всего около сорока священников. Были и другие священники, но они стояли без облачений, которых не хватило на всех присутствующих.

«Могила сделана против горнего места Никольского придела, и гроб несли из западных дверей мимо Никольского придела и кельи отца Павла. По обычаю единоверцев гроб несли открытым, а крышку наложили уже у самой могилы после всего, что положено исполнить на могиле. Воодушевление народа, шедшего с гробом, было великое. В могилу опустили великого покойника не могильщики, как бывает большей частью, а священники в облачениях, а концы полотна, на котором опускали гроб, держал народ. Опустивши вместе с другими иереями и народом своего незабвенного наставника в могилу, — вспоминал отец Христофор, — я отрезал кусок холста, бывшего у меня в руках, себе, своим детям и семейству на память. Некоторые стали просить у меня оторвать и им хотя маленький кусочек на память...

Служащие и народ были проникнуты не чувством умирщвляющего и угнетающего уныния и безутешности, а каким-то особым чувством веры и упования, не исключаяющего... христианскую радость о торжестве над расколом и самим адом»²⁰⁴.

---

* Священномученик Константин Алексеевич Голубев (1852–1918); память 19 сентября / 2 октября.

Согласно оставленному архимандритом Павлом письменному распоряжению, на могиле был поставлен деревянный четырехконечный крест со врезанным в него литым восьмиконечным крестом, в знамение и свидетельство, что в обоих, и четырехконечном и восьмиконечном, почитал он единый Крест Христов. На кресте было написано по его указанию: «Иисус Христос Сын Божий. Ника». И далее: «Христе! По милости Твоей, омый грехи раба Твоего Кровию Твоею, юже излиал еси за спасение всех. Эта надежда моего спасения, это мое упование, это моя радость. С этою надеждою к Тебе, Христе, отыдох, имея основание надежды Твои, Христе, словеса: ядый Мою плоть и пияй Мою кровь иматъ живот вечный, и Аз воскрешу его в последний день»²⁰⁵.

«Отец Павел первый погребен в монастыре: прежние же покойники из братии монастыря были погребаемы за стенами монастыря. Не потому ли первый он положен в монастыре, чтобы быть ему семенем для произрастания в сем монастыре великого миссионерского древа для покрытия Церкви от нападений раскола?...»²⁰⁶

Репутация отца Павла как подвижника среди православных была безупречна, неоспоримо был признан его авторитет и среди раскольников; только уже после его кончины некоторые из раскольников решились распространять о нем ложный слух, будто бы перед смертью он присоединился к федосеевцам. Основан этот слух был на том, что незадолго перед кончиной отца Павла его посетила федосеевка, что при непримиримом отношении федосеевцев к православным не могло будто и быть, если бы отец Павел не стал федосеевцем. Дождавшись кончины праведника и основываясь на этом нелепом предположении, раскольники безуспешно попытались его оклеветать.

В некрологе Николай Иванович Субботин писал о нем: «Говорить о том, какая горькая потеря понесена лично мной с кончиной отца Павла, считаю даже неприличным в виду той великой потери, какую понесла, лишившись его, вся Православная Российская Церковь. И по молитвам Церкви, которую он так любил, о которой так ревновал, для которой столько потрудился, да подаст ему Господь упокоение со святыми, простив все его прегрешения, а наипаче грех раскола, омрачавший первую половину его жизни, о котором он так скорбел и для изглажения которого так неустанно трудился подвигом проповеди православия среди болеющих расколом в последнюю, светлую ее половину»²⁰⁷.

Сразу же после кончины архимандрита Павла, стало приходить множество писем, адресованных его сподвижнику Николаю Ивановичу Субботину. Одним из первых отозвался на смерть великого миссионера епископ Костромской Виссарион (Нечаев), до принятия монашеского пострига профессор Московской духовной семинарии, затем много лет прослуживший священником в Москве и хорошо знакомый с отцом Павлом и его деятельностью. Епископ Виссарион писал: «Павел умер, но дело Божие, которому он вседушевно служил, не умрет. Он служил этому

*Епископ Костромской
Виссарион (Нечаев)*

святому делу словом — теперь будет служить ему молитвою о Церкви <...>. В числе близких к отцу Павлу был и я. Я почитаю себя счастливым, что удостоился этой благотворной для меня близости. Я ежедневно молился за него при его жизни — смерть его побуждает меня усилить молитву о нем домашнюю и церковную»²⁰⁸.

Зная, что после его кончины могут быть различные о нем толки, архимандрит Павел заблаговременно составил завещание, в котором писал: «Я, нижеподписавшийся, Московского Никольского единоверческого монастыря настоятель архимандрит Павел, сие мое духовное завещание пишу в твердой моей памяти, хотя и стою уже на границе между настоящей и будущей жизнью.

Известуюсь моею совестью перед Всемогущим Богом, испытующим сердца и утробы, воображая предсмертный час души моей, и свидетельствую, что я оставил раскол, или так именуемое старообрядчество, и присоединился ко святой Греко-Российской Церкви не по каким иным причинам и расчетам, а единственно по убеждению моей совести, утвердившись в сем решении Священным Писанием по долгом и всестороннем рассмотрении, для достижения спасения убогой души моей. И теперь, сим предсмертным моим завещанием свидетельствую всем так именуемым старообрядцам, что они имеют ревность Божию, но не по разуму и, не разумея воли Божией, ищут составить свою волю, а воле Божией через разделение со святой Церковью сопротивляются. Главное неразумение их состоит в том, что они не знают, в чем состоят догматы веры, и, признав обрядовые предметы за догматы веры, из-за обрядов несправедливо отделяются от святой Церкви.

Свидетельствую совестью: все, что я писал во опровержение так именуемого старообрядчества и в защиту святой Церкви, писал по чистосердечному убеждению.

Если же в чем по недоразумению ошибся, прошу прощения и разрешения от святой Соборной Православной Греко-Российской Церкви.

На все мои сочинения предоставляю право собственности Никольскому единоверческому монастырю и Братству святого Петра митрополита. Если другие Братства пожелают делать издание некоторых моих сочинений, и им предоставляю право невозбранно делать таковые издания, а особенно тем Братствам, которым мною дано на то письменное изволение относительно некоторых моих изданий; но издавая мои сочинения, другие Братства не могут возвышать цену их сравнительно с ценою, по которой издают и продают их Братство святого Петра митрополита и Никольский единоверческий монастырь. Сочинения мои могут издавать и частные лица, желающие тем послужить на пользу святой Церкви, но издавать они их могут не иначе, как с совокупного разрешения Братства святого Петра митрополита и Никольского единоверческого монастыря. Братство святого Петра митрополита совокупно с Никольским единоверческим монастырем, а также и другие Братства и частные лица, издавая мои сочинения, обязываются не делать в самих сочинениях никаких изменений и исправлений.

Всем укорявшим лично меня, досадившим мне или какое зло причинившим, от всей души прощаю и у всех сам прошу прощения. Если по ревности и недоумению укорял кто меня за переход к святой Церкви, и того Бог да простит, а кто святую Церковь укорил, тот сам воздаст слово Праведному Судии. <...>

Имущества у меня никакого нет, потому и завещать нечего. Есть только немного книг и икон, которые должны быть собственностью Никольского единоверческого монастыря. <...>

Будущего настоятеля и старшую братию усерднейше прошу Братству святого Петра митрополита в печатании книг и в рассылке оных требующим усердно помогать. Эта их услуга есть услуга святой Церкви и полагает монастырю прочное основание.

Библиотека покойного Алексея Ивановича Хлудова должна быть собственностью Никольского единоверческого монастыря и служить ко вразумлению именуемым старообрядцам: она с такой целью и отказана в Никольский единоверческий монастырь. При ней всегда должен быть библиотекарь, который мог бы служить вразумлению приходящих»²⁰⁹.

ВРЕМЯ ИСПЫТАНИЙ

7 мая 1917 года в селе Борисове состоялось собрание приходского совета Троицкого храма. Председателем собрания закрытым голосованием был избран священник Василий Богоявленский, секретарем — Алексей Данилович Зверев. Общеприходское собрание, которое должно было избрать представителя от мирян на окружное собрание для выборов на уездный съезд, было назначено на 14 мая²¹⁰. Собрание единогласно избрало своим представителем на уездный съезд духовенства и мирян, а также представителем и на всех других подобных съездах — Алексея Даниловича Зверева²¹¹. На состоявшемся 11 июня 1917 года общем собрании прихожан Троицкой церкви на благочинническое собрание, запланированное на 17 июня, двадцатью семью голосами против трех был избран в дополнение к Алексею Даниловичу Звереву — Василий Васильевич Голованов²¹², в свое время вместе с ним присоединившийся к Церкви и показавший вполне свою верность православию. Впоследствии, уже после смерти Алексея Даниловича, 1 июня 1925 года Патриарший Местоблюститель митрополит Петр (Полянский)* удостоил Василия Голованова награждения грамотой²¹³.

---

* Священномученик Петр (в миру Петр Федорович Полянский; 1862–1937), Местоблюститель Патриаршего престола; память 27 сентября / 10 октября.

Избранный делегатом на чрезвычайный епархиальный съезд, проходивший в июне-июле 1917 года в Москве, Алексей Данилович принял деятельное участие в его работе. 26 июля им вместе с группой крестьян-депутатов Московского епархиального съезда было направлено обращение к сельскому населению с протестом против покушения на церковное имущество и отнятия его; это обращение было опубликовано в газетах и отдельными листками для раздачи крестьянам²¹⁴. На Московском епархиальном съезде Алексей Данилович был избран 26 июля членом епархиального Миссионерского совета, куда вошли епархиальный миссионер протоиерей Иоанн Полянский, священник церкви преподобного Сергия в Рогожской Валериян Цветков, священник храма Николая Явленного Василий Соколов* и другие²¹⁵.

Федор Данилович Зверев

Алексей Данилович также принимал активное участие в работе приходского совета Троицкой церкви и в общих собраниях прихожан, исполняя на них обязанности секретаря. Вместе с ним, как активные и ревностные прихожане, в делах прихода принимали участие его брат, Федор Данилович, и Анисия Ивановна, супруга брата Дмитрия Даниловича²¹⁶.

---

* Священномученик Василий Александрович Соколов (1868–1922); память 13/26 мая.

На собрании 1 октября 1917 года прихожане обсуждали, следует ли в силу закона от 20 июня 1917 года о причислении церковно-приходских школ к Министерству народного просвещения отдать земству здание церковной школы, выстроенной на добровольные пожертвования прихожан, средства храма и отчисления Святейшего Синода, и приняли единогласное решение — здание не отдавать ни Министерству, ни земству²¹⁷.

На епархиальном съезде в 1917 году Алексей Данилович был избран делегатом от мирян Московской епархии на Поместный Собор Российской Православной Церкви. К началу 1918 года он остался на Соборе единственным представителем от мирян Московской епархии, остальные к этому времени выбыли из его состава по тем или иным причинам²¹⁸.

На Соборе Алексей Данилович активно участвовал в работе отделов: о богослужении, проповедничестве и храме; о единоверии; о церковном суде; о браке; о епархиальном управлении. Он многократно выступал на общих заседаниях Собора. 20 января 1918 года заседание Поместного Собора было открыто чтением послания патриарха Тихона, в котором он призвал верных чад Церкви встать на ее защиту. На этом заседании Алексей Данилович подробно рассказал о покушении на священника в селе Борисове, случившемся в ночь под Рождество Христово, 24 декабря 1917 года: «В то время, когда местный православный священник отец Василий Богоявленский после всенощной последним выходил из храма, на паперти было сделано на него дерзостное покушение со стороны шайки крестьян из девяти человек местной молодежи — старообрядцев (пять человек) и православных (четыре человека).

Интересно отметить, что вся эта шайка крестьян, не исключая и старообрядцев, во время всеобщего бедствия находилась в церкви, причем некоторые из этой шайки прикладывались к иконе. Другие <...> покупали свечи для возжжения перед иконой Спасителя и клали на тарелку деньги. <...>

В тот момент, когда отец Василий, выйдя из храма на паперть, обратился лицом к иконе Спасителя, висящей над дверями храма, чтобы сделать обычные три поклона, один из преступников произвел в него в упор в затылок выстрел из револьвера, но... произошла осечка. Когда священник обратился лицом к преступнику, последний, покушаясь произвести вторичный выстрел, наставил револьвер священнику прямо в лицо, но в этот самый момент священник схватил преступника за руку с револьвером и вытолкнул его вон с паперти, возле которой находились в это время и остальные его соучастники. <...> Преступник... со словами: „товарищи, организуйтесь“, произвел в священника новый выстрел, которым легко ранил его в палец правой руки. Бывшие в это время на паперти церковный сторож и одна крестьянская девочка в испуге закричали: „батюшку убили“... Преступники, полагая, что священник действительно уже убит, и вместе с сим опасаясь народа, могущего на крик сбежаться к месту преступления, разбежались в разные стороны, а раненый в палец руки священник тем временем проследовал к себе в дом.

В тот момент, когда преступники бежали, церковный сторож ударил в набат. Народ быстро сбежался к церкви и здесь с ужасом для себя узнал о злодейском покушении на жизнь дорогого батюшки. <...>

В тот же день около 7 часов вечера снова послышался набат, а затем и ружейные выстрелы и крик. <...> В то время, когда шайка злодеев находилась в одной из местных

чайных, ее накрыла там местная волостная милиция, и преступник был арестован. <...> Взявши преступника, милиция направилась с ним в дом священника для составления протокола. „Товарищи“, все еще мечтавшие „не выдать“ преступника, направились вслед за милицией и, подойдя к церкви, с криками: „выручайте товарища!“, ударили в набат, чем вызвали стрельбу (в воздух) милиционеров. <...>

На вопрос преступнику <...> за что он хотел убить священника, преступник сказал, что в сердце он всегда был благодарен священнику и за двадцать лет его служения в приходе не слышал от него ни единого слова обиды. Совершить преступление, по словам преступника, его подкупили. На него пал жребий.

28 декабря в Борисово прибыли из Москвы около тридцати человек красногвардейцев, вооруженных винтовками и ручными гранатами. <...> На следствии они держали себя на стороне партии преступников. <...> Когда священник при своем показании назвал шайку преступников хулиганами, красногвардейцы заявили протест, находя это слово несправедливым по отношению к преступникам и не применимым к ним. <...> Я очень обрадовался, когда узнал о послании патриарха, — заключил Алексей Данилович свой рассказ. — Давно бы пора возвысить голос со стороны церковного вождя, и, если верующий народ услышит этот голос, он пойдет за своим духовным вождем и не будет пассивно относиться к хулиганствующим лицам»²¹⁹.

6 января 1918 года в селе Борисове состоялось общее собрание прихожан Троицкой церкви, на котором основным вопросом стало обсуждение средств для защиты священника. В собрании приняли участие, кроме Алексея Даниловича, Федор Данилович и Анисия Ивановна. Собрание постановило нанять двух благонадежных лиц для ночной охраны священника²²⁰.

Дмитрий Данилович Зверев с супругой Анисией Ивановной

Как православный миссионер, специалист в области единоверия и раскола, Алексей Данилович принял на Соборе активное участие в обсуждении вопроса о том, нужно ли иметь единоверцам своего епископа. Здесь его взгляд вполне совпал со взглядами архимандрита Павла (Леднева) и выступавших на Соборе епископа Андроника (Никольского)* и архимандрита Илариона (Троицкого)**, считавших, что открытие единоверческих кафедр не принесет единоверцам ничего, кроме вреда. «По моему глубокому убеждению учреждение единоверческих епископов и епархий вместо пользы может принести только вред

---

* Священномученик Андроник, архиепископ Пермский (в миру Владимир Александрович Никольский; 1870–1918); память 7/20 июня.

** Священномученик Иларион, архиепископ Верейский (в миру Владимир Алексеевич Троицкий; 1886–1929); память 15/28 декабря.

и для Церкви, и для единоверия, — сказал Алексей Данилович. — Для Церкви потому, что с учреждением отдельных епископов наша Церковь вступит на неканонические основания, а для единоверия потому, что единоверцы будут смотреть на себя как на отделенных, отмежеванных людей, а это не в интересах и Церкви. Затем, некоторые думают, что учреждением единоверческих епископов мы привлечем к себе раскольников. <...> Мы осложним борьбу с раскольниками. Известно, что раскольники смотрят на единоверческую Церковь как на другую Церковь и говорят: Церковь должна быть едина, а у вас — две Церкви. Что же будут говорить они тогда, когда мы учредим отдельных единоверческих епископов и образуем отдельные единоверческие епархии? Мы дадим в их руки только козырь для обвинения нас. Соблазнительно это будет и для православного народа: в одной Церкви будут существовать два ряда епархий; народу будет представляться, что образовалось две Церкви; на этой почве могут быть разные споры и раздоры. Указывали здесь на то, что единоверцы добиваются особых епископов вот уже в течение ста лет. Это правда, — но какие единоверцы? <...> Плохие единоверцы — единоверцы „раскольничающие“. Настоящие же единоверцы и мысли не допускают об этом. Вспомним отца Павла Прусского — этого истинного представителя единоверия. Если до него существовали единоверцы „раскольничающие“, чуждавшиеся наших обрядов, то отец Павел осмыслил единоверие, дал возможность понять его, доказал, что единоверие есть единение с Православной Церковью. И что же — как он относился к вопросу о самостоятельных епископах для единоверцев? Он более всего боялся дать единоверцам самостоятельного епископа, и, когда ему самому предложили быть таким епископом, он с негодованием уклонился от этого. <...> Мое заключение

таково: учреждение единоверческих епископов, кроме вреда, ничего не принесет»²²¹.

Большую полемику на Соборе вызвали проекты постановлений о церковном браке и в особенности предлагавшие основания для развода. И более всего то предложение, что основанием для развода могут стать «нанесения... другим супругом неоднократных тяжких оскорблений и вообще причинения ему расшатывающих самые основы семьи постоянных нравственных истязаний»²²². Многие члены Собора сочли эту статью противоречащей христианскому вероучению, делающей возможным расторгать

Члены Поместного Собора Российской Православной Церкви.

брак по произволу, по той лишь причине, что супруг или супруга на основании субъективных психологических переживаний со временем переставали нравиться друг другу. Подобного рода предложение, как виделось многим, как бы само толкало одного из супругов на непринятие креста. Выступивший при обсуждении этого сложного и противоречивого вопроса Алексей Данилович сказал: «Я очень боюсь, что если мы всецело примем статью... то, быть может, явимся нарушителями заповеди Божией: „что сочетал Бог, человек да не разлучит“. Что мы разумеем под „нравственными истязаниями“, о которых говорит пункт 3-й?

Алексей Зверев — справа от прохода, второй ряд, крайний слева

Это понятие очень растяжимое. Под ними можно разуметь всякого рода резкости, упреки, неприятности супружеской жизни и тому подобное. Если мы этот 3-й пункт примем, то дадим широкий простор к расторжению браков. Я не знаю, что сказать о городе, но мне известна супружеская жизнь по личным наблюдениям в деревне. Ведь мы, может быть, воображаем, что между супругами не может быть никаких ссор и что жизнь будто бы протекает мирно, — но этого воображать никак нельзя. Между супругами могут происходить ссоры, раздоры, могут вырываться резкие фразы, которые другая супружеская сторона может принять за нравственные истязания и просить на этом основании развода. <...> Очень часто в деревенской жизни бывает, что смолоду супруги живут неладно, а потом, по пословице „стерпится — слюбится“, живут хорошо до гробовой доски. Надо принять во внимание, что в деревне девушки выходят замуж рано, шестнадцати лет, а женятся там восемнадцати лет, что эти пары часто бывают еще неопытны и легкомысленны и иногда под влиянием легкомысленных укоризн расходятся; часто бывает, что молодая жена уходит к матери и отцу из-за какого-нибудь пустяка, и потом, когда под добрым влиянием родителей она возвратится к мужу, то потом живут хорошо и любовно и вспоминают со смехом свою прежнюю глупость. Этот 3-й пункт ни в коем случае нельзя принять. Потом, добрые христиане не должны забывать слов Христа, что истинные ученики Христа не должны отказываться нести свой крест. Брак совершается не без Промысла Божия и если выпадут на долю супруга неприятности, надо смотреть на них как на свой крест. И я всецело присоединяюсь к тем ораторам, которые высказывались за исключение 3-го пункта»²²³.

Сто одиннадцатое заседание Поместного Собора, состоявшееся 22 марта / 4 апреля 1918 года, было посвящено

внутренней и внешней миссии. Обсуждение вопросов миссии вызвало горячую полемику, тем свидетельствуя, что к вопросу устройства православной миссии Русская Православная Церковь еще по-настоящему не приступала. Митрополит Херсонский и Одесский Платон (Рождественский) подробно остановился на том, каких блестящих результатов достигли римско-католическая и протестантская миссии, обратив особое внимание соборян на то, что в Римской Церкви даже частные аспекты ее жизни имеют миссионерский характер. «На моих глазах издавалась, например, энциклопедия кардинала Фарли²²⁴, — сказал он, — и вот я видел, как здесь старательно нанизывались все сведения, которые имели узко католический, миссионерский характер. Я приобрел эту громадную энциклопедию и имел возможность просмотреть и удивляться той ловкости, той системе, с какими фабриковалось то, что в миссионерском смысле относится к благу и славе Римской Церкви. <...> Это большая, великая, строго организованная сила, в своих действиях мало знавшая поражений, готовится идти на православие, и я не знаю, где больше открыты ворота или пробита брешь — здесь ли, в Москве, или там, на юге. <...> Деятели католичества смотрят теперь на нашу Церковь как на вполне созревший плод, чтобы его проглотить, и можно ли сказать, что они ошибаются, что за политическим разгромом не последует и церковного?»

Не менее страшным и грозным врагом православия является протестантство. Недавно было напечатано, что баптисты и методисты ассигновали 80 миллионов долларов на пропаганду, — что если половина этих денег пойдет на борьбу с православием? Фетлер²²⁵ устроил семинарии, намереваясь ежегодно выпускать для борьбы с православием до восьмидесяти убежденных врагов православия.

*Миссионер Дмитрий Боголюбов.
Рисунок В. В. Богдановича*

А внутренние враги? Этот, например, социализм, практически вводимый в жизнь и осуществляющий свои идеи? — он раздел Церковь до нага, вывел на стужу и объявил свободной. А этот рационализм, мистицизм? Не буду говорить я о хлыстовщине»²²⁶.

Отдел организации внутренней миссии Русской Церкви выработал краткое положение о миссии, в котором было ска-

зано, что «миссия, основанная и заповеданная Самим Законоположителем нашей веры Господом Иисусом Христом, есть то великое служение в Церкви, существование которого обуславливается назначением Церкви и требует к себе со стороны ее особой заботы и попечения.

Поэтому ныне, ввиду крайне усиливающейся пропаганды латинства, протестантства, расколосектантства, социализма и безбожия, Священный Собор Православной Российской Церкви находит необходимым и своевременным укрепить и усилить внутреннюю миссию, организовав ее на новых началах во всех епархиях»²²⁷.

Против оглашенного содержания доклада миссионерского отдела выступил миссионер Дмитрий Иванович Боголюбов, сказав, что отдел предлагает вести миссионерскую деятельность силами просвещенных «инструкторов», «офицеров», как это делалось раньше, но к успеху

не привело, вместо того чтобы, если идет война, задействовать не только офицеров, но и весь народ.

Алексей Данилович выступил против радикальных изменений предлагаемых отделом положений. «Мне странно и непонятно, — сказал он, — как возможно, чтобы дело миссионерское совершал не миссионер при содействии народа, а сам народ при содействии миссионера. Как он может делать это один, если не подготовлен к миссионерской деятельности? <...> Я должен сказать, что народ будет безгласен не только перед специалистами начетчиками, но и перед каждой вековушкой-девицей — старообрядкой. Ведь старообрядцы так воспитаны, что каждый из них с раннего детства становится миссионером или миссионеркой. Каждый из них хорошо знает, чем должно быть православных. Я сам — бывший старообрядец и впитал в себя с молоком матери веру, что Православная Церковь — это ересь. И в таких понятиях воспитаны и все остальные старообрядцы. Эту ересь Православной Церкви они видят в исправлении богослужебных книг и обрядов. Каждая старообрядка женщина скажет, что „в Писании говорится: "если прибавить или убавить хотя бы одно слово в Священном Писании — человек анафема да будет". А вы здесь прибавили, в другом месте отбавили. В Стоглавом Соборе сказано: "аще кто не крестится двумя персты — анафема" — а вы креститесь щепотью“. Что может сказать на это простой народ? А насчет специалистов: в Соборе по вопросам церковной жизни они необходимы — ибо как народ может вести сам борьбу? Я очень рад, что здесь никто не опровергает положения, что специальные лица нужны и они должны вести за собой народ. Здесь раздавались речи о бесплодности прежних миссионеров и их деятельности, которая сводилась лишь к общим, совершенно бесполезным беседам. Миссионерскую

деятельность называют мертвечиной. Это оскорбление, которое бросить, конечно, недолго, — но справедливо ли оно? Нет, не справедливо: оно говорится опрометчиво и без знания дела, оно — легкомысленная фраза. Я не буду говорить о присутствующих здесь миссионерах, а о тех, которых знают и все признают. Я укажу на людей знающих и интересующихся делом миссионерским. Укажу, например, на Павла Прусского. Да разве его миссионерская деятельность мертвечина? Как осмелиться сказать это? Он всю жизнь свою посвятил на борьбу с расколом, и от его миссионерской деятельности была громадная польза, ибо в православие обращались целые старообрядческие приходы. И не один только Павел Прусский мог бы быть выставлен примером. Отец Крючков трудился на миссионерском поприще не менее плодотворно. Он также открыл много православных приходов среди старообрядческого населения. И много других лиц могут быть примерами того, что они трудились всю жизнь и трудились благополучно. <...> Чтобы миссионерские беседы были плодотворны — нужна со стороны миссионера любовь к миссионерскому делу. Здесь говорилось о новых началах. Если будет любовь — не нужны никакие новые начала. Любовь научит делу. Я не знаю, как будут строиться новые начала. Обещают ли они что-нибудь хорошее? Можно очень сомневаться в этом. Здесь неоднократно отмечалось, что в жизни государственной новые начала приносят горькие плоды, и я боюсь, что то же самое может случиться и в миссионерском деле. Старое, конечно, разрушать легко. А если взамен разрушенного мы не дадим ничего нового? Я, повторяю, боюсь, не было бы того, что ныне совершается в жизни государственной. Я прошу поэтому принять законопроект в таком виде, в каком он предлагается»²²⁸.

*Миссионер Василий Зеленцов.
Рисунок В. В. Богдановича*

Его поддержал окружной миссионер Екатеринбургской епархии Василий Иванович Зеленцов*. «Нам надо устроить миссию в ее существе, и с этой точки зрения посмотреть на проект, — сказал он. — Что касается новых или старых начал, то нужно быть осмотрительными и не увлекаться мыслью, чтобы весь приход миссионерствовал. Великолепно было бы это —

но разве это достижимо? Это давно упущено, а теперь, с отменю обязательного преподавания Закона Божия, дело ухудшается. Это — сладкая мечта, но надежды на ее осуществление мало. И нам нужно беречь миссионеров и любителей миссионерского дела»²²⁹.

Поскольку на Соборе было высказано в адрес миссионеров много критики, председательствующий, митрополит Харьковский Антоний (Храповицкий), счел необходимым выступить в их защиту. «Миссионерам пришлось выслушать много горьких слов, — сказал он. — Спрашивали, почему миссионеров ругали на съездах. Но ругали не их одних. Ругали и священников, ругали и епископов. Всегда около них шипели змеи вражды и ненависти. Кто мешает спать, того и бранят. На тех же съездах отрицали нужду в исповеди, в постах, в монашестве, в епископстве

---

* Священномученик Василий, епископ Прилукский (в миру Василий Иванович Зеленцов; 1876–1930); память 25 января / 7 февраля.

*Архиепископ
Антоний (Храповицкий).
Рисунок В. В. Богдановича*

и т. д. Все, что было противощерковно, что было враждебно Церкви, — все это собиралось на съездах сейвесны и сего лета и поднимало вопль. <...>

Бывают времена нравственного упадка и разложения. Во время Французской революции четырнадцать католических епископов сложили с себя сан, а епископ Парижский сбросил с себя ризы во время богослужения и объявил себя атеистом, и ему аплодировали.

И у нас, во время настоящей революции, нравственно погибли три епископа и десятки священников и других клириков.

Никто не может отрицать того, что миссионеры были наиболее усердными работниками на ниве церковной. Когда здесь, на Соборе, при избрании патриарха, порицали епископов, один оратор, глядя прямо на нас, епископов, восклицал: „Нужен патриарх, герой веры, муж выдающийся. А где они? Мы их не видим“. Тогда мы ничего не возражали, — но теперь, когда поносят лучших работников Церкви, я считаю долгом выступить на их защиту»²³⁰.

По-прежнему на Соборе вызывали споры вопросы о браке, и в особенности о том, какими удовлетворительными причинами может быть оправдан развод. Сложной оказалась сама детализация современной семейной жизни и привязка каждого отдельного случая к Священному Писанию, к учению Христа. Вопрос о браке оказался одним

из сложнейших, обнаружив принципиальные расхождения во мнениях у членов Собора. Слушая полемические выступления, нисколько не убеждавшие его в правоте полемизирующих, Алексей Данилович сказал: «Совесть моя не может согласиться не только с этой статьей, но и со многими другими статьями, ранее принятыми. Я говорил уже по поводу алкоголизма. Брак не может быть разлучен — Бог не повелевает разлучать. Если один из супругов страдает алко-

голизмом или поражен проказой, я вижу в этом для другого супруга крест Божий — и он должен понести этот крест. Христос сказал: „аще кто хочет по Мне идти, да возьмет крест свой и по Мне грядет“. Но здесь говорили, что крест иногда бывает не по силам человека, и указывали даже на Христа. Я не согласен, чтобы крест был когда-либо человеку не по силам, потому что, по учению Церкви, Бог не возлагает на человека креста свыше его сил. А если Христос под бременем Креста Своего пал, это не значит, что Он отказался от Креста Своего, — Он не бросил его, а только пал. Да и на Крест Христов нужно смотреть шире. Это не физический крест, а все страдания Его. И, неся крест этих страданий, Он молился: „Отче Мой, аще возможно, да мимо идет от Мене чаша сия, обаче не якоже Аз хощу, но яко Ты“. Если же допустить, что крест в браке может быть не по силам человеку, то отсюда

*Миссионер Алексей Зверев.
Рисунок В. В. Богдановича*

напрашивается такой вывод, что крест всей жизни может быть не по силам человеку, и тогда человеку придется развестись с жизнью, то есть кончить жизнь самоубийством. Может быть, этот вывод и не верен, но совесть моя неспокойна, и я не могу согласиться с предложенной статьей. В Писании сказано: развод не допускается „разве словесе любодейнаго“ и более ничего»²³¹.

Как особый пункт на Соборе обсуждались гонения на Русскую Православную Церковь и средства, какими можно было бы им противостоять. Алексей Данилович сказал: «Из прочитанного здесь доклада мы слышали, что гонения против Церкви усилились после издания декрета об отделении Церкви от государства. <...> Собору нужно напрочь все силы и добиваться отмены этого декрета. Народ часто вовсе и не знает об этом декрете или не понимает его смысла. Часто даже не понимает того, что он имеет право выражать свое мнение по поводу действий правительства. Я был свидетелем, как <...> священник после обедни разъяснял своим прихожанам значение этого декрета и просил прихожан протестовать против него. И что же, нашлись люди, которые говорили священнику: ведь это распоряжение власти, а разве мы не должны служить власти? Я думаю, что нам нужно употребить все усилия к тому, чтобы рассеять равнодушие народа, нам нужно требовать, чтобы священники на местах разъясняли народу значение декрета, а также то, что народ имеет право протестовать. Нужно внушать народу, что служить власти можно только до тех пор, пока она не заставляет отречься от всего святого, чем жил народ доселе.

Собор должен вменить в обязанность священникам, чтобы они разъясняли все это народу. Нужно, чтобы повсюду составлялись протесты, чтобы протесты эти подписывались всеми христианами, нужно, чтобы раздался

мощный голос народа против декрета об отделении Церкви от государства»²³².

В соответствии с замечанием Алексея Даниловича, некоторые соборяне предложили сделать дополнение, в котором бы каждому православному христианину вменялось в обязанность протестовать против декрета об отделении Церкви от государства, но это дополнение не было принято Собором²³³.

4/17 июля Святейший патриарх Тихон и Священный Синод в соединенном присутствии с Высшим Церковным Советом постановили для выяснения обстоятельств ареста архиепископа Пермского Андроника (Никольского) командировать в Пермь членов Собора — епископа Челябинского Серафима (Александрова) и крестьянина Николая Григорьевича Малыгина. Однако по не зависящим от них обстоятельствам они не смогли тотчас отправиться в Пермь. Вместо них 3/16 августа было решено отправить комиссию в лице благочинного ставропигиальных монастырей архиепископа Василия (Богоявленского)*, ректора Пермской духовной семинарии архимандрита Матфея

*Архимандрит Матфей
(Померанцев). Рисунок
В. В. Богдановича*

---

* Священномученик Василий, архиепископ Черниговский (в миру Василий Дмитриевич Богоявленский; 1867–1918); память 14/27 августа.

(Померанцева)* и миссионера Московской епархии Алексея Даниловича Зверева, о чем на заседании, состоявшемся 21 августа 1918 года, было сообщено членам Собора²³⁴.

В соответствии с поручением Собора, архиепископ Василий и Алексей Данилович сразу же отправились в Пермь, куда прибыли рано утром 23 августа. Они остановились в архиерейских покоях, а ранее прибывший туда архимандрит Матфей, как ректор Пермской семинарии, в своей квартире при семинарии. На следующий день архиепископ Василий стал приглашать к себе свидетелей ареста архиепископа Андроника, чтобы опросить их обо всех обстоятельствах происшедшего. За те несколько дней, что члены комиссии были в Перми, им удалось собрать все сведения, касающиеся ареста и последних дней жизни архиепископа Андроника. Недалеко они были и от того, чтобы установить место мученической кончины и погребения архипастыря.

По завершении работы комиссии архиепископ Василий встретился с представителями советской власти, которые заверили его, что будут всячески содействовать благополучному отъезду комиссии из Перми. О том же хлопотал и епископ Соликамский Феофан (Ильменский)***, которому власти пообещали, что членам комиссии будет предоставлено для поездки купе второго класса. Управление железной дороги направило телеграфом на станцию Пермь II распоряжение администрации вокзала — оказать содействие членам Церковного Собора в отправке их из Перми в Москву.

---

* Преподобномученик Матфей (в миру Михаил Владимирович Померанцев; около 1881–1918), архимандрит; память 14/27 августа.

** Священномученик Феофан, епископ Соликамский (в миру Сергей Петрович Ильменский; 1867–1918); память 11/24 декабря.

Поезд отправлялся под утро, и членов комиссии снабдили специальными пропусками для проезда по городу в ночное время. 26 августа в 10 часов вечера был подан экипаж для архиепископа Василия и Алексея Даниловича, который доставил их к 11 часам на станцию Пермь II. У архиепископа, кроме личных вещей, были собранные комиссией материалы расследования, а также значительная сумма денег, которую Пермская епархия передавала для Поместного Собора. К 4 часам утра тот же экипаж доставил на вокзал архимандрита Матфея и провожавшую его сестру. На улицах было пусто, безлюдно было и внутри вокзала. У платформы уже стоял почтово-пассажирский поезд, но еще без паровоза. У всех входов в вагоны стояли вооруженные красноармейцы. На платформе к отцу Матфею подошел комендант станции и указал на нужный ему вагон. Вагон, вместо обещанного второго, был третьего класса и находился в середине поезда, между приспособленными под пассажирские перевозки товарными вагонами. Увидев это, отец Матфей смутился. На первых от входа нижних местах расположились архиепископ Василий и Алексей Данилович. Оба в этот предрассветный час глубоко спали. В следующем купе было отведено место архимандриту Матфею. Все остальные места в вагоне занимали солдаты — они были с оружием, но без вещей, что весьма удивило сестру отца Матфея. Никто из солдат не спал, но держались они внешне дружелюбно.

Незадолго до отправления поезда главного кондуктора вызвал к себе комендант станции и распорядился, чтобы кондуктор остановил состав сразу же после того, как он проедет мост через Каму. Разговор коменданта с кондуктором проходил в присутствии комиссаров, и тот при них не решился спросить, зачем нужна столь странная остановка почти сразу же после отправления. Когда

Мост через реку Каму

поезд тронулся и миновал мост, кондуктор дал красным флажком знак машинисту, и тот остановил поезд. Из вагона, в котором ехали члены комиссии, вышли вооруженные красноармейцы во главе с комиссарами, затем вышли архиепископ Василий, архимандрит Матфей и Алексей Данилович Зверев, которым было объявлено, что надо будет идти пешком до ближайшего разъезда, где состоится посадка на другой поезд. Как только они вышли, кондуктору было приказано, чтобы он подал знак машинисту отправляться. Поезд тронулся, оставляя у железной дороги обреченных на смерть один на один с их убийцами. До разъезда, к которому предлагалось идти, было около версты, и все туда двинулись. Часть красноармейцев пошла впереди соборян, часть — позади. Не доходя до семафора, комиссар приказал всем остановиться, а соборянам, которые к этому времени уже поняли, к чему клонится дело, положить вещи на землю. Те стали спрашивать, за что их арестовали. Вместо ответа комиссар подошел к одному из арестованных и выстрелил в него три раза в упор. Алексей

Данилович, сбросив мешавшую ему дорожную сумку, бросился бежать в сторону леса, но красноармейцы открыли по нему стрельбу из винтовок, и он был убит. Архиепископ Василий и архимандрит Матфей были ранены, и красноармейцы закололи их штыками. Один из комиссаров забрал материалы расследования и церковные деньги. Убив членов соборной комиссии, красноармейцы сняли с убитых сапоги и взяли их припасы, сухари и сахар и разделили между собой. Сразу же после убийства они позавтракали находившимися в корзинке дорожными припасами, в частности пирожками с малиновым вареньем, которые испекла им в дорогу сестра архимандрита Матфея. Затем они оттащили тела убитых в небольшой лесок неподалеку от полотна железной дороги и прикопали в неглубокой яме между двух берез. Могила легко просматривалась через редкие деревья из окон проходящих поездов, и чтобы ее не было видно, красноармейцы срубили ель и пихту и бросили их друг на друга крест-накрест, и под их ветвями могила с железной дороги была уже не видна.

Вернувшись через сутки на станцию Пермь II, главный кондуктор состава, везшего соборян, спросил комиссара: почему были высажены из поезда пассажиры? Свой вопрос он объяснил тем, что ему нужно будет отчитываться в незапланированной остановке поезда перед начальством. Комиссар ответил, что это был высажен Черниговский архиепископ, который вместе со своими товарищами был расстрелян. «Но если ты расскажешь об этом, — пригрозил комиссар, — то мы всю твою бригаду расстреляем!»

Поздно вечером под праздник Успения Пресвятой Богородицы, 27 августа, в сторожке рядом с мостом через Каму, который охранялся красноармейцами, раздался телефонный звонок и сторожу было сообщено, что ночью к мосту прибудет моторная лодка и чтобы в нее

не стреляли. Далеко за полночь в будку сторожа явились два члена Чрезвычайной комиссии и вместе с охранявшими мост красноармейцами отправились к месту расстрела. Вынув тела убитых из могилы, они раздели их донага и перетащили в стоявшую у берега моторную лодку. Выехав затем на середину реки и обвязав каждое тело цепями, они сбросили их в воду — отправили в «камский комитет», как называли в то время реку Каму чекисты. После этого они вернулись в сторожку, набрали у сторожа дров и вновь отправились на место могилы, где разожгли костер, чтобы сжечь вещи казненных и таким образом уничтожить улики преступления. Несгоревшие остатки вещей они сбросили в яму и забросали землей. Впоследствии они были опознаны свидетелями, привлеченными следственной комиссией белых, как вещи убитых членов Поместного Собора — архиепископа Василия, архимандрита Матфея и Алексея Даниловича Зверева²³⁵.

*Память священномученика Василия (Богоявленского),
преподобномученика Матфея (Померанцева)
и мученика Алексея Зверева празднуется
14/27 августа.*

ПРИЛОЖЕНИЕ

¹ Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. 7. Вып. 1. Промыслы Московской губернии. М., 1882. С. 332.

² Там же. Вып. 2. Женские промыслы Московской губернии. М., 1882. С. 233.

³ Там же. С. 291.

⁴ Речь идет о разделении на «окружников» и «протоокружников» в белокриницком (австрийском) поповском согласии. История написания «Окружного послания» и произведенного им действия такова. По пояснению архимандрита Павла (Леднева) «мнения окружников с учением основателей раскола не согласны. Протоокружники суть те же самые „старообрядцы по австрийскому священству“, которые явились с 1846 года, и не они отделились от окружников, а окружники отделились от них, оставшихся верными всем неправым учениям предков о Православной Церкви.

Разделение поповцев австрийского согласия на протоокружников и окружников последовало спустя шестнадцать лет по учреждении австрийской иерархии, именно в 1862 году. Житель одного из слободских старообрядческих монастырей Черниговской губернии, Иларион Егоров [то есть Иларион Егорович (Георгиевич) Кабанов; 1819–1882], который впоследствии присвоил себе наименование „Ксенос“, то есть странник, человек начитанный, светлого

ума и доброй жизни, понял несправедливость старообрядческих хулений на имя Спасителя, пишемое и произносимое в Православной Российской Церкви, согласно греческим и славянским древлеписьменным харатейным книгам *Иисус*, под которым будто бы Великороссийская Церковь верует в какое-то другое лицо, а не во Христа Спасителя, распятого при Понтийцем Пилате, также несправедливость хулений старообрядцев на четвероконечный крест, называемый у них сенью ветхого завета, кумиром и мерзостью запустения, а равно и других раскольнических хулений на Церковь. Соболезнуя о сем и видя в сих хулениях богохульство, он возымел ревность очистить от оных старообрядчество. Приехав в Москву и занявшись здесь рассмотрением памятников древности, он еще более утвердился в справедливости своих мнений о нечестии раскольнического учения о имени *Иисус*, кресте четвероконечном и др. Склонив на свою сторону тогдашнего наместника Белокриницкой митрополии Онуфрия [(Парусова), лже-епископа Браиловского, в 1865 году присоединившегося к Православной Церкви и оставшиеся 30 лет жизни бывшего простым иноком в Никольском единоверческом монастыре в Москве; 1816–1894], находившегося по делам в Москве, Иларион Егоров убедил его в необходимости издать от имени всех старообрядческих епископов им же, Иларионом, написанное сочинение под названием: *Окружное послание*. В сочинении сем он высказал, что Церковь Древнегреческая и Киевская имя Спасителя писала и произносила *Иисус*; о Великорусской Московской Церкви он того высказать не решился, боясь, как бы тем не раздражить именуемых старообрядцев и не повредить бы делу *Окружного послания*, а высказался уклончиво, что Московская Церковь это спасительное имя *Иисус*, в Малой России пишемое и произносимое, видела, но не

порицала, и на то выставил свидетельства, откуда и вывел заключение, что и им, старообрядцам, последующим московскому древлеправославию, оное спасительное имя *Иисус*, пишемое и произносимое нынешней Великороссийской Церковью, не должно порицать, а паче не должно под оным разуместь иного бога. Так же и о кресте четвероконечном, что ему должно воздавать честь, подобающую Кресту Христову, он делал сильные от старопечатных книг доказательства. Вину же за хуления на имя Спасителя *Иисус* и на крест четвероконечный всю он возложил на беспоповцев, хотя в сих хулениях не менее повинны и поповцы: это он сделал для того, чтобы поповцам удобнее было принять *Окружное послание*, как направленное якобы только против беспоповцев. А что в хулениях на имя *Иисус*, на крест четвероконечный и в прочих с беспоповцами участвовали и все поповцы, за исключением немногих светлых умом личностей, это видно из того самого, что *Окружное послание* возбудило в среде поповцев жаркие споры и встретило великое число противников: этого бы никак не могло быть, если б поповцы не держались одинаково с беспоповцами указанных в Послании нечестивых учений о имени Спасителя *Иисус*, о кресте четвероконечном и проч. Иларион с большими поклонами едва мог уговорить австрийских епископов подписать *Окружное послание*, хотя наместник митрополии Онуфрий и сильно его поддерживал: изданию Послания особенно противился Антоний Московский, — уговорить его стоило больших трудов. Послание было подписано 24 февраля 1862 года: день этот и считается днем его издания. Тогда только Иларион Егоров принял от австрийских епископов благословение — а дотоле он под благословение к ним не подходил.

Вскоре по издании *Окружного послания* поповцы поняли, что оно не против беспоповцев направлено, но

против их самих и их предков, что они обманулись, приняв *Окружное послание*; и сами епископы, подписавшие послание, поняли это, начали от него отказываться; были, однако, и защитники Послания. Между теми и другими воздвиглась буря междоусобных распрей и споров: одни других обвиняли в еретичестве — тогда и последовало разделение на *противоокружников* и *окружников*. Противоокружники укоряли окружников в отступлении от предания предков; окружники, напротив, доказывали противоокружникам древность произношения имени Спасителя *Иисус* и, укоряя их, говорили: ежели, как вы признаете, Греко-Российская Церковь под именем *Иисуса* верует во иного бога, то и митрополит Амвросий, и первые наши, бывшие до Амвросия попы крещены и поставлены во имя иного бога, а потому вы не крещены во имя истинного Бога, во Святую Троицу, и вам нужно, как перекрещенцам, снова креститься, и архиереи ваши и священники суть не архиереи и не священники. Кирилл Белокриницкий, предупрежденный неокружниками, принял их сторону; он издал запрещение на *Окружное послание* и писал митрополиту Амвросию на место его заточения жалобу на российских австрийского поставления епископов, что они вводят новины в церковь, по поводу коих воздвизаются распри и разделения. Амвросий, по жалобе Кирилла, издал на окружников запрещение. Тогда окружники отправили от себя послов митрополиту Амвросию с разъяснением действительного положения дела, раскрыли ему, что в *Окружном послании* отвергаются хулы на имя Спасителя *Иисус* и на четвероконечный животворящий крест, что не принимать оное — значит хулить и имя Христово, и крест Христов. Амвросий послал запрещение противоокружникам и вскоре потом умер. Перед кончиною он мог таким образом еще яснее видеть, каким хулителям святой Церкви он воздвиг

епископскую кафедру. Кирилл после этого перешел также на сторону окружников, но вскоре опять передался противокружникам. И так постоянно, до самой своей смерти переходил то на сторону одних, то на сторону других, смотря по тому, кто последний покупал его деньгами — противокружники или окружники. И сами епископы, подписавшие *Окружное послание*, неоднократно подвергали его уничтожению. <...> Кирилл, склонившись за деньги на сторону противокружников, поставил им особого епископа на Московскую кафедру, некоего Антония [(Климова)] <...>. С этого времени австрийская иерархия разделилась надвое: на противокружническую и окружническую; обе считают одна другую еретическими, и борьба между окружниками и противокружниками с этого времени сделалась еще упорнее и непримиримее. <...>

Окружники успели завладеть Рогожским кладбищем, где открыто теперь служат их попы: это им дало большое преимущество перед противокружниками не только в Москве, но и в других местах России»*.

Противокружники к началу XX века разделились на три враждующих между собой и окружниками течения — иосифовцев, даниловцев и йовцев, именовавшихся по именам своих «епископов». В советское время иерархия у противокружников из-за репрессий, проводимых советской властью, прервалась, и они впали в положение беспоповцев. Окружники сохранили свой Рогожский центр и ныне именуют себя Русской православной старообрядческой церковью (до 1988 года — Древлеправославной церковью Христовой).

---

* *Архимандрит Павел*. Краткие известия о существующих в расколе сектах, об их происхождении, учении и обрядах, с краткими о каждой замечаниями. М., 1905. С. 29–33.

Автор текста «Окружного послания» заявлял, что оно было издано белокриницкими епископами, «освященным собором», «дабы церковь наша не имела отнюдь ни единого порока, или краски беспоповских зловредных мудрований, <...> и дабы правительство, видя наше чистое и прямое понятие, даровало нам терпимость и свободу»*.

Что касается первой задачи, то, как указывал Н. И. Субботин, Ксенос понимал, «что эти учения суть наследие предков, что они заповеданы первоучителями раскола, а потому обязательны и для самих поповцев, доколе они пребывают в расколе; но тем не менее воспыал ревностью очистить старообрядчество, приемлющее иерархию, от этих пагубных лжеучений, не имея, однако же, намерения соединить его с Церковью, тем паче признать виновным перед Церковью. <...> Предприятие Илариона не имело и не могло иметь успеха. Окружное послание, смело и решительно восставая против исконных и коренных раскольнических лжеучений (хотя и названных в Послании собственно лжеучениями беспоповцев, обносимыми в некоторых составленных ими ложных тетрадах), этим самым необходимо должно было вызвать негодование и противодействие во всех раскольниках-поповцах, преданных сим, от предков наследованным лжеучениям, в которых воспитались и с которыми сжились. А желая сохранить старообрядчество и по очищении от ложных понятий о Православной Церкви все-таки в отделении от Церкви и представить неповинным перед Церковью, Окружное послание обнаруживало этим свою внутреннюю непоследовательность»**.

---

* Окружное послание, составленное И. Г. Ксеносом и изданное старообрядческими епископами 24 февраля 1862 г., с приложением Устава и Омышления, составленных тем же автором / Изд.-сост., автор предисл. и примеч. Н. И. Субботин. М., 1893. С. 179.

** Там же. С. 7–8.

Таким образом, из-за двусмысленности и противоречивости «Окружного послания» его действие на белокриницкое старообрядчество можно сравнить с приставлением новой заплаты на ветхую одежду — те правдивые моменты, которые в нем содержались, неизбежно привели к раздраению их сообщества. Это напрямую было связано и с тем, что сами окружники имели во многом противоположные взгляды на Послание, и с тем, что богословская полемика вокруг «Окружного послания» с самого начала была инструментом политико-групповой борьбы за кафедры, власть, материальные ресурсы и т. п.

Достижение второй задачи, исходившей из стремления раскольнической белокриницкой иерархии к легализации, в условиях нарастающей секуляризации общества и равнодушия власть имущих к вере и Церкви, при постоянной «золотой» политике раскола становилось вопросом времени. Окончательно она была решена в 1905 году дарованием Указа «Об укреплении начал веротерпимости», предоставившего такие права расколу, которых не имела в то время и Православная Церковь (например, права созыва Соборов и независимого от государственной власти назначения архиереев).

⁵ МГОМЗ. Ф. «Редкие, рукописные и старопечатные книги». Ед. хр. А-1838. Л. 1–5.

⁶ Московские церковные ведомости. 1913. № 28. С. 564.

⁷ Там же.

⁸ К истории церковно-приходских школ Московской епархии. М., 1910. С. 325.

⁹ Там же. С. 340.

¹⁰ Московские церковные ведомости. 1913. № 28. С. 563.

¹¹ Там же. 1896. № 34. С. 441.

¹² Григорий (Постников), архиепископ Казанский. Истинно древняя и истинно православная Христова Церковь. Изложение в отношении к глаголемому старообрядству. СПб., 1855.

¹³ Журнал был посвящен изучению и критике раскола, издавался основанным в 1872 году московским противораскольническим Братством святителя Петра митрополита в 1875–1917 годах (с перерывами в 1877–1882 годах, в 1900 – апреле 1906 года, когда Братство опубликовало «Материалы для истории раскола за первое время его существования»). В XIX веке его редактором и одним из основных авторов наряду с архимандритом Павлом был профессор Московской духовной академии Н. И. Субботин; по преимуществу их трудами раскрывалась одна из важнейших тем журнала — исследование истории и учений нововозникшей Белокриницкой иерархии.

¹⁴ Большим (или Великим) катехизисом именовался в старообрядческой среде катехизис, составленный видным юго-западнорусским православным духовным писателем и апологетом, протопопом города Корец на Волыни Лаврентием Ивановичем Зизанием (50–60-е гг. XVI в. – после февраля 1634 г.), изданный в 1627 году в Москве, как ошибочно считалось, по благословению патриарха Филарета. Полное название издания: «Книга, глаголемая по-гречески катехизис, по-литовски оглашение, русским же языком нарицается беседословие. Избрана от божественных писаний, Евангельские проповеди и Апостольских учений и святых богоносных отец в вопросах и ответах, рекше во образе хотящего разумети, и во образе могущего разум дати». Это догматико-полемическое сочинение, как печатное московское (не «литовское», не поврежденное по причине издания в латинских, неверных странах), дониконовское («при первых пяти патриархах»)

вероизложение пользовалось авторитетом и широко распространялось и переписывалось в старообрядческой среде; бытовали и печатные издания, старообрядческие (вышедшие в 1780-е годы, в тогда польском Гродно) и единовременческие (в 1870-е годы, в Пскове и Москве). Малым катехизисом в отличие от него называли сборник «Собрание краткия науки об артикулах веры», изданный в 1649 году при патриархе Иосифе отредактированный перевод краткого катехизиса (1645 г.) Киевского митрополита Петра (Могила) с добавлением ряда святоотеческих текстов. Оба катехизиса были переведены с западнорусского литературного языка, находившегося под влиянием польского, на русский извод церковнославянского языка и отредактированы. На самом деле Большой катехизис, значительно поправленный и напечатанный пробными листами на Московском печатном дворе в 1627 году, затем по повелению патриарха Филарета был обсужден автором с московскими книжниками, в итоге не получил церковного благословения и употребления в силу ряда вероучительных ошибок и неясностей. Библиографически описывается как «издание неоконченное; ни в одном из сохранившихся экземпляров нет послесловия с датой выхода»*.

Лаврентий Зизаний написал свой катехизис в 1620-е годы в русле наиболее актуальной для гонимой в польско-литовском государстве Православной Церкви вероучительной полемики, ведо́мой как против католиков (униатов и латинян), так и против протестантов (лютеран и кальвинистов), широко используя, как и другие западнорусские православные апологеты того времени, уже сложившиеся аргументы и терминологию католико-протестантской

---

* Зернова А. С. Книги кириллической печати, изданные в Москве в XVII–XVIII веках. М., 1958. С. 34.

полемики, — но по обстоятельствам православно-униатских отношений тех лет в Киеве напечатать полемическое сочинение не мог. В 1626–1627 годах Лаврентий Зизаний приезжал с грамотами Киевского митрополита Иова (Борецкого) к царю и патриарху из Киева в Москву и был принят с почетом; одной из его целей (по мнению некоторых исследователей главной) было предложить свой катехизис на рассмотрение и рассуждение («исправу») патриарху Филарету. Патриарх, в условиях конфессиональной полемики очень нуждаясь в такого рода катехизисе (в Московском патриархате его еще не было) и при этом остерегаясь «литовских» мнений и изданий (по мнению той эпохи, испорченных инославным влиянием), приказал рассмотреть и исправить книгу и затем о всех неправильных или сомнительных местах с Лаврентием «поговорити любовным обычаем и смирением нрава»*.

Прения между Лаврентием Зизанием и справщиками продолжались три дня и касались ряда ошибок, которые и после предварительного исправления оставались в катехизисе (в напечатанных пробных листах). Ошибки, от которых Лаврентий должен был отказаться, имели католический или протестантский, иногда взаимоисключающий характер, некоторые из них были связаны с невыработанностью богословской терминологии, иные ошибки он приписал переводчику. Было ясно, что даже исправленный текст в значительной мере не соответствует, противоречит великорусской богословской традиции, ошибочные

---

* Прение литовского протопопа Лаврентия Зизания с игуменом Илиею и справщиком Григорием по поводу исправления составленного Лаврентием Катехизиса // Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым. М., 1859. Т. 2. Отд. 11. С. 81.

или неточные выражения могут произвести смущение в духовенстве и народе; при этом упорная защита представителем Киевской митрополии этих ошибок на прениях показала, что они не случайны и в Киеве их могут держаться. «Как представляется, споры с Зизанием послужили толчком к установлению запрета на ввоз в Россию „литовских“ „печатных и письменных книг“»*.

Характерно, что, несмотря на внутреннюю противоречивость и наличие вероучительных ошибок в труде Лаврентия Зизания, несмотря на сомнение у старообрядцев в чистоте православия в книгах авторов «литовского» (киевского) происхождения, их полемисты охотно цитировали выборочные положения Большого катехизиса, способные, по их мнению, быть аргументами как в спорах между поповскими и беспоповскими согласиями, так и с Православной Церковью. Это же можно сказать и об использовании Малого катехизиса, несмотря на отрицательное отношение к трудам и имени митрополита Петра (Могила).

¹⁵ Обычное библиографическое описание: Кириллова книга. М., 1644. Более точное описание издания: Сборник «Кириллова книга». М., 1644 — в каталогах: *Зернова А. С.* Книги кириллической печати, изданные в Москве в XVII–XVIII веках. М., 1958. С. 59; *Рукописи XVI–XX вв. из коллекции Института истории СО РАН / сост. А. И. Мальцев и др.; отв. ред. Н. Н. Покровский, Е. К. Ромодановская.* Новосибирск, 1998. С. 378. Еще более точное описание: Сборник, известный под названием «Кириллова книга». М., 1644 — дано в: *Бурцев А. Е.* Обстоятельное библиографическое описание редких и замечательных книг. Том VI. СПб., 1902. С. 124.

---

* *Флоря Б. Н.* Лаврентий Зизаний в России // Вестник церковной истории. 2012. № 1/2 (25/26). С. 259.

Старообрядцы появившимся печатным переизданиям (в конце XVIII — начале XX веков; Гродно, Москва) будут давать название: «Книга Кириллова» или «Кириллова книга».

«Книга, именуемая Кириллова, есть не что иное, как сборник разных статей, составленных в разные времена известными и неизвестными сочинителями о разных предметах, особенно же направленных против латын, люторов и армян»*.

Так называемая «Кириллова книга» — важнейший для старообрядцев догматико-полемический сборник, напечатанный в Москве в 1644 году повелением царя Михаила Феодоровича. О благословении соборном или патриаршем в издании не говорится, что подчеркивали православные полемисты в ответ на неверные утверждения старообрядцев о выходе издания по благословию соборному или патриарха Иосифа (например в «Поморских ответах» начала XVIII века), надо учитывать и сложность взаимоотношений царя и патриарха в вопросе полемики с инославными. В послесловии сборник представляется как «книга избранная от святых писаний на еретики и расколники наша православная христианская веры, на римляны и латыни, на люторы же и калвины»**.

Но редакторы-составители, а затем и старообрядческие апологеты, несправедливо говорили, что сборник, представляющий собой изъяснение православного вероучения в виде возможно полного историко-богословского обзора различных ересей, составлен от святых писаний и святых отцов: он состоял почти полностью из сочинений

---

* *Архимандрит Павел*. Замечания на книгу Поморских ответов. М., 1890. С. 214.

** Сборник «Кириллова книга». М., 1644. Л. 588 об.

юго-западнорусских авторов второй половины XVI — начала XVII веков и содержал лишь незначительное количество святоотеческих, а также греческих и русских полемических текстов.

В полемически заостренном сборнике имелись и радикально-апокалиптические утверждения о наступившем уже царстве антихриста (по сути еретические), и поэтому «Кириллова книга» имела важнейшее значение для находящихся в старообрядческом расколе, считавших ее подтверждающим основанием необходимости и законности их отделения от Церкви, по их мнению — от антихристовой еретичествующей лже-церкви, и по своей важности оценивалась ими как высокоавторитетная, находящаяся в ряду святоотеческих творений. Как таковая книга активно использовалась и в полемике как старообрядцами, в том числе и в вопросах о крестном знамении, в подтверждение двуперстного сложения и о точном, по их мнению, чтении текста Символа веры, так и православными, например, в утверждении вечности священства (о чем и говорил Алексей Данилович Зверев), о вечном же приношении Христовой жертвы, о кратковременном царствовании последнего антихриста и по некоторым обрядовым вопросам.

«Наряду с истинными мыслями, в ней [„Кирилловой книге“] есть и еретические; наряду с хорошими статьями в ней помещено много вымышленных, неприличных сказаний, заимствованных неизвестно откуда, искаженных историй без всякого разбора и предварительной оценки»*.

«Кириллова книга» была печатным изданием (с перестановкой глав и незначительными изменениями состава) одного из вариантов составленного в Москве в начале

---

* *Лилов А. И.* О так называемой Кирилловой книге. Казань, 1858. С. 234.

1620-х годов рукописного сборника с самоназванием «Просветитель Литовский». «В „Кирилловой книге“ был представлен основной репертуар бытующих в русской рукописной традиции первой половины XVII в. полемических сочинений Киевской митрополии, что стало итогом их распространения в московской книжности. Новых произведений, неизвестных до того русскому книжнику, „Кириллова книга“ не содержала»*.

Ближайшим контекстом подготовки сборника к печати справщиками Печатного двора (прежде всего протопопом кремлевского собора Черниговских чудотворцев Михаилом Роговым и ключарем Успенского собора Иоанном Шевелевым-Наседкой) были прения о вере в связи с желанием царя Михаила Феодоровича сочетать браком дочь царевну Ирину с датским принцем лютеранином Вольдемаром при условии принятия тем православной веры (через крещение, хотя тот не считал возможным «перекрещиваться»).

Смысловым ядром сборника, давшим ему пользовательское именование, было сочинение, помещенное составителями первой частью (статьей), с названием: в оглавлении — «Книга иже во святых отца нашего Кирилла архиепископа Иерусалимского на осмый век», а на первом листе самого текста — «Иже во святых отца нашего Кирилла архиепископа Иерусалимского сказание на осмый век, и предание к познанию веры, яко Христос паки приити имать судити живым и мертвым, егоже царствию не будет конца, о антихристе от пророка Даниила». Но это было не сочинение святителя Кирилла, а переименованное составителями уважаемое в Москве произведение

---

* *Опарина Т. А.* Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. Новосибирск, 1998. С. 226.

юго-западнорусского писателя второй половины XVI века, борца против унии Стефана Зизания «Казанье святого Кирилла, патриархи Иерусалимского, о антихристе и знаках его, з розширением науки против ересей розных» (Вильна, 1596). При публикации было снято имя автора произведения, посвящение и панегирик князю Константину Острожскому, а сам текст дан в переводе с юго-западнорусского литературного языка (так называемой «простой мовы») на русский извод церковнославянского языка.

Произведение Стефана Зизания имело характер полемического противокатолического трактата, пространные тезисы которого были нанизаны на главки святителя Кирилла Иерусалимского из его 15-го огласительного слова (поврежденного двойным, часто некачественным переводом — с греческого языка на юго-западнорусскую «простую мову», с нее на церковнославянский язык). Архимандрит Павел обращал внимание на то, что это сочинение неверно «в именуемой Кирилловой книге вместо толкования на седьмой член Символа названо „сказанием на осмый век“»; а автор «местами так смешал свои мнения или толкования со словами св. Кирилла, что трудно разобрать, что именно принадлежит св. Кириллу, а что Зизанию, — иногда свои слова он даже приписывает как бы св. Кириллу... При таком смешении речей св. Кирилла и самого толкователя редкие понимают, что это „сказание на осмый век“ в большей своей части принадлежит Стефану Зизанию, а почитают его за слово св. Кирилла»*. Более того, это сочинение «не может даже быть названо толкованием слова св. Кирилла Иерусалимского, потому что

---

* *Архимандрит Павел*. Замечания на книгу Поморских ответов. М., 1890. С. 214–215.

выводит из этого слова такие мысли, каких не было и не могло быть у св. Кирилла»*.

Сочинение содержит «две главных мысли, по отношению к которым имеет значение все изложение, именно: 1) мысль о том, что в осмом веке должны совершиться второе пришествие Христа на землю и кончина мира; 2) что уже существуют на деле и признаки близости этих событий, особенно в том, что антихрист уже пришел и царствует на земле в лице Римского Папы»**.

Приведя «слова св. Кирилла: Христов приход возвещаем, не токмо первый, но и второй, перваго славнейши, Зизаний непосредственно затем прибавляет свои слова: иже имать быти во осмом веце»***, причем восьмой век понимается им как конкретное указание на времена и сроки — как восьмое тысячелетие по сотворении мира. «Утвердившись в мысли о кончине мира в восьмой тысяче лет, Зизаний, как мы могли уже частью заметить, не менее старался уверить себя и других в том, что из восьмой тысячи лет его время было самое близкое к кончине мира. Чтобы подтвердить эту новую мысль, он усиливается во всем окружавшем его выискать признаки близкой кончины мира чрез приложение к современным ему обстоятельствам слов св. Кирилла Иерусалимского. Особенно Зизаний при этом имеет в виду латинство»****.

Но в православном святоотеческом понимании восьмой день или восьмой век трактуется иначе, даже обратным образом: так именуется жизнь будущего века. По изъяснению преподобного Иоанна Дамаскина, «считается

---

* Лилов А. И. О так называемой Кирилловой книге. Казань, 1858. С. 234.

** Там же. С. 116.

*** Там же. С. 121.

**** Там же. С. 142.

семь веков этого мира, то есть от сотворения неба и земли до общего конца и воскресения людей. Ибо есть частный конец — смерть каждого, но есть и общий и совершенный конец, когда будет общее воскресение людей. А восьмой век — будущий»*. Вторая мысль, как и первая, исходила из непосредственной обстановки написания Стефаном Зизанием «Казанья о антихристе» — тяжелейших гонений на православие от Католической церкви и католической государственной власти в самое трагическое время в истории Киевской митрополии, то есть измены большинства православных архипастырей (книга была напечатана за несколько месяцев до Брестской унии). «В подобном положении Православной Церкви действительно не было ничего отрадного. Мысль о возможной близости последних времен мира могла родиться у Зизания. Но в праве ли был из этого Зизаний *решительно* заключать и уверять своих современников, что они живут уже *в скончании века*, что настало уже царство антихриста и *вскоре* откроется второе Христово пришествие?»**.

Изъясняя знамения наступления конца мира и прихода антихриста, Зизаний писал, что эти знамения сбываются на глазах, конец мира совсем приблизился, а предтечею антихриста или даже «последним антихристом»*** является Римский папа, имея в виду папство как институт; свидетельством о наступающем конце мира явилось отступничество православного епископата в унию и подчинение его папе. Доказательства того, что антихристом является Римский папа, Зизаний во многом избирал из

---

* *Иоанн Дамаскин, преподобный*. Точное изложение православной веры. Книга 2. Глава 1. О веке.

** *Лилов А. И.* О так называемой Кирилловой книге. Казань, 1858. С. 119.

*** Сборник «Кириллова книга». М., 1644. Л. 24 об.

трактата голландского теолога кальвиниста Зибранда Любберта «De Papa Romano»*.

Ложно-апокалиптическое направление в «Кирилловой книге» отражало духовное состояние руководителей раскола и само повлияло на него и стало драгоценным для находящихся в расколе до сего дня — для оправдания их отпадения от Церкви.

¹⁶ Сборник «Кириллова книга». М., 1644. Л. 77.

¹⁷ Так называемое «Феодоритово слово» — широко использовавшийся в полемике защитниками двуперстного сложения при крестном знамении псевдоэпиграфический памятник русской письменности XV века, изначально составленный неизвестным автором в защиту троеперстия; древнейший, по видимости, известный список находится в рукописном сборнике соловецкого архимандрита Досифея (1460 г.). В подавляющем большинстве списков до начала XVII века написано: «Слово Феодорита, како благословити и крестити. Сице благословити рукою и креститися: три персты равно (в некоторых списках: равны) имети вкупе, по образу Троицеску». По указанию академика Е. Е. Голубинского, «что так называемое Феодоритово слово (может быть, действительно принадлежащее какому-нибудь русскому Феодориту, а, по всей вероятности, окрещенное именем блаженного Феодорита одним из его первых переписчиков на том основании, что взято было им или из рукописи, содержащей творения блаженного Феодорита (толкование на Псалтирь), или из рукописи, в которой читалось вслед за выписками из блаженного Феодорита) первоначально написано в защиту троеперстия, это не может

---

* *Lubbert, Sibrand. De Papa Romano Libri decem, scholastice et theologice collati cum disputationibus Roberti Bellarmini. Franeker, 1594.*

подлежать сомнению»*. Первая попытка превратить в свидетельство о двуперстии «Феодоритово слово» принадлежит митрополиту Московскому Даниилу, опубликовавшему его в 4-м слове своего «Соборника» (1530-е гг.) со вставкой, менявшей смысл: «три персты равно имети вкупе, болшей да два последних, по образу Троицеску»**. Исправленный в защиту двоеперстия текст печатался в московских изданиях первой половины XVII века и вошел в основной корпус источников для старообрядческих полемистов.

¹⁸ Братское слово. 1896. № 8. С. 616–623.

¹⁹ *Филарет, митрополит Московский и Коломенский*. Пространный христианский катехизис православной кафеолической восточной Церкви. Изд. 66-е. М., 1886.

²⁰ Московские церковные ведомости. 1896. № 34. С. 441.

²¹ Братское слово. 1896. № 8. С. 623–625.

²² Московские церковные ведомости. 1896. № 34. С. 442.

²³ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 777. Д. 290. Л. 290 об.–291.

²⁴ Московские церковные ведомости. 1896. № 34. С. 442.

²⁵ Братское слово. 1896. № 8. С. 625–626.

²⁶ Московские церковные ведомости. 1896. № 34. С. 443–444.

²⁷ Протоиерей Иоанн Григорьевич Виноградов родился в 1827 году в погосте Усмерск Бронницкого уезда Московской губернии. В 1848 году он окончил Вифанскую

---

* Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. Период второй, московский. Том II. 2-я пол. тома. М., 1911. С. 477.

** НИОР РГБ. МДА. Фунд. собр. № 197. Л. 96.

духовную семинарию и в том же году был рукоположен во священника к коломенскому Успенскому собору, а через год переведен в Спасо-Преображенскую церковь в Коломне. В 1857 году он был направлен служить в Москву в Тихвинскую в Малых Лужниках церковь. С 1861 года он стал служить в церкви великомученицы Параскевы Пятницы, что в Охотном ряду, через два года — попросил митрополита Московского Филарета (Дроздова) дать ему благословение на ведение внебогослужебных бесед с православными и в особенности со старообрядцами. Благословение было дано. «Чтобы по достоинству оценить это дело, — пишет биограф протоиерея Иоанна, — не должно забывать, что... внебогослужебные собеседования с народом были в то время делом совершенно новым. Ныне доступные и научно обследованные старопечатные книги, которые составляют главную и самую прочную основу при собеседованиях, в эпоху 60-х годов были почти не исследованы, равно как не были выработаны и методы для правильного и успешного собеседования со старообрядцами. Точно так же недостаточны были еще исторически исследованы и вопросы о происхождении и причинах старообрядческого раскола, об австрийской иерархии и др.»*. Будучи членом Московского общества любителей духовного просвещения, отец Иоанн нередко брал с собой книги Нового Завета и духовно-нравственные и шел по вагонам поездов железной дороги, распространяя книги между пассажирами. Он жертвовал в Общество и свои книги для бесплатного распространения их в народе. В 1884 году отец Иоанн был возведен в сан протоиерея. В 1888 году он был переведен служить в Сергиевскую, что в Рогожской, церковь. «До самых последних дней его жизни церковный

---

* Московские церковные ведомости. 1901. № 34. С. 396.

амвон его приходского храма почти каждый воскресный и праздничный день служил местом произнесения поучений, и притом очень некротких. В последние годы его жизни основанная при Сергиевской, в Рогожской, церкви аудитория для вразумления старообрядцев видела на своей кафедре старца, властно и авторитетно вразумляющего заблудших»*. Протоиерей Иоанн скончался 14 июля 1901 года и был погребен близ южной стены алтаря храма в Спасо-Влахернском монастыре Московской губернии.

²⁸ Московские церковные ведомости. 1898. № 38. С. 514–515.

²⁹ Константин Сергеевич Алексеев (псевдоним — Станиславский; 1863–1938), родился в Москве в семье крупных фабрикантов. Алексеевы состояли в родстве с самыми богатыми купцами-промышленниками Москвы — Третьяковыми, Мамонтовыми; двоюродный брат К. С. Алексеева, Н. А. Алексеев, с 1885-го по 1893 год занимал должность городского головы в Москве. По окончании в 1881 году Лазаревского института восточных языков К. С. Алексеев работал на фабрике отца и стал одним из ее директоров. Одновременно участвовал в работе домашнего театра. В 1885 году он был избран членом дирекции и казначеем Московского отделения Русского музыкального общества и принял псевдоним Станиславский. После смерти в 1893 году отца и двоюродного брата был вынужден всерьез заняться делами фабрики и стал бывать на ней тогда ежедневно; был избран директором правления, в этой должности он находился до 1917 года. В 1898 году основал вместе с режиссером и педагогом В. И. Немировичем-Данченко Московский художественный театр, одним из принципов которого был отказ от постановки безнравственных

---

* Московские церковные ведомости. 1901. № 34. С. 397.

пьес. Впоследствии К. С. Алексеев стал известным актером и режиссером.

³⁰ ЦГА Москвы. Ф. 883. Оп. 2. Д. 861. Л. 70.

³¹ Там же. Л. 89.

³² «Беседа о том, где ныне находится
Церковь Христова

Предметом нашей беседы, любезные слушатели, на сей раз будет Церковь Христова, без которой невозможно наше спасение. В этом уверяет нас между прочим уважаемая старообрядцами книга „Большой катехизис“: „Кроме Церкви Божия, — говорится в нем, — нигдеже несть спасение. Якоже бо при потопе, вси елицы с Ноем в ковчезе не бяху истопоша, тако и в день судный, вси иже ныне в Церкви святей не будут, тии во езеро оное огненное ввержени будут“ (Большой катехизис, л. 121).

Но нужно твердо помнить при сем, братие, что Церковь, без которой невозможно наше спасение и о которой ныне намерены мы говорить, есть единая Церковь, как Един Господь наш Иисус Христос. „Верую во Единого Бога Отца, — читаем в Символе веры православной, — и... во едину святую соборную и апостольскую Церковь“. Впрочем, о том, что кроме Церкви Христовой невозможно получить спасение и что Церковь Православная есть едина, об этом, думаю, никто из zde стоящих спорить не будет.

Но вот вопрос многих, думаю, интересующий и весьма для нас важный: где эта единая, созданная Христом Церковь находится — у нас, православных, или у именуемых старообрядцев? Если у старообрядцев, то в каком именно обществе: в обществе ли поповцев — окружников или противокружников, или в обществе беспоповцев — федосеевцев, филипповцев, спасовцев и т. д., — всех не перечтешь? Каждый из этих толков старообрядцев считает

себя только единою святою соборною апостольскою Церковью, равно как и наша Православная Греко-Российская Церковь считает себя таковою; Церковь же сия остается все-таки единою — во едином обществе, во едином учении, во едином духе любви и правды. Итак, братие, нам предстоит решить весьма важный для нас вопрос: где, в каком обществе находится сия единая святая соборная апостольская Церковь?

Прежде чем приступить к решению сего вопроса, нам необходимо сначала узнать: что такое Церковь соборная и какие существенные ее свойства? Узнав это, мы тогда легко можем узнать и то, где находится сия святая Церковь — у нас, православных, или у кого из глаголемых старообрядцев.

Итак, что же такое Церковь соборная? Церковь сия, по учению уважаемой глаголемыми старообрядцами книги „Большого катехизиса“, „есть собрание всех верных Божиих, иже непоколебимую держат православную веру и в любви пребывают и облобызают же учение Евангельское непоколебимое, и иже суть достойны приимати Святыя и Божественныя Совершенныя Тайны, и иже суть под единою Главою Господем нашим Иисус Христом, а под правлением совершенных святых, от Него поставленных“ (Большой катехизис, л. 120 об.–121). Из сих слов уважаемой старообрядцами книги ясно видно следующее: 1) Церковь Божия состоит не из одного какого-либо народа, не из одной какой-либо местности народонаселения, а безусловно из „всех верных Божиих“, в какой бы части света они ни находились. 2) Все сии верные Божии „в любви пребывают“, как дети Единого Отца Небесного и единой Матери — Церкви Христовой. 3) Веруют и облобызают учение Евангельское и принимают Святыя Божественныя и Совершенныя Тайны. 4) Все сии верные Божии, как члены единого

Тела — Церкви Христовой, имеют Единую Главу — Христа и управляются от Него поставленными пастырями.

Теперь позволим себе спросить: походит ли на сию Церковь Божию какое-либо из старообрядческих обществ? Посмотрим. Господь наш Иисус Христос создал сию Церковь, а уважаемая старообрядцами книга Большой катехизис учит, что Церковь сия есть „собрание всех верных Божиих“. Заметьте: всех, в какой бы части света они (верные) ни находились. У старообрядцев же сего собрания нет, ибо все они составляют одну часть русского только народа, да и часть-то эта раскололась на многое множество мелких частиц, и притом каждая из сих частиц именуется себя только Церковью Христовою, а всех других считает еретиками. Где же тут собрание „всех верных Божиих“? Из чего собрание сие состоит? — Из одной частицы (расколовшейся между собой) русского только народа! Но это уже не собрание, а скорее разъединение — раскол! Итак, первое, что должна иметь Церковь Христова, по учению Большого катехизиса, то есть собрания или совокупности истинно верующих христиан, в какой бы части света они ни находились, во едино — во едино учение, во едину надежду и упование, во едино Тело Церкви Христовой, старообрядцы не имеют. Не имеют, как увидим ниже, и прочих существенных свойств Церкви Христовой.

В Катехизисе говорится, что составляющие сию Церковь верующие „в любви пребывают“. И сего признака Церкви Христовой, то есть любви, старообрядцы не имеют. (Говоря здесь о любви, мы разумеем, конечно, не частную любовь друг к другу, которую могут иметь и именуемые старообрядцы, а любовь целых народов по отношению их к религии.) Ибо какая может быть любовь у тех, которые из-за разных мелочей друг с другом делятся на мелкие, враждебные друг другу толки, именующие друг друга

еретиками? Какая может быть у них любовь, не желающих пить-есть из одной друг с другом чашки, не желающих даже вместе воссылать моления ко всех равно любящему Отцу Небесному?! Истинная любовь, если бы она была у старообрядцев, должна бы их первоначально отделившееся общество возрастить и скрепить в одно неразрывное целое, а мы видим у них как раз наоборот, — из одного, первоначально отделившегося от Православной Церкви общества образовалось в продолжение двух столетий бесчисленное множество разных толков, друг друга проклинающих, друг друга именующих еретиками, несмотря даже на то, что все употребляют одни и те же так называемые старые обряды и книги. Где же тут любовь нелицемерная? Нет ее и не было у глаголемых старообрядцев! Итак, второго признака соборной Церкви, то есть любви, старообрядцы также не имеют. Но продолжим рассмотрение приведенного места Катехизиса.

„Облобызают учение Евангельское непоколебимое“, — говорится далее в Катехизисе. Евангелие, правда, старообрядцы имеют и на словах чтут его, — но увы! Они или не веруют изложенному в нем учению Спасителя нашего, или не хотят видеть, что святое Евангелие вконец обличает их. Святое Евангелие требует, например, безусловной покорности и послушания святой Христовой Церкви: *аще же и Церковь преслушает (брат твой), буди тебе якоже язычник и мытарь* (Мф. 18, 17). Старообрядцы же оказались явными ослушниками и даже противниками святой Церкви, не захотев подчиниться ее благому распоряжению о исправлении богослужбных книг и обрядов. Вместо того чтобы оказать покорность и послушание святой Церкви в этом ее благом распоряжении, они обозвали ее разными хульными именами, отделились от нее и скитаются вот уже два с половиной столетия по разным дебрям

раскола. В святом Евангелии находятся еще следующие слова Господа, сказанные Им Своим святым апостолам: *се, аз с вами есмь во вся дни до скончания века* (Мф. 28, 20). Сие обетование Господа пребывать со святыми апостолами во вся дни до скончания века относится и к преемникам их — православным епископам. Уважаемая старообрядцами книга „О вере“ также относит сие обетование Господне к архиепископам и епископам, „имже и спребывати даже до скончания века (Господь) обетование сотвори“ (л. 59 об.). Из сего ясно, братие, что православные епископы в Христовой Церкви должны пребывать во вся дни до скончания века. Старообрядцы же, как поповцы, так равно и беспоповцы, утверждают, что Церковь может быть и без епископа, и даже вовсе без священства, что, впрочем, все равно, ибо без епископа, естественно, не быть и священству, ибо одним только епископам дана власть от Господа поставлять достойных лиц в священные степени. Итак, ясно, что и сим словам святого Евангелия старообрядцы также не следуют.

Во святом Евангелии говорится еще: *Аминь, аминь глаголю вам: не входяй дверьми во двор овчий, но прелазя инуде, той тать есть и разбойник, а входяй дверьми пастырь есть овцам* (Ин. 10, 1–2). Сии слова Господа учат нас различать истинных пастырей от ложных. Всякий пастырь, не дверьми входящий во двор овчий, то есть незаконно, не по Писанию, тот есть тать. Сии признаки ложных пастырей вполне приложимы к именуемым пастырям старообрядцев.

Бегствующие иереи приходили к ним, и сам митрополит Амвросий пришел не явным образом, не дверьми, а тайно, яко тати, бежавши, — первые от своих епископов, а второй от своего патриарха. Писание свидетельствует: *никтоже сам себе приемлет честь, но званный от Бога,*

якоже и Аарон... и Христос не Себе прослави быти перво-священника, но глаголавый к Нему: Сын Мой еси Ты, Аз днесь родих Тя (Евр. 5, 4–5). О Себе и Сам Христос свидетельствует, что послан был от Отца: якоже посла Мя Отец, и Аз посылаю вы, — сказал Он Своим святым апостолам. Бегствующие же иереи глаголемых старообрядцев не только не были никем посылаемы к ним, но самовольно оставили даже и ту паству, к которой посланы были законными их архипастырями, оказав явное им неповиновение, — сами себе присвоили право паствы у глаголемых старообрядцев. Митрополит Амвросий также ни от кого не был послан в Белую Криницу к старообрядцам, так же, как и беглые попы, сам себе восхитил не дарованное ему архипастырство у глаголемых старообрядцев. Посему и слова Господни: *не входяй дверьми во двор овчий* и прочие вконец обличают глаголемых старообрядцев с их ложными попами и епископами! Много и еще можно бы привести Божественных изречений святого Евангелия, которым не следуют глаголемые старообрядцы, но на сей раз достаточно и сказанного, чтобы видеть, как далеко не походят глаголемые старообрядцы на святую Церковь Христову, на которой исполняются все обетования Божии о ней и в которой всегда находятся законные, входящие дверьми во двор овчий пастыри.

„И иже суть достойны приимати Святыя и Божественныя, Совершенныя Тайны, — говорится далее в Большом катехизисе об обществе верующих, составляющих святую соборную апостольскую Церковь, — и иже суть под единою Главою, Господем нашим Иисус Христом, а под правлением совершенных святых от Него поставленных“. „Святыя Божественныя Тайны“ могут совершаться только от Христа поставленными пастырями Церкви. „Кто может сия Тайны строити?“ — спрашивается в том

же Катехизисе и дается такой ответ: „Никтоже, разве святителей хиротонисанных, имже дана есть власть (на сие) от Господа Бога, рукоположением наследников апостольских“ (л. 358).

А так как мы уже видели, что именуемые пастыри старообрядцев не получили на сие совершение Святых Таин власти от Господа, а присвоили себе не дарованное им пастырство самовольно, то хотя они их и совершают, но совершенно бесполезно, ибо Святые Тайны спасительны бывают только в святой Христовой Церкви, совершаемые от Христа поставленными пастырями, — совершаемые же вне святой Церкви Тайны ничесоже суть. Вот как об этом писано в Толковом Апостоле: „Тайны без единости Церкви Христианския ничесоже суть: ибо всем отлучившимся от единения церковнаго Бог пророком рече: послю на вы клятву и проклену благословение ваше, и оклену е, и разорю благословение ваше и не будет в вас. Сиречь положу клятву на благословение ваше, имже тайна совершаема бывает: ибо Церковь Божия есть, якоже глаголет Писание, вертоград заключен, и источник запечатлен, и того ради невозможно нигдеже тайне совершатися токмо в единости Церкви Божия“ (л. 548 об.). Если же совершаемые Тайны незаконными пастырями старообрядцев-поповцев не приносят, как мы видим, им никакой пользы, то о беспоповцах излишне, думаю, и говорить, ибо у них и вовсе нет ни единой тайны, кроме, впрочем, крещения и покаяния, которые совершаются у них никем не посвященными „старцами“. Но „в Церкви Божией не две точию суть тайне, но всесовершенно седьмь“ (Большой катехизис, л. 360 об.).

Из сказанного ясно, что как у поповцев, так и равно и у беспоповцев и сего существенного признака Церкви Христовой — Святых Божественных Таин — нет. Без

тайнств же, говорится в том же Катехизисе, „яко без известных посредств, (и) онаго крайняго блаженства сподобитися не можем“ (л. 395 об.).

Итак, все так называемые старообрядцы никоим образом не могут именовать себя святой Христовой Церковью, ибо не имеют существенных свойств ее и нисколько на нее не похожи. — Все, что говорится в уважаемой ими книге Большой катехизис о Церкви Божией, никак к ним не приложимо!

Обратимся теперь к Церкви Греко-Российской — не есть ли сия Церковь та самая, которую создал Господь наш Иисус Христос и о которой говорится в вышеприведенном нами месте Большого катехизиса? Да, братие! Сколько бы мы ни читали, сколько бы ни рассуждали о сей Христовой Церкви, но в конце концов должны решительно, с полной уверенностью сказать, что это та самая и есть святая Церковь, которую создал Господь наш Иисус Христос и которую обещал сохранить неодоленну от врат адовых. К ней, к Греко-Российской Церкви, вполне приложимо и рассматриваемое нами место Большого катехизиса. Ибо в ней все, от всех язык собраны „верные Божии“ во едино, — во едино учение, во едину надежду и упование. В ее состав входят: греки, сербы, славяне, болгары, грузины, мы, русские, и многие другие народы. В нее обращаются, особенно в последнее время, разные дикари и язычники, не знающие истинного Бога. Все сии народы пребывают в совершенной любви друг к другу, друг друга считают братьями о Христе, друг за друга возносят молитвы к Отцу Небесному! Сия от язык избранная Церковь верует и лобызает святое Евангелие, и никто, ни один человек не может справедливо упрекнуть ее в нарушении каких-либо истин святого Евангелия! На ней во всей своей силе исполняется и обетование Господне о ее неодоленности, ибо

с самого начала своего существования Греко-Российская Церковь (преемница Церкви апостольской) не утратила ни одной существенной принадлежности Церкви Христовой, несмотря на разные на нее нападения со стороны разных еретиков и раскольников. В ней во всей своей неприкосновенности сохраняется Богоучрежденная иерархия, совершаются все семь Божественных таин преемственно от Христа посланными пастырями.

В ней в неприкосновенности [к] новодогмствованию или еретическому мудрованию хранится Священное Писание, и напрасно тщатся глаголемые старообрядцы обвинить ее в какой-либо ереси. В ней, наконец, благодатию Божиею прославляются чудесами нетленные останки святых угодников Божиих. Так после уже отпадения глаголемых старообрядцев от сей Православной Греко-Российской Церкви, Господу угодно было прославить нетлением и чудесами святых: Димитрия, митрополита Ростовского, Митрофания Воронежского, Иннокентия Иркутского и святителя Тихона, епископа Задонского. А открытие мощей святителя Божия Феодосия Углицкого так было недавно, что не успели еще прекратиться о сем великом и редком событии толки и разговоры по поводу бывших великих чудес, явленных при сем торжестве от нетленного тела святого угодника Божия Феодосия: многие, с верою приходящие и лобызающие нетленные останки святителя Феодосия, получили исцеления от неизлечимых болезней, как например один глухонемой от рождения девятилетний мальчик, приложившись к мощам святителя Феодосия, стал, к удивлению всех его знавших, говорить, хорошо отвечая на все их вопросы.

Итак, любезные братья, глаголемые старообрядцы! Откройте ваши духовные очи, помраченные слепотствующим расколом, воззрите на оставленную вами непорочную

мать вашу — святую Церковь, которая не престаёт простирать к вам свои материнские объятия, желая привлечь вас в свою спасительную ограду и избавить вас от душепагубного раскола, грех которого, по свидетельству святителя Златоуста, и кровь мученическая загладить не может.

А. Зверев*.

«Беседа о незаконности австрийской иерархии

Вскоре после отделения глаголемых старообрядцев от Православной Греко-Российской Церкви на их стороне не осталось ни одного священного лица, ибо иереи, которые были у них в первое время отделения их от Церкви, все перемерли, а посвящать новых было некому, ибо не было епископов, коим дано право (и только им одним) поставлять в священные степени других. Так и остались все так называемые старообрядцы без священства. Сознавая, что, оставшись без священства, их общество не могло быть и святой Церковью, „старообрядцы“, вместо того чтобы сознать свою ошибку и с покаянием обратиться к покинутой ими святой Церкви, в которой оставалась во всей полноте Богоучрежденная иерархия, вместо сего одни из них стали переманивать к себе из Православной Церкви некоторых священников, прельщая их разными материальными благами, — это поповцы, другие же так и остались упорно в своем положении без священства, говоря, что в нынешнее якобы антихристово время истинного священства нет, забывая, что священство Христово, по обетованию Самого Господа, пребудет вечно, — это беспоповцы.

Пробавляясь таким образом бегствующими иереями, старообрядцы сии, однако, были недовольны своим

---

* НИОР РГБ. Ф. 39. Братство св. Петра митр. Кар. 2. Ед. хр. 5. Л. 173–180.

положением, ибо хорошо понимали, что их беглопоповщинское общество, не имея главного лица священной иерархии — епископа, не может именоваться и святою Христовою Церковью. Вместо того чтобы хотя теперь осознать свое заблуждение и возвратиться в ограду святой Церкви, они задались преступной целью завестись своим архиереем и, по примеру переманивания из Православной Церкви попов, задумали переманить также и епископа. И вот после очень многих и трудных попыток и поисков им наконец удалось найти одного греческого митрополита по имени Амвросий. Разными лестными обещаниями и письменным обязательством платить ему 500 червонцев в год им наконец удалось согласить Амвросия на побег из своего родного отечества и от своего православного патриарха, под ведением которого состоял, к ним в Белую Криницу австрийского владения. И вот тайно от всех там его знавших, перерядившись в казацкое платье, Амвросий отдается в руки прельстивших его раскольников (Павла и Олимпия), а эти последние со своей давно желанной добычей поспешили убраться поскорее восвояси — в Белую Криницу. После разных приключений в пути они наконец прибыли со своим беглецом к месту его назначения. Здесь, после немалых препирательств и споров, они решили принять беглого митрополита Амвросия в свое беглопоповщинское общество через миропомазание, то есть как еретика второго чина. Чин присоединения совершал бывший у них тогда беглый поп Иероним. Совершив над ним сей обряд, глаголемые старообрядцы ничтоже сумняся объявили его своим митрополитом! Вскоре после сего кощунственного действия глаголемых старообрядцев Амвросий единолично поставил себе преемника, некоего дьячка Киприана Тимофеева, наименовав его Кириллом, который и был потом старообрядческим

Белокриницким митрополитом. С тех пор и началась так называемая австрийская иерархия у глаголемых старообрядцев. С тех пор они и стали в изобилии иметь у себя и попов, и архиереев, разведенных беглым митрополитом Амвросием (подробнее смотри о сем в книге Н. И. Субботина „История так называемого Австрийского, или Белокриницкого священства“. М., 1895).

Рассмотрим теперь, братие, можно ли такое священство старообрядцев признать законным, Богоучрежденным священством? Но как признать такое священство законным, которое получило свое начало не от Христа и Его святых апостолов, а от тайно бежавшего из Православной Греческой Церкви митрополита Амвросия?! Законный пастырь словесных овец непременно должен иметь посольство от Самого Христа, преемственно чрез апостолов, иначе он будет самозванным пастырем.

Посылая Своих святых апостолов на проповедь, Господь наш Иисус Христос сказал им: *шедше в мир весь, проповедите Евангелие всей твари* (Мк. 16, 15). И еще: *шедше убо научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще их блюсти вся, елика заповедах вам: и се, Аз с вами есмь во вся дни до скончания века* (Мф. 28, 19–20). Еще: *якоже посла Мя Отец, и Аз посылаю вы* (Ин. 20, 21). А святой апостол Павел, не допуская никакой возможности быть проповедником или пастырем без законного посольства, как бы недоумевая, взывает: *Како же проповедят, аще не послани будут?* (Рим. 10, 15).

Теперь спросим: от кого же имел посольство тайно бежавший от своего патриарха к именуемым старообрядцам митрополит Амвросий? Ясно, что он пришел к ним самовольно, будучи обманут прельстившими его раскольниками. А посему ясно и то, что он чрез свое самовольное бегство обнажил себя и того сана, который получил

в Православной Греческой Церкви. Да и сами принявшие его глаголемые старообрядцы не признали за ним не только архиерейского сана, но не признали даже и за простого православного христианина, когда принимали его в свое безиерархическое общество как еретика второго чина — через миропомазание. У старообрядцев также Амвросий не мог получить не только епископского сана, но и вообще какого-либо священного сана, ибо у них не было тех лиц, коим одним только дана власть от Господа поставлять в какие-либо священные степени. Беглый же поп Иероним, совершавший над Амвросием чин присоединения к беглопоповщинскому старообрядческому обществу, не только не мог дать ему никакой благодати священства, но даже не имел никакого права совершать вообще какое-либо священнодействие, ибо совершал сие без повеления епископа. „Без воли епископа своего презвитеры или диаконы, да не творят ничтоже“, — читаем в 39-м правиле святых апостол. Иероним же, как самовольно бежавший из Православной Церкви, даже никоим образом и не мог иметь повеления от епископа отправлять какие-либо священнодействия у „старообрядцев“.

Чтобы еще более убедиться в незаконности австрийской иерархии, происшедшей от беглого митрополита Амвросия, мы прочтем некоторые правила, обнажающие всякого священного сана митрополита Амвросия. Митрополит Амвросий принят к именуемым старообрядцам по допущению иноверного правительства гражданского. Но всякий епископ, принимающий Церковь помощью мирских князей, подлежит извержению. В правиле 30-м святых апостолов читаем: „Аще кий епископ мирских князь или людей помощью примет церковь, да извержется и отлучится“. В правиле 16-м Антиохийского Собора читаем: „Иже кроме совершенного собора на праздный

церкве престол наскочив, аще и сам есть празден, от епископии да будет извержен“. А митрополит Амвросий от какого Собора имел повеление переходить к именуемым старообрядцам для архиерейского служения? Он не только не имел такого повеления, но даже тайно, яко тать, бежал к глаголемым старообрядцам от своего православного патриарха. Значит, за одно только сие самоволие митрополит Амвросий обнажается благодати епископства и даже подлежит совершенному извержению: „да будет извержен“, сказано в правиле.

Итак, привлеченный глаголемыми старообрядцами митрополит Амвросий не только потерял свой сан, но подвергся даже конечному отлучению от Церкви. Затем, все священнодействия, совершенные Амвросием у глаголемых старообрядцев, были совершены им без повеления, или заповеди святительской, а кто так действует, того действованиа, как говорит Номоканон, *подобны согрешению не рукоположене действующаго* (Потребник патриарха Иосифа, л. 715). *Дело же таковых действователей*, как говорит тот же Номоканон, *горше самых нечестивых бесов, во ангела светла точию преобразующихся, но не сущих* (там же).

Вот каков корень старообрядческой австрийской иерархии! Корень, как видите, сухой, лишенный живительной силы — благодати Святаго Духа, преподаваемой в таинстве Хиротонии. А каков корень, таковы и происшедшие от него ветви...

Итак, не хвалитесь, братие, глаголемые старообрядцы, что у вас есть теперь свое священство — свои попы и архиереи. В том-то вся и беда ваша, что у вас свое священство, а не Христово, какое должно быть в Его святой Церкви, в той самой Церкви, которую предки ваши по своему неразумию похулили и оставили. Не подражайте же, любезные братие, неразумному поступку ваших

неразумных предков, а обратитесь лучше с покаянием к оставленной вами матери — Церкви Христовой, в которой только и возможно обрести спасение.

А. Зверев*.

³³ НИОР РГБ. Ф. 39. Братство св. Петра митрополита. Кар. 2. Ед. хр. 5. Л. 111.

³⁴ Там же. Л. 110.

³⁵ Там же. Л. 109.

³⁶ Важнейшее и крупнейшее противораскольническое общество в России, утвержденное митрополитом Московским Иннокентием в 1872 году. До учреждения Московского епархиального миссионерского совета (на основании «Правил об устройстве внутренней миссии Православной Российской Церкви», утвержденных определением Святейшего Синода в 1908 году), Братство выполняло роль органа, ответственного за противораскольническую миссию в Московской епархии, и было экспертом по этому вопросу как для митрополита, так иногда и для Святейшего Синода.

³⁷ Московские церковные ведомости. 1902. № 36. С. 452.

³⁸ Там же. № 41. С. 489.

³⁹ НИОР РГБ. Ф. 39. Братство св. Петра митр. Кар. 25. Ед. хр. 7. Л. 16.

⁴⁰ Московские церковные ведомости. 1904. № 29. С. 311.

⁴¹ Там же.

⁴² Церковные ведомости. 1909. № 33. С. 319.

⁴³ ЦГА Москвы. Ф. 1381. Оп. 1. Д. 5а. Л. 70.

---

* НИОР РГБ. Ф. 39. Братство св. Петра митрополита. Кар. 2. Ед. хр. 5. Л. 180–183.

⁴⁴ МГОМЗ. Ф. «Редкие, рукописные и старопечатные книги». Ед. хр. А-910/216. Л. 1 об.

⁴⁵ Миссионерское обозрение. 1904. № 8. С. 1265.

⁴⁶ Архимандрит Викентий (в миру Виктор Тихомиров), приблизительно 1836 года рождения. В 1858 году окончил Саратовскую духовную семинарию, в 1861 году был рукоположен во священника ко храму в селе Торлаково Кузнецкого уезда Саратовской губернии. В 1865 году, после смерти жены, он был причислен к братии Крестовой Успенской церкви Архиерейского дома в Саратове. В 1867 году отец Виктор был пострижен в монашество с именем Викентий. В 1868 году определен казначеем Архиерейского дома, а в 1869 году — экономом. В 1872 году возведен в сан игумена. В 1875 году перемещен в Оранский Богородицкий монастырь Нижегородской епархии, в 1876 году определен экономом Нижегородского архиерейского дома. В 1877 году перемещен в Тифлисский экзарший дом и в 1878 году определен экономом Экзаршего дома. В 1880 году возведен в сан архимандрита. В 1882 году назначен исправляющим должность настоятеля Перервинского монастыря. Был председателем комиссии по постройке нового каменного корпуса Перервинского духовного училища, в который были переведены приходящие воспитанники Заиконоспасского духовного училища. В 1903 году архимандрит Викентий был назначен членом совета по постройке нового храма в Перервинском монастыре.

⁴⁷ НИОР РГБ. Ф. 234. Протоиерей Иоанн Полянский. П. 24. Ед. хр. 52. Л. 1–3.

⁴⁸ Там же. Л. 3–4.

⁴⁹ Там же. П. 4. Ед. хр. 8. Л. 1–6.

⁵⁰ Там же. П. 24. Ед. хр. 52. Л. 6.

⁵¹ Митрополит Амвросий (в миру Амирей Паппа-Георгополи; 1791–1863) родился в семье греческого священника в селе Маистра в Турции. Окончил духовное училище. В 1811 году женился и в том же году был рукоположен во священника. В 1814 году супруга умерла и на его попечении остался сын Георгий. В 1817 году был пострижен в монашество. В 1835 году Константинопольским патриархом Григорием VI он был хиротонисан во епископа и поставлен митрополитом Босно-Сараевским. В 1841 году патриарх Анфим IV отозвал митрополита Амвросия в Константинополь, где он стал жить, получая небольшую пенсию. На его иждивении находилась семья сына Георгия, не имевшего никаких занятий и средств к существованию. В начале 1846 года с митрополитом Амвросием вступили в переговоры представители раскольников из России и предложили ему присоединиться к расколу, но он категорически от этого отказался, посчитав это оскорблением православия. Делегаты раскольников тогда встретились с его сыном Георгием и обрисовали ему перспективу — сменить нищенское существование на вполне обеспеченное. Георгий выступил перед отцом ходатаям за раскольников и уговорил его встретиться с ними. Митрополит Амвросий ничего не знал о русском расколе, а старообрядцы ему не сказали, что по прибытии в Буковину ему придется подвергнуться присоединению к расколу как еретика. В конце концов, им удалось склонить митрополита перейти в раскол с обещанием его содержать. 15–16 февраля 1846 года сторонами был подписан договор, по которому митрополит Амвросий обязался перейти к раскольникам в звании митрополита и рукоположить им архиерея. Со своей стороны раскольники дали обязательство содержать митрополита Амвросия, платя ему

жалование по пятьсот австрийских червонцев в год, а его сыну выделить средства на переезд с семьей в Белую Криницу и здесь купить ему дом с участком земли. Переодевшись в мирскую одежду, по чужому паспорту митрополит Амвросий выехал из Константинополя в Австрию. 27 октября 1846 года он отрекся от «ересей», «исповедался» у иеромонаха-раскольника Иеронима, причем тот не знал греческого языка, а митрополит — русского. После этого иеромонах помазал его «миром» и объявил раскольникам, что у них теперь есть архиерей. В декабре 1846 года — январе 1847 года митрополит Амвросий постриг раскольника Киприана Тимофеева в монашество с именем Кирилл, рукоположил во иеромонаха и хиротонисал во епископа Майносского, а в декабре 1847 года хиротонисал Аркадия Дорофеева во епископа Славского. В 1847 году патриарх Анфим VI направил митрополиту Амвросию обращение, в котором говорилось, что, совершая архиерейские священнодействия, не имея на то благословения своего первоиерарха, он совершил канонические преступления и будет извержен из сана, если не раскается в этом и будет упорствовать. В декабре 1847 года император Николай I потребовал от правительства Австрии прекратить деятельность митрополита Амвросия. Митрополит Амвросий был вызван в Вену, где ему было предложено вернуться в юрисдикцию Константинопольского патриарха с обещанием всяких милостей в случае покаяния, в противном же случае он должен будет отправиться в ссылку. Митрополит выбрал ссылку и 26 июля 1848 года получил предписание выехать в словенский город Цилли, где стал жить вместе с сыном Георгием и его семьей. Новопоявившаяся иерархия не была признана большинством раскольничьих общин в России. 29 августа 1848 года епископ Кирилл (Тимофеев) единолично хиротонисал во епископа Онуфрия

(Парусова), 3 января 1849 года Кириллом и Онуфрием был хиротонисан во епископа Софроний (Жиров). На другой день Онуфрий с Софронием возвели епископа Кирилла в сан митрополита Белокриницкого, а Онуфрий стал заместителем митрополита. Они попытались согласовать свои действия с митрополитом Амвросием и епископом Аркадием, но те не признали их действия законными. Тогда раскольники отрядили к ним делегацию. За признание их действий законными митрополиту Амвросию было выплачено раскольниками пятьсот червонцев, а Аркадию — предложено стать архиепископом. В 1853 году в Белой Кринице митрополит Кирилл хиротонисал раскольнического иеромонаха Антония (Шутова) во архиепископа Владимирского. По прибытии в Москву тот стал рукополагать в большом количестве архиереев и священнослужителей, разбившихся вскоре на различные группы, зачастую враждующие между собой. Началась эпоха новых расколов, взаимных проклятий, отлучений и низвержений из сана.

⁵² НИОР РГБ. Ф. 234. Протоиерей Иоанн Полянский. П. 4. Ед. хр. 8. Л. 6–9.

⁵³ Там же. П. 7. Ед. хр. 22. Л. 3–5.

⁵⁴ Речь идет о том, что старообрядцы в отличие от того, как это принято в Православной Церкви, пишут восьмой член Символа веры о вере в Духа Святого с прилагательным «Истинного», то есть «...И в Духа Святаго, Господа Истинного и Животворящаго...», и обвиняют Православную Церковь (за написание без него) в ереси за то, что она якобы не считает Духа Святого истинным.

Слово «истинный», которого нет в греческом оригинале, впервые появилось в славянских рукописях во второй половине XIV века вместо слова «Господа», являясь неточным переводом греческого *κύριον* (вместо основного значения «господствующий, властвующий», в обиход

стало входить искаженное понимание возможного перевода «узаконенный»). В XV–XVI веках в ряде рукописей совмещаются оба слова. Уважаемый старообрядцами Стоглавый Собор постановил, что может быть использован вариант со словом либо «истиннаго», либо «Господа», но не оба слова вместе. Однако в изданиях Московского печатного двора (до упорядочения патриарха Никона) встречались варианты как с одним словом, так и с двумя, иногда в одной и той же книге (например, в Большом и Малом катехизисах, в «Кирилловой книге»).

По авторитетному толкованию на Символ веры Симеона Солунского (XV век), мы верим «в Духа Святаго, Господа потому, что Дух есть Господь и восполняет (Собою) Троицу, ибо Господь наш послал учеников крестить „во имя Отца и Сына и Святаго Духа“ (Мф. 28, 19), притом и Дух Святой, так же как Сын, возвещен был пророками. <...> Он одной сущности со Отцем и Сыном: ибо как Отец есть Господь и Сын Господь, так и о Духе написано, что Он Господь. Не три Господа, но един Господь, потому что едино Божество, и естество, и господство, и сила, и действие, и хотение у трех»*.

Старообрядцы защищают свое понимание ссылкой на евангельские слова о Духе Истины и тем, что в Символе веры говорится о Христе как Боге истинном, и тем, что в молитве «Царю Небесный» говорится о Духе истины (по старообрядческому чтению — истинном). Но это мнение неверно, так как во всех этих местах используется другое слово — ἀλήθεια (истина). По замечанию митрополита

---

* *Симеон, архиепископ Фессалоникийский*. Толкование на божественный и священный Символ православной и непорочной нашей веры христианской // Писания святых отцов и учителей Церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения. Т. III. СПб., 1857. С. 94.

Григория (Постникова), «если бы в Символе веры должно было стоять вместо слова „Господа“ — слово „истинного“, то в подлинном тексте Символа веры стояло бы не слово κύριος, а стояло бы αληθινός [прилагательное от слова ἀλήθεια], потому что во втором члене Символа веры для выражения мысли, что Иисус Христос есть Бог истинный, употреблено слово αληθινός, а не κύριος»*.

⁵⁵ НИОР РГБ. Ф. 234. Протоиерей Иоанн Полянский. П. 7. Ед. хр. 22. Л. 5.

⁵⁶ Там же. П. 4. Ед. хр. 8. Л. 11–12.

⁵⁷ Там же. Л. 14.

⁵⁸ Там же. Ед. хр. 9. Л. 1–2.

⁵⁹ Там же. П. 10. Ед. хр. 18. Л. 1–3.

⁶⁰ Там же. Л. 12–14.

⁶¹ На Стоглавом Соборе царем Иоанном IV был поставлен на соборное рассуждение вопрос: «Божественные книги писцы пишут с неправленых переводов, а написав, не правят же, опись к описи прибывает, и недописи, и точки непрямые. И по тем книгам в церквах Божиих чтут и поют, и учатся, и пишут с них. Что о сем небрежении и о великом нашем нерадении от Бога будет по божественным правилом?»**

Непрямые, то есть неправильные***; точки — то же, что знаки препинания. Речь идет о неправильной постановке знаков препинания в недолжные места, из-за чего искажался смысл, например из-за неверной разбивки предложения.

---

* Григорий (Постников), архиепископ Казанский. Истинно древняя и истинно православная Христова Церковь, изложение в отношении к глаголемому старообрядству. СПб., 1856. С. 156.

** Стоглав. Казань, 1862. С. 52–53.

*** Словарь русского языка XI–XVII вв. Выпуск 11. М., 1986. С. 260.

Соборные определения Стоглава повелевают протопопам и старейшим священникам, и избранным священникам со всеми священниками в каждом городе во всех святых церквах: «а которые будут святые книги евангелие и апостолы и псалтыри и прочие книги в коейждо церкви обрящете неправлены и описливы, и вы бы те все святые книги с добрых переводов справливали соборне. Занеже священные правила о том запрещают и не повелевают неправленных книг в церковь вносить ниже по них пети» (Глава 27. «О святых иконах и о исправлении книжном»)*. «Также которые писцы по городам книги пишут, и вы [то есть протопопы и священники] бы им велели писати с добрых переводов, да написав правила, потом же бы и продавали, а не правив бы книг не продавали» (Глава 28. «О книжных писцах»)**.

⁶² НИОР РГБ. Ф. 234. Протоиерей Иоанн Полянский. П. 12. Ед. хр. 8–9. Л. 1–2.

⁶³ Там же. Л. 2–3.

⁶⁴ Там же. Л. 3–4.

⁶⁵ Там же. Л. 5–6.

⁶⁶ Там же. Л. 6.

⁶⁷ Там же. Л. 7.

⁶⁸ Там же. Л. 8–9.

⁶⁹ Там же. Л. 9–10.

⁷⁰ Там же. Л. 16.

⁷¹ Там же. Л. 16–17.

⁷² Там же. Л. 18–19.

⁷³ Речь идет о 5-м деянии Московского Собора 1666 года, посвященном делу суздальского попа Никиты Константиновича Добрынина (более известного по именованию

---

* Стоглав. Казань, 1862. С. 124–125.

** Там же. С. 125.

Никита Пустосвят, данному его обличителями). Разбиралась его челобитная царю Алексею Михайловичу, обвиняющая Церковь в ряде еретических нововведений, содержащихся в новопечатных книгах, прежде всего в книге «Скрижаль». Поп Никита был обвинен Собором, в частности, в том, что в челобитной «хулит слово священномученика Дионисия Ареопагита еже есть: Ибо лучши имать именовати Бога тьму и невидение, нежели свет. Сие убо было слово, глаголет Никита, от еретического писания в скрижали быти написано. И тако сия глаголя богословца великаго Дионисия святаго еретиком быти клеветцет»*. Никита Собором был именован «раскольником и лжеклеветником», отлучен от Церкви и анафематствован вместе со своими писаниями, но вскоре, по принесении покаяния и испытания искренности его, Собором же прощен. В 1682 году он стал вдохновителем и участником мятежа стрельцов («хованщины»), на потребованных ими тогда прениях о вере он вернулся к своим обвинениям, объясняя, что его покаяние было вынуждено, неискренним, так как произошло под угрозой «сруба и меча», и был казнен за оскорбление царского величества.

Книга «Скрижаль», вышедшая в свет в 1656 году по благословению патриарха Никона после соборного рассмотрения как основное изъясняющее богослужбное руководство, состоит из переведенного с греческого языка сборника авторитетных толкований на богослужение, составленного греческим иереем Иоанном Нафанаилом (печатное издание ок. конца XVI в.), и нескольких текстов в защиту новой богослужбной практики (ответов восточных патриархов, выдержек из литургических и догматических

---

* Деяния московских соборов 1666 и 1667 годов. М., 1893. Л. 17 об.

сочинений разного времени и др.). Лежащий в основе «Скрижали» сборник есть главным образом сочинение Николая Кавасилы «Изъяснение божественной литургии», дополненное толкованиями святых Дионисия Ареопагита, Германа Константинопольского и Симеона Солунского*, и единичными текстами других авторов**.

В своей челобитной Никита цитирует и критикует изречение: «Ибо лучши имать именовати Бога тьму и невидение, нежели свет» из входящего в «Скрижаль» «Толкования на Честнейшую к священномунаху и еклесиарху господину Неофиту от Одигитрии» Никифора Ксанфопула, византийского церковного историка и писателя XIV века, автора синаксарей в Триодях***.

Никита утверждает, что это изречение «напечатано от еретического писания»****, но не упоминает, что здесь Никифором Ксанфопулом излагается святитель Дионисий Ареопагит, не приводит и не разбирает сам первоисточник, не ставя целью или не будучи в состоянии найти соответствующие места у Дионисия. Взяв (не полностью) одно предложение (подкрепляющий пример к предыдущему

---

* Святители Дионисий и Герман были в древних святцах, а имена Николая и Симеона, после канонизаций в 1980-е годы соответственно Константинопольской и Элладской Церквами, были внесены в наш современный месяцеслов.

** *Красносельцев Н. Ф.* «Толковая служба» и другие сочинения, относящиеся к объяснению богослужения в Древней Руси до XVIII века (библиографический обзор) // Православный собеседник. Казань, 1878. Кн. II. С. 36–37.

*** Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. Т. 4 : Историко- и догматикополемические сочинения первых расколоучителей. Ч. 1: Челобитная Никиты (Пустосвята). Сочинения Лазаря и подъяка Федора, челобитная инока Сергия. М., [ценз.] 1878. С. 4, 19–22.

**** Там же. С. 4.

тезису, начинающийся с «ибо»), Никита, исходя из своего утверждения, что эта фраза как «плевелы среди пшеницы»*, сознательно ее критикует отдельно от текста (и контекста, то есть самого способа богословствования Дионисия) — хотя критикуемая фраза следует буквально за тем, что Никифор Ксанфопул говорит о Дионисии: он «имать обычай именовати сицевым образом от отречения божественная имена. Или укрепление, ибо...» [имеет обычай именовать божественные имена таковым образом: через отрицание, или (нежели) через утверждение, ибо...]**. Сам же Дионисий пишет, что «по отношению к Божественным предметам отрицательный образ выражения ближе подходит к истине, чем утвердительный»***.

Дионисий, рассуждая о двух богословских путях: утверждения (катафатическом — кто Бог есть) и отрицания (апофатическом — кто Бог не есть), многократно писал о том, что апофатическое богословие выше катафатического. Это относится Дионисием к любым именованьям Божества, не только к именованию Светом: «Божество превышает всякого существа и жизни; никакой свет не может быть выражением Его; всякий ум и слово бесконечно далеки от того, чтобы быть Ему подобными. Иногда то же Священное Писание величественно изображает Бога чертами, не сходными с Ним. Так оно именует Его невидимым,

---

* Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. Т. 4 : Историко- и догматико-полемические сочинения первых расколоучителей. Ч. 1: Челобитная Никиты (Пустосвята). Сочинения Лазаря и подъяка Федора, челобитная инока Сергия. М., [ценз.] 1878. С. 19.

** Скрижаль. М., 1655 (1656). С. 665.

*** О небесной иерархии. Гл. 2. Церковнославянский перевод — «отречения в Бозе паче укреплений суть преносителна» // Цит. по: Симеон Полоцкий. Жезл правления. М., 1667. С. 22.

беспредельным и непостижимым, и этим означает не то, что́ Он есть, но что́ Он не есть. Последнее, по моему мнению, даже еще свойственнее Богу»*. Об этом же пишет преподобный Иоанн Дамаскин: «Одни из Божественных имен называются через отрицание, изъясняя то, что́ пресущественно, как например: не имеющий существа, безлетный, безначальный, невидимый, — не потому, что Бог меньше чего-либо или что Он лишен чего-либо, ибо все — Его и произошло от Него и через Него, и в Нем состоится (Кол. 1, 17), но потому, что Он превосходным образом отличен от всего сущего. Ибо Он не есть что-либо из сущего, но — выше всего. <...> Есть же и некоторое такое, что говорится о Боге утвердительно, но имеет силу превосходного отрицания, как например [когда Бога называем] тьмою, не потому, что Бог — тьма, но потому, что Он не есть свет, а выше света»**. И преподобный Максим Исповедник, толкуя Дионисия, пишет: «Заметь, что под сумраком он понимает неведение»***. «Да не смутит тебя эта глава и да не подумаешь ты, что богохульствует этот божественный муж. Его цель — показать, что Бог не есть что-то сущее, но выше сущего»****.

Так как Никита толковал вышеизложенную мысль Дионисия как еретическую вне понимания (и понятий) основного у того отрицательного (апофатического) богословствования, то была заведомо ложной его критика, заключающаяся в противопоставлении вышеупомянутой фразы тому, что Бог именуется в Священном Писании светом

---

* О небесной иерархии. Гл. 2.

** *Иоанн Дамаскин, преподобный*. Точное изложение православной веры. Гл. 12.

*** *Максим Исповедник, преподобный*. Схолии к труду Дионисия Ареопагита «О Таинственном Богословии». Схолии к гл. 1, 20.

**** Там же. Схолии к гл. 5, 4.

(он приводил ряд цитат и отеческих толкований о Боге как свете, в котором нет тьмы) и никогда тьмой («а тьмою диавола именуем»)*. Критика была бы ложной и недостаточной, даже если бы речь шла только о толковании света и тьмы в Священном Писании, потому что Тот, Кто «Одейся светом яко ризою» (Пс. 103, 2) и «во свете живый неприступнем» (1 Тим. 6, 16), Он же «положи тму закров Свой» (Пс. 17, 12) и «облак и мрак окрест Его» (Пс. 96, 2). По толкованию блаженного Феодорита, «сие не противоречит одно другому, потому что неприступный свет для тех, которые не могут взирать на него, есть то же, что мрак и тьма. Не может быть видимо, ни что во тьме, ни что в оном свете. И тем и другим означает невидимость Божия естества»**.

Исходя из непонимания Никитой смысла именуемого им еретическим места, уже современники обличали его в невежестве, например Симеон Полоцкий в книге «Жезл правления»***. Н. И. Субботин, первый публикатор челобитной, в целом высоко оценивая обилие ее содержания, тщание и искусство Никиты, писал, что «такого рода невежественность была общей принадлежностью раскольнических писателей первого времени и объясняется не столько их действительной необразованностью, еще менее скудоумием, недостатком разума, сколько усиленным стремлением в каждом изменении буквы старых

---

* Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. Т. 4 : Историко- и догматико-полемические сочинения первых расколоучителей. Ч. 1: Челобитная Никиты (Пустосвята). Сочинения Лазаря и подъяка Федора, челобитная инока Сергия. М., [ценз.] 1878. С. 4, 22.

** Феодорит Кирский, блаженный. Толкование на сто пятьдесят псалмов. Изъяснение псалма 103.

*** Симеон Полоцкий. Жезл правления. М., 1667. С. 20 об.

книг и в каждом неясном выражении книг новопечатных (какими особенно изобилует „Скрижаль“)* отыскать ересь, нарушение древлеотеческой веры. Озлобление против новых учителей, и особенно против главного виновника мнимых „новопременений“ — патриарха Никона, постоянно поддерживало в них это стремление и даже доводило их по временам действительно до помрачения смысла, до явной клеветы и лжи. Примеры всего этого встречаются и в челобитной Никиты**.

⁷⁴ «Изъяснение о содержащихся в полемических против раскола сочинениях прежнего времени порицаниях на именуемые старые обряды» было издано по определению Святейшего Синода от 20 декабря 1885 года — 4 марта 1886 года «во всеобщее сведение». Вышло в свет в 1886 году отдельным изданием (по сведениям Н. И. Субботина, брошюру было решено напечатать славянским шрифтом в виде приложения к «Церковному вестнику», в 1875–1887 годах бывшему в официальной части органом Святейшего Синода и состоящих при нем центральных учреждений) и перепечатано в выпускавшихся тогда епархиальных ведомостях с предисловием «Об истинном смысле и значении содержащихся в полемических противораскольнических сочинениях прежнего времени порицаний на именуемые старые обряды».

---

* В другом месте Н. И. Субботин пишет, что она «переведена с греческого неискусно и невразумительно» (*Архимандрит Павел. Замечания на книгу, известную под именем «Вопросов Никодима»*. М., 1887. С. 14).

** Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. Т. 4: Историко- и догматико-полемические сочинения первых расколоучителей. Ч. 1: Челобитная Никиты (Пустосвята). Сочинения Лазаря и подъяка Федора, челобитная инока Сергия. М., [ценз.] 1878. С. XXI–XXII.

Полностью отрывок, который излагает Алексей Данилович, следующий: «Поелику же, несмотря на все это, ревнители раскола тщатся возлагать на Церковь вину и ответственность за встречаемые в прежних полемических книгах порицательные выражения о некоторых именуемых старых обрядах, притом преувеличивают и извращают смысл сих выражений, а многие единоверцы и даже некоторые православные, питающие расположение к старому обряду, смущаются сими выражениями, вероятно, под влиянием раскольнических превратных толков, — то в устранение всяких лжетолкований и в прекращение всяких сомнений Святейший Синод Церкви Российской посредством настоящего изъяснения дает знать всем, что Православная Церковь признает содержащиеся в полемических против раскола сочинениях прежнего времени порицательные отзывы и выражения об именуемых старых обрядах принадлежащими лично писателям сих сочинений, которыми они произнесены по особенной ревности о защите Православной Церкви и содержимых ею обрядов от нестерпимо дерзких хулений на оные со стороны раскольнических писателей, — сама же не разделяет и не подтверждает сих отзывов и выражений. Православная Церковь признает подлежащими отлучению и клятве всех непокоряющихся постановлению Великого Московского Собора о новоисправленных церковно-богослужбных книгах, чинах и обрядах, то есть всех тех, которые в противность сему постановлению признают исправленные книги, чины и обряды неправо исправленными, даже еретическими, объявили за их исправление Православную Церковь падшею, безблагодатною, зараженною ересями и не имеют общения с нею, а в знак своего противления сей Церкви и порицания содержимых ею обрядов употребляют и требуют исключительно употреблять

так называемые старые обряды, которым усвоят при том значение неизменяемых догматов веры и противный православию смысл. Но, подвергая такому суду неразумных и ожесточенных ревнителей именуемых старых обрядов, Православная Церковь не произносила и не произносит никакого осуждения и порицания на эти обряды, которые сами по себе и независимо от значения, усвоенного им раскольниками, признавала и признает не представляющими ничего противного православию и употребление их не в знак противления Церкви, но в полном общении с нею, по ее собственному благословию, вполне дозволительным»*.

Прошение об издании такого постановления поступило в Синод в 1885 году от московских единоверцев. Составителем ходатайства был купец Андрей Ефимович Сорокин, депутат московских единоверцев, известный библиофил и собиратель древних икон, перешедший в единоверие еще в 1851 году и закрывший свою моленную по совету митрополита Филарета. Как обычно в подобных случаях (в бытность обер-прокурором К. П. Победоносцева), последовал указ Святейшего Синода: предоставить митрополиту Московскому поручить Совету Братства святителя Петра митрополита войти в подробные соображения на этот счет. Текст «Изъяснения», составленный Н. И. Субботиным, после нелегкого обсуждения и одобрения на Совете Братства, без изменений был представлен митрополитом Московским Иоанникием (Рудневым) Святейшему Синоду, который и принял его.

Н. И. Субботин писал: «Издание такого акта было предметом давних наших желаний, так как им полагалась бы

---

* Астраханские епархиальные ведомости. 1886. № 10. Ч. неоф. С. 360–361.

верная преграда для раскольнических нападений на Церковь посредством указания именно этих порицаний на уважаемые всеми старообрядцами, дозволенные единоверцам и содержимые многими православными „старые“ обряды, особенно на двуперстие, чем действительно раскольнические совопросники ставили нередко в затруднение беседующих с ними защитников православия»*.

Архимандрит Павел выделил особо важное в «Изъяснении». «Возлюбленнейший о Господе Николай Иванович. Благодарю вас за сообщенную радость, — писал он Н. И. Субботину. — Благодарение Богу, что Он вложил пастырям Церкви готовность издать такое „Изъяснение“! Сколько оно облегчит труд миссионеров по поводу сих пререкаемых выражений! Сколько успокоит совесть сомнящихся! А особенно важно сказанное здесь о Великом Московском Соборе, что он не положил поречений на именуемые старые обряды и безусловно их не запретил. Благодарение Богу, что Он вложил вам тщание изъяснить все сие и особенно разъяснить определение Собора от 13 мая 1667 года! Теперешнее „Изъяснение“, изданное Святейшим Синодом, может привести и к тому, что в случае нужды не найдено будет препятствия православному священнику совершить таинство Крещения или Исповеди для присоединенных из раскола по старопечатным книгам. Этому, быть может, не пришло еще время — но тогда совершенно была бы снята преграда для старообрядцев к соединению церковному. Если бы жив был Ксенос, что сказал бы он, прочитав „Изъяснение“?»**.

---

* *Субботин Н. И.* Еще пятнадцать лет служения Церкви борьбою с расколом. Моя переписка с архимандритом Павлом за 1879–1895 годы. Выпуск первый: 1879–1886 гг. М., 1902. С. 258–259.

** Там же. С. 407.

⁷⁵ НИОР РГБ. Ф. 234. Протоиерей Иоанн Полянский. П. 12. Ед. хр. 8–9. Л. 19–21.

⁷⁶ Именословным именуется сложение пальцев при епископском и священническом благословении (в древности, возможно, только епископском). Указательный и средний пальцы образуют буквы «I», «C» (средний палец для этого немного сгибают), а остальные — буквы «X», «C» («X» — из скрещенных безымянного и большого, «C» — из немного согнутого мизинца), то есть буквы имени Иисуса Христа. В Православной Церкви употреблялись и употребляются два различных перстосложения: одно для благословения, а другое для крестного знамения. По указанию Е. Е. Голубинского, первоначальной формой для первого являлось «крестовидное перстосложение для благословения, явившееся около или не позднее начала VII века <...>, в котором три перста: указательный, большой средний и мизинец протягивались, а два перста: палец и малый средний крестовидно полагались один на другой, как это теперь в благословении именословном»*. Старообрядцы на основании 31-й главы Стоглавого Собора 1551 года проповедуют одно и то же перстосложение и для крестного знамения, и для благословения и хулят именословное перстосложение. Суть же дела заключается в том же, что и в отношении их к троеперстию — они настаивают не на неизменном догматическом смысле, знаменуемом тем или иным перстосложением (несомненно переменным в истории Церкви), а на его форме, почитаемой неизменной (то есть на перстоверии).

⁷⁷ НИОР РГБ. Ф. 234. Протоиерей Иоанн Полянский. П. 12. Ед. хр. 8–9. Л. 21.

⁷⁸ Там же. Л. 21–22.

---

* Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. Период второй, московский. Том II. 2-я пол. тома. М., 1911. С. 489.

⁷⁹ НИОР РГБ. Ф. 234. Протоиерей Иоанн Полянский. П. 12. Ед. хр. 8–9. Л. 22.

⁸⁰ Там же. Л. 22–23.

⁸¹ Там же. Л. 24.

⁸² Там же. Л. 29–30.

⁸³ Там же. Л. 26.

⁸⁴ Там же. Л. 27.

⁸⁵ Речь идет о предисловии к «дониконовской» богослужбной книге «Апостол», напечатанной во Львове в 1639 году православным издателем Михаилом Слезкой в собственной типографии, в котором сказано о написании имени Господня: «писати Исус, а не Исус»*.

⁸⁶ НИОР РГБ. Ф. 234. Протоиерей Иоанн Полянский. П. 12. Ед. хр. 8–9. Л. 28 (3–4).

⁸⁷ Там же. П. 15. Ед. хр. 40. Л. 7.

⁸⁸ Там же. Л. 8.

⁸⁹ Там же. Л. 18–19.

⁹⁰ Там же. Л. 19–20.

⁹¹ «Белокриницкий устав», или «Устав Белокрыницкого староверского монастыря», был сочинен учредителем так называемой белокриницкой иерархии (поныне существующей в расколе) иноком Павлом Великодворским (иначе именуемым Белокриницким), и подписан настоятелем монастыря и прочими должностными лицами в 1841 году.

По изъяснению архимандрита Павла (Леднева), «в первой главе „Устава Белокриницкого монастыря“ изложено, по требованию австрийского правительства, вероучение старообрядцев, просивших у этого правительства дозволения на учреждение особой старообрядческой

---

* Цит. по: *Озерский А. И.* Выписки из старописьменных, старопечатных и других книг, свидетельствующие о святости соборной и апостольской церкви и о необходимости покоряться ее уставам, для достижения спасения. Ч. 2. М., 1862. С. 148.

архиерейской кафедры в Белокриницком монастыре. Здесь, в изложении вероучения, составитель устава инок Павел между прочим излагает такое учение о божественном „существе“: „Достоит разумевати, яко Бог, сый свет истинный, искони совершен и неприменен есть; точию до сотворения дел своих бе в молчании, имея единосущное во уме Слово Сына своего, егоже, по глаголу блаженного Андрея Цареградского, в первом изречении: "да будут вещи", нетленно родил, сиречь во нахождении соприносущным Духом своим от сердца отрыгнул“. Таково учение, изложенное Павлом от лица всего старообрядчества и скрепленное подписями главных его представителей, бывших основателями и учредителями Белокриницкой иерархии, — учение, внесенное в устав, на основании коего австрийским правительством дозволено и самое учреждение Белокриницкой иерархии, и, значит, положенное в основу этой иерархии. Посему учение это имеет для старообрядцев особенную важность. Рассмотрим же, что в нем содержится. Говорится, что Бог „до сотворения дел своих бе в молчании“. Этим исповедуется, что Бог Слово, то есть Сын Божий, до сотворения дел еще не был рожден, а рожден Богом Отцом уже на сотворение дел, так что если бы Бог Отец не восхотел сотворить дел создания, то не родил бы и Сына. Оле хулы на Единородного! Говорится далее, что Бог, „имея единосущное в уме Слово Сына своего, в первом изречении: да будут вещи, — нетленно родил Его“. Этими словами, в явное противоречие изложенному Первым Вселенским Собором учению о предвечном рождении Сына Божия: „верую в Сына Божия, от Отца рожденного прежде всех век“, проповедуется, что Сын Божий до сотворения веков не был рожден, а родился вместе с веками, „в первом изречении: да будут вещи“. Есть в этом старообрядческом исповедании еще и другое противоречие святой Церкви учению. Святая

Церковь учит, что Сын — Слово Божие есть Слово ипостасное, то есть второе лицо Святой Троицы, а не слово уст, на воздух произносимое или в письма заключенное, каковым словом Божиим именуется, например, Писание Божественное; а в уставе Белокриницком исповедуется, что Бог Отец нетленно родил Сына-Слово, когда произнес слова: „да будут вещи“, — то есть разумеется под Словом Божиим, от Отца рожденным, слово или речение, Богом Отцом произнесенное. Говорится еще в Белокриницком исповедании: „сиречь во исхождении соприисносущным Духом Своим Святым от сердца отрыгнул“. Этим не вполне вразумительным выражением проповедуется, что Бог Отец и Духа Святого также при сотворении веков, совокупно с Единородным Сыном Своим, от сердца отрыгнул, то есть проповедуется, что Дух Святой не есть предвечный Бог, но вместе с веками получивший бытие. О Сыне Божием говорится в Белокриницком исповедании, что Он, хотя до сотворения дел и не был рожден Отцом, но был в уме Отца, а о Духе Святом и того не говорится, что Он был в уме Отца, а говорится только, что получил бытие или начало вместе с веками. Таким образом содержащееся в Белокриницком уставе учение о лицах Святой Троицы, если выразить его кратко, состоит в следующем: сначала, прежде век, было одно только лицо Святой Троицы — Бог Отец, и Он был в молчании, а потом, с началом веков, Он родил Сына-Слово, когда изрек: „да будут вещи“, и отрыгнул Святого Духа. Но о таком учении Первый Вселенский Собор сделал вот какое постановление: „Глаголющих о Сыне Божии, яко бысть время, егда не бе, или, яко прежде нежели родися, не бе... сих анафемствует кафолическая и апостольская Церковь“. Итак, учение, изложенное в Белокриницком уставе, представленное старообрядцами австрийскому правительству и положенное в основание их нынешней иерархии, есть учение, преданное

анафеме на Первом Вселенском Соборе, каковая анафема подтверждена потом и всеми Вселенскими Соборами.

Некоторые из старообрядцев, быть может, скажут, что составитель Белокриницкого устава, инок Павел, заимствовал изложенное им учение о Сыне Божиим из книги Андрея Цареградского, на которого прямо и указал: „по глаголу блаженного Андрея“. На это заметим, во-первых, что исповедание веры должно быть излагаемо так, как оно определено Вселенскими Соборами, а не должно быть утверждаемо на мнении частных лиц, притом же противном учению Церкви и даже преданном анафеме на Вселенских Соборах»*.

Инок Павел Белокриницкий, ссылаясь на «глагол блаженного Андрея Цареградского», имел в виду «Житие Андрея Юродивого», очень популярный на Руси славянский перевод византийского памятника X века, точнее, его отдел, именуемый в русской книжности как «Епифаниевы вопросы и ответы блаженного Андрея», ставший одним из источников апокрифических эсхатологических писаний, включавшихся иногда в списки отреченных сочинений. Однако, как замечал о подобном использовании в расколе известий из житий святитель Димитрий Ростовский, «Ефросин святой свят, а списатель жития его праведный ль? Неизвестно нам»**.

В тексте жития его автором назван священник храма святой Софии в Константинополе Никифор. Архиепископ

---

* Замечание на первую главу книги: «Истинность старообрядствующей иерархии», где сочинитель оной защищает еретическое учение Белокриницкого устава о Сыне Божиим, якобы Он родился от Отца совокупно с веками // Собрание сочинений Никольского единоверческого монастыря настоятеля архимандрита Павла. Ч. 3. М., 1897. С. 157–160.

** Федотова М. А. Эпистолярное наследие Димитрия Ростовского: исследование и тексты. М., 2005. С. 116.

Сергий (Спасский) пришел к твердому выводу, что «первоначальные записи Никифора были восполнены последующим лицом, особенно в пространных беседах святого Андрея с Епифанием»*. Архиепископ Сергей отмечал, что «по содержанию своему житие святого Андрея в некоторых местах и отделах не может быть приписано благочестивому священнику, бывшему в тесном духовном общении со святым Андреем...»**.

Определенно как о хульном рассудил о приводимом иноком Павлом отрывке из «Жития» выдающийся знаток греческой церковной книжности — преподобный Максим Грек, особенно почитаемый старообрядцами. Он, усмотрев полную неосновательность так называемого ответа Андрея юродивого, предполагал ложность приписывания его блаженному: «Не внимай же таким хульным учениям, не увлекайся саном написавшего и передавшего такие хульные учения, но суди о них правильно, согласны ли они с православными апостольскими и отеческими догматами, — ибо много есть таких писателей, которые извращают писания своими льстивыми и красивыми речами, принадлежащими к плотскому мудрованию, а приписывают свои сочинения Василию Великому, или Афанасию, или Златоусту, дабы надписанием имен святых учителей обмануть простых людей, которые и принимают посему их учение с великою верою. Ты же трезвься и не всякому духу верь, но искушай духи, аще от Бога суть (1 Ин. 4, 1)»***.

---

* *Сергий (Спасский), архиепископ Владимирский.* Святой Андрей, Христа ради юродивый и праздник Покрова Пресвятой Богородицы. СПб., 1898. С. 31.

** Там же. С. 29.

*** О вечно-священном и преславном рождении Единородного Сына и Слова Божия, Господа нашего Иисуса Христа // Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе. Ч. 3. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1911. С. 173–174.

Таким образом, ссылка инока Павла Белокриницкого на святоотеческое основание его вероизложения неверна, в том числе и по причине обычного в литературе раскола неразличения разницы в церковном достоинстве используемых текстов. Тем не менее, из-за важности для белокриницкого согласия как личности его учредителя, так и основополагающего «Устава», в их литературе были и продолжают до сих пор старания очистить их от обвинения в ереси.

Особенно много для этого делал крупнейший белокриницкий апологет Онисим Васильевич Швецов (именуемый впоследствии священноиноком Арсением и затем епископом Уральским), составивший несколько книг, первой из которых была «Истинность старообрядствующей иерархии противу взводимых на нее обвинений». Архимандрит Павел (Леднев) писал, что «первая ее глава заслуживает особого внимания по своему содержанию и значению. Она любопытна именно потому, что характеризует сочинителя, показывая, как он без рассмотрительности стремится во что бы то ни стало оправдать старообрядчество, — не стесняется даже проповедовать ересь и подпасть за то под клятву Вселенских Соборов, лишь бы только говорить и писать в защиту старообрядчества. Думаем, что едва ли кто и из самих старообрядческих писателей, не чуждый добросовестности, решится на то, чтобы для защиты старообрядчества оправдывать какое-либо мнение, явно противное православному учению веры и осужденное Вселенскими Соборами; у Швецова же и на это достаёт смелости. Ясно, что он ищет не истины, открытой в слове Божиим и утвержденной Соборами святых отцов, а только защиты своего любезного старообрядчества, ради которой готов пожертвовать

и истиной»*. «Пусть подумают именуемые старообрядцы: они обвиняют Церковь и отделяются от нее не за изменение каких-либо догматов веры, а за изменение перстосложения и подобных обрядов, а их собственные первенствующие учителя дерзновенно искажают самые основные догматы веры. Аввакум и Лазарь, первоучители раскола, мудрствовали, что Троица трисушна и сидит на трех престолах, а Христос на четвертом, Денисов в образовании трех перстов исповедывал Сына Божия нага от воплощения, Белокрыницкий Павел и Онисим Швецов проповедуют Сына Божия не собезначальным Отцу, но рожденным с веками, и Духа Святого, тогда же исшедшим от Отца. Не есть ли это Божие попущение на старообрядцев за их неправое обвинение Церкви в мнимых ересях и за их незаконное от нее удаление?..»**

⁹² НИОР РГБ. Ф. 234. Протоиерей Иоанн Полянский. П. 15. Ед. хр. 40. Л. 20–21.

⁹³ Там же. Л. 21–22.

⁹⁴ Там же. Л. 22–23.

⁹⁵ Московские церковные ведомости. 1910. № 15. С. 290–291.

⁹⁶ Там же. С. 292.

⁹⁷ Там же. С. 295–296.

⁹⁸ НИОР РГБ. Ф. 234. П. 15. Ед. хр. 42. Л. 45–46.

⁹⁹ Там же. П. 24. Ед. хр. 69. Л. 69.

---

* Замечание на первую главу книги: «Истинность старообрядствующей иерархии», где сочинитель одной защищает еретическое учение Белокрыницкого устава о Сыне Божием, якобы Он родился от Отца совокупно с веками // Собрание сочинений Никольского единоверческого монастыря настоятеля архимандрита Павла. Ч. 3. М., 1897. С. 156.

** Там же. С. 175–176.

¹⁰⁰ Там же. Ед. хр. 70. Л. 1–2.

¹⁰¹ Там же. П. 18. Ед. хр. 27. Л. 2–4.

¹⁰² Зверев А. Д. Крестные ходы в селе Борисове — православный и старообрядческий. М., 1911. С. 5–10.

¹⁰³ Там же. С. 11–12.

¹⁰⁴ Михаил Иванович Бриллиантов (1858–1941) родился в деревне Какузево Бронницкого уезда Московской губернии. Старообрядческий апологет, начетчик и организатор, поповец-окружник. Супругой М. И. Бриллиантова во втором браке была Елизавета Алексеевна, урожденная Балыкова, родом из села Борисово. Создал в Москве старообрядческое Братство во имя Честного и Животворящего Креста Господня и более сорока лет был его руководителем. При Братстве была создана типография. Был одним из главных инициаторов старообрядческих съездов. В 1918 году такой съезд прошел в августе. В сентябре 1918 года Бриллиантов был арестован как член Союза домовладельцев — эту организацию власти подозревали тогда в политической деятельности. На допросе в ЧК Бриллиантов охарактеризовал себя духовным коммунистом. В ноябре того же года он был освобожден после своего согласия стать секретным сотрудником ЧК. 23 марта 1932 года он был снова арестован и препровожден в ОГПУ, где заявил арестовавшим его сотрудникам, что здесь имеется его дело, намекая тем на свои контакты с ОГПУ. Следователи упрекнули его, что, участвуя в нелегальных собраниях старообрядцев и будучи сам сотрудником ОГПУ, он не информировал об этих собраниях. 14 июля 1932 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило М. И. Бриллиантова к трем годам ссылки в Казахстан, но уже 28 февраля 1933 года постановило досрочно освободить его. Еще до постановления об освобождении Бриллиантов выехал в Москву и 13 января 1933 года был

арестован в городе Горьком по обвинению в связях с заграницей. На этот раз ОГПУ быстро разобралось в причинах его появления в Горьком, и уже 17 января он был освобожден, а 7 апреля дело было прекращено, и он вернулся в Москву. М. И. Бриллиантов скончался в Москве 2 сентября 1941 года и был погребен на Рогожском кладбище.

¹⁰⁵ НИОР РГБ. Ф. 234. П. 18. Ед. хр. 27. Л. 23–24.

¹⁰⁶ Там же. Л. 25.

¹⁰⁷ Священник Валериан Цветков родился 24 мая 1871 года в семье псаломщика Успенского храма в Коломне Петра Гавриловича Цветкова*. В 1891 году он окончил Московскую духовную семинарию и был назначен учителем в церковно-приходскую школу в деревне Заволинье. С 1891-го по 1899 год был миссионером в Гуслицах. В 1894 году он был рукоположен во священника к Покровской церкви в селе Запоторье Богородского уезда. С 1896-го по 1899 год отец Валериан был членом Преображенского при Гуслицком отделении Совета Кирилло-Мефодиевского братства и заведующим и законоучителем второклассной при Гуслицком Преображенском монастыре церковно-приходской школы. В 1899 году он был переведен в Покровский храм в городе Коломне. С 1904-го по 1912 год был миссионером по городу Коломне и Коломенскому уезду. С 1912 года отец Валериан стал служить в храме преподобного Сергия в Рогожской в Москве**. С 1913 года он стал миссионером Братства святителя Петра митрополита и редактором журнала Братства «Братское слово». В 1916 году был награжден наперсным крестом***.

---

* ЦГА Москвы. Ф. 234. Оп. 2. Д. 955. Л. 20.

** Там же. Ф. 1786. Оп. 1. Д. 836. Л. 257 об.–259.

*** Там же. Д. 877. Л. 147 об.–150 об.

¹⁰⁸ Диакон Иоанн Дмитриевич Некрасов, родился в 1877 году в Москве. До 1920 года служил в храме преподобного Сергия Радонежского в Рогожской, затем уехал в Рязанскую область. В 1931 году он был арестован и вскоре освобожден, в 1938 году снова арестован и в 1940 году приговорен к пяти годам ссылки.

¹⁰⁹ Московские церковные ведомости. 1914. № 27. С. 498–500.

¹¹⁰ Полное собрание сочинений протоиерея Иоанна Восторгова. Т. IV. СПб., 1995. С. 480–481.

¹¹¹ НИОР РГБ. Ф. 234. П. 18. Ед. хр. 28. Л. 7 об.–8.

¹¹² Полное собрание сочинений протоиерея Иоанна Восторгова. Т. IV. СПб., 1995. С. 651–652.

¹¹³ Иеромонах Митрофан (в миру Михаил Александрович Землянский; 1863–1914) родился в семье священника. В 1884 году окончил Санкт-Петербургскую духовную семинарию, в 1887 году был рукоположен во священника к церкви Михайловского погоста Новоладожского уезда Санкт-Петербургской губернии. В селе занимался просвещением раскольников; с этой целью организовал три приходские школы, в которых обучалось восемьдесят детей. В 1890 году он овдовел и в 1891 году поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию. В 1895 году, окончив академию, он был пострижен в монашество с именем Митрофан и определен помощником смотрителя Московского Заиконоспасского духовного училища. В 1897 году — назначен преподавателем гомилетики в Новгородскую духовную семинарию, в 1903-м — инспектором Могилевской духовной семинарии. В этот период он за подписью «иеромонах Митрофан» опубликовал серию статей в журнале «Руководство для сельских пастырей», привлечших внимание Алексея Даниловича Зверева критикой в адрес миссионеров, так что он счел необходимым дать на них

развернутые ответы. В 1905 году иеромонах Митрофан был назначен настоятелем Астраханского Покрово-Болдинского монастыря с возведением в сан архимандрита. В 1910 году — хиротонисан во епископа Елецкого, викария Орловской епархии. Его сочинение «Восстановление церковно-уставной проповеди как надежный способ обращения заблуждающихся от истинной веры и благочестия», опубликованное в 1910 году, отражает основное направление его писательской деятельности.

¹¹⁴ Миссионерское обозрение. 1904. № 8. С. 964–965.

¹¹⁵ Алексей Егорович Шашин (ок. 1851–1916) — православный миссионер-слепец, духовный писатель, проповедовал среди старообрядцев, а впоследствии также и среди протестантов и мусульман. Родился в православной крестьянской семье в Нижегородской губернии. В возрасте двух недель потерял зрение. С семи лет слушал чтение Священного Писания и различных книг на собраниях у местных беспоповцев. Дед Алексея, нетовец, совратил его в раскол. Девятнадцати лет он оставил Церковь и перешел в нетовщину, сделался начетчиком. Знакомясь с людьми, любящими читать книги, он воспринимал содержание книг на слух. Изучение Священного Писания и творений святых отцов вернуло Алексея в Церковь, когда ему было двадцать два года. Возвращению его в Церковь способствовал инок Никольского единоверческого монастыря Варнава, один из любимых учеников отца Павла, посылаемый им в различные места для беседований. Окончательное присоединение Алексея Шашина произошло в Никольском монастыре, чему в значительной степени способствовал архимандрит Павел. С 1876-го по 1880 год Алексей прожил в Никольском монастыре послушником и под руководством отца Павла учился беседовать с раскольниками. В монастыре он выучил на память «Пространный

православный катехизис» митрополита Московского Филарета, Псалтирь и Часослов. С 1880-го по 1883 год он исполнял послушание миссионера в селе Городец Нижегородской губернии, где было много раскольников. В 1884 году митрополит Московский Иоанникий (Руднев) назначил его от Братства святителя Петра митрополита миссионером в Гуслицы Московской губернии. В 1891 году усилиями А. Е. Шашина была открыта школа в гуслицкой деревне Заволинье. А. Е. Шашина, обладавшего уникальной памятью, простотой речи, умением мирно изъясняться с собеседниками, со вниманием слушали и православные, и раскольники. Он следил за всей выходившей тогда миссионерской литературой, хорошо знал новые сочинения о расколе, подготовил себе помощников и учеников-миссионеров, преимущественно из обращенных им из раскола. Многократно вызывался архипастырями для ведения бесед в приходах Владимирской, Нижегородской, Херсонской, Костромской, Ставропольской, Астраханской, Владикавказской епархий и Грузинском экзархате. С 1880-х по 1910-е годы регулярно публиковал свои беседы с раскольниками и сектантами в епархиальных и миссионерских изданиях, а также опубликовал «Указатель по Библии для руководства православным к собеседованию с сектантами» (Харьков, 1910). Впоследствии, когда А. Е. Шашину по телесной немощи пришлось оставить миссионерскую деятельность, Святейший Синод назначил ему пожизненную пенсию.

¹¹⁶ Епископ Костромской и Галичский Виссарион (в миру Василий Петрович Нечаев; 1822–1905) родился в семье диакона. Окончил Тульскую духовную семинарию и Московскую духовную академию. С 1852 года преподавал в Московской духовной семинарии. В 1853 году рукоположен во священника, в 1855-м — назначен в церковь

святителя Николая в Толмачах в Москве, в которой ввел общее пение за богослужением и постоянно проповедовал, что было редко в то время. В 1859 году вошел в состав редакции новооткрытого журнала «Душеполезное чтение», с 1865-го по 1889 год был его редактором-издателем. Считал, что главная задача журнала — служить духовно-нравственному наставлению христиан, удовлетворять потребности общеназидательного и общенародного духовного чтения. Возведен в сан протоиерея. После смерти супруги принял в 1889 году монашество и в том же году был хиротонисан во епископа Дмитровского. В 1891 году назначен епископом Костромским и Галичским. В 1894 году он был удостоен степени доктора богословия за заслуги по истолкованию Священного Писания, раскрытию истин православия, изъяснению богослужения и молитв и обличению раскольников. Епископ Виссарион ежедневно вставал до заутрени и приходил к богослужению в храм. Почти беспрестанно трудясь, отходил от дел в 11–12 часов ночи. Был отзывчив к нуждам бедных просителей и помогал им из своих личных средств. Ежедневно подавал милостыню нищим. Как пастырь и проповедник участвовал в беседах со старообрядцами, состоял в Братстве святителя Петра митрополита с момента его открытия, был соратником архимандрита Павла и Н. И. Субботина. Размышляя о духовных причинах раскола и о путях его преодоления, говорил об «ожесточении сынов противления под влиянием духов злобы», считал, что нельзя не признавать «наших сынов противления Церкви жертвами той же злой демонской силы. <...> Понятно, почему так трудна борьба с расколом: ведущие борьбу имеют борьбу не с одними людьми, но вместе с темными силами, чрез них действующими, с миродержителями тьмы века сего, с духами злобы поднебесными. Сила их не иначе может

быть ослаблена, как иною противоположною силою — силою благодати. Посему приступающие к собеседованию с сынами противления паче и прежде всего должны молить Духа истины, дабы Он Сам Своею благодатью отгнал от них облегающий их облак, сокрывающий в себе духа злобы и лукавства, дабы избавил их от его наваждений»*.

¹¹⁷ Нетовцы, или Спасово согласие, — беспоповский неперекрещенский толк в старообрядческом расколе; хотя «о Церкви имеют понятие, как и все перекрещенцы»**, то есть считают ее еретической, антихристовой, тем не менее приходящих к ним не перекрещивают, боясь неоднократно изъясненного святителем Иоанном Златоустом запрета: второе себе крещаяй, паки Христа распинает. Также нетовцы и своих детей крестят у православных священников, боясь прещения, накладываемого канонами (2-е правило всех святых апостолов по старопечатной Кормчей) за восхищение прав, не дарованных мирянину. «Также и хотящих брачитися нетовцы посылают для венчания в православную церковь, а не венчавшись, жить не велят»***. При этом «молодых, вступивших в брак, хотя и принадлежащих к их согласию, у которых еще родятся дети, в свое общение не приемлют, говоря: „вы еще молоды, поживите в миру“ (так они зовут общение с православными)». Нетовцы «больших собраний на молении не делают, боясь запрещения 6-го правила Собора, иже в Гангре, глаголющего: „Аще кто кроме соборныя церкви о себе собирается, и не радя о церкви церковная хочет творити, не сущу

---

* *Виссарион, епископ.* О расколе и по поводу раскола. Семнадцать проповедей. М., 1890. С. 149–150.

** *Архимандрит Павел.* Краткие известия о существующих в расколе сектах, об их происхождении, учении и обрядах, с краткими о каждой замечаниями. М., 1905. С. 74.

*** Там же. С. 75.

с ним пресвитеру по воле епископли, да будет проклят“». Также они стараются «во что бы то ни стало умершего своего сочлена не отпевать в православной церкви и на православном кладбище не хоронить. <...> Нетовщина получила свое название от слова „нет“, потому что у них нет ни одного совершаемого ими таинства. А „Спасовыми“ их называют потому, что они, имея сомнение о таинстве Крещения, получаемого ими от Православной Церкви, на вопрос перекрещенников, как они надеются спастись при сомнительном крещении, обыкновенно отвечают: „надеемся на Спасову милость, а второе креститься боимся“, и сами любят называть свое согласие „по Спасовой милости“»*.

В нетовщине имелось разделение на толки, и она продолжала делиться, особенно по вопросам о форме принятия из Православной Церкви и о совершителях крещения.

¹¹⁸ Иван Петрович Ломакин (или Ламакин, оба написания использовались в церковных изданиях; ок. 1846 – ок. 1920-х гг.), более сорока лет служил нижегородским епархиальным миссионером. По происхождению крестьянин села Вершинино Княгининского уезда Нижегородской губернии, с 1902 года потомственный почетный гражданин, жил в селе Городец. Был рожден в православии, но ушел в беспоповское, затем в белокриницкое согласие. Был миссионером раскола и близким московскому лжеархиепископу Антонию (Шутову). Призванный проповедовать и защищать австрийскую иерархию, он сам пришел в крайнее сомнение относительно ее законности и правильности. Рассмотрев же беспристрастно раскольнические обвинения против Церкви, нашел их ложными и решился принять

---

* *Архимандрит Павел*. Краткие известия о существующих в расколе сектах, об их происхождении, учении и обрядах, с краткими о каждой замечаниями. М., 1905. С. 76.

православие. Свои убеждения о непогрешимости Православной Церкви в догматах веры и свои сомнения относительно законности новоучрежденной австрийской иерархии он тогда же сообщил многим нижегородским старообрядцам и убедил некоторых войти в рассмотрение вопросов о Церкви и расколе. Слухи обо всем этом дошли до Антония и весьма огорчили его, и для удержания в расколе поколебавшихся от проповеди И. П. Ломакина он отправил в Нижегородскую губернию своего ведущего проповедника и секретаря Онисима Швецова и другого видного начетчика Антона Егорова. Они сделали многолюдное собрание для беседы с Ломакиным, на которой не в состоянии были разрешить предъявленных им сомнений относительно раскола и австрийской иерархии. По возвращении в Церковь с 1875 года И. П. Ломакин стал миссионером нижегородского отделения Братства святого Креста. В 1901 году он был избран пожизненным членом Братства. Ежегодно проводил, несмотря на старость и болезни, по несколько десятков собеседований со старообрядцами в различных местах губернии. Многие начетчики, не чувствуя возможности оспорить Ломакина, чтобы не подорвать свой авторитет среди старообрядцев, старались уклониться от собеседований с ним. Он положил начало известным в свое время беседам со старообрядцами на Нижегородской ярмарке и традиционно участвовал в них. За время служения Ломакина им были обращены из раскола и разных сект более двух тысяч человек. Некоторые из них становились священниками или миссионерами; по его убеждению обращенные из раскола начетчики строили единоверческие церкви.

¹¹⁹ Адриан Иванович Озерский (1791 – не ранее 1862), церковный деятель, коллекционер, московский купец из семьи старообрядцев; был женат на Татьяне Ивановне

Хлудовой, сестре А. И. Хлудова. Желая узнать причины раскола, с юности посвятил свободное от занятий время чтению и изучению старопечатных книг и древних памятников письменности, что привело его впоследствии к присоединению к Православной Церкви. Вел полемические беседы со старообрядцами. Как миссионер пользовался расположением митрополита Московского Филарета. А. И. Озерский был ктиторм церкви Преображения Господня на Болвановке, затем Покровского собора на Красной площади. Известный собиратель старинных рукописных книг. Инициировал коллекционерскую деятельность А. И. Хлудова, книжное собрание которого по древности и ценности памятников стало одним из лучших в России. Свое собрание, которое легло в основу собрания Хлудова, Озерский завещал ему с условием: не скрывать под спудом, а употреблять на пользу православия, что и было исполнено. Его сочинение «Выписки из старописьменных, старопечатных и других книг, свидетельствующие о святости соборной и апостольской Церкви и о необходимости покоряться ее уставам для достижения спасения» неоднократно переиздавалось (6-е издание. М., 1914) и считалось православными миссионерами драгоценной настольной книгой. В предисловии к этому изданию А. И. Озерский писал: «Да послужат собранные мною свидетельства старопечатных книг и древних рукописей к обращению в единение веры и союз мира с Церковью моих братьев, неправо уклонившихся от единства с нею. Против известных возражений и сомнений их привожу свидетельства древних книг и рукописей без всякого изменения, не исправляя даже грамматических ошибок в словосочетании и письме, а оставляя их в том виде, как они читаются или пишутся в книгах и рукописях, уважаемых самими старообрядцами».

¹²⁰ Протоиерей Ксенофонт Никифорович Крючков (1842–1909) родился в семье богатых крестьян-торговцев, беспоповцев поморского согласия, в селе Поим (или Паим) Пензенской губернии. Архимандрит Павел так вспоминал о нем: «Услышал он о моем расположении православию, и, когда весною 1867 года я приехал в Москву, туда же прибыл и он. Мы видались, беседовали, и при помощи Божией уразумел он неправость раскола, принял намерение присоединиться к святой Церкви. Соболезнуя же и о братьях своих, пребывающих в отчуждении от Церкви, стал просить меня вместе с ним отправиться в Паим для собеседования с глаголемыми старообрядцами»*. Впоследствии он под руководством отца Павла стал изучать богословие и в 1868 году присоединился к Церкви как единоведец. В 1880 году был рукоположен во священника, позже — назначен епархиальным, а затем синодальным миссионером и возведен в сан протоиерея. В селе Поим отец Ксенофонт построил два единовецких храма. Всего за время своей деятельности он построил сто пятьдесят церквей и обратил десятки тысяч раскольников к Церкви. Среди его учеников были будущие священномученики Василий Надеждин и Михаил Макаров. По мнению канониста С. В. Троицкого, «проникнутый духом Священного Писания и писаний святых отец и зная ту среду, в которой вращался, он говорил правду прямо в глаза и, как благоразумный врач, не боялся давать больным горькое, но целебное лекарство. Его неотразимое влияние на слушателей объясняется не ораторскими приемами, к которым он не прибегал, а простотою, прямою, ясностью и убежденностью

---

* *Архимандрит Павел. Первая беседа моя со старообрядцами в селе Паиме // Полное собрание сочинений Никольского единовецкого монастыря архимандрита Павла. Т. 1. М., 1897. С. 389.*

его речи. Можно сказать... что из всех учеников Павла Прусского... отец Ксенофонт, хотя и не превзошел своего учителя, но стал всего ближе к нему и по его ревности, и по успехам своей проповеди»*.

¹²¹ Миссионерское обозрение. 1904. № 9. С. 1100–1103.

¹²² Речь идет о следующем. В своей статье «К вопросу о способах обличения неправды раскольнической» отец Митрофан, желая опереться на авторитет апостола Павла в подтверждение своей мысли, что не следует вступать в устные собеседования с раскольниками (хотя сам апостол Павел, проповедуя по большей части устно, все время участвовал в таких собеседованиях, причем с людьми совершенно не разделявшими его взглядов), писал: «Пригодность общедоступных публичных собеседований с извержными вожаками раскола по деревням и весям может быть оспариваема на основании слов святого апостола Павла, настойчиво предлагавшего: буих стязаний и сваров законных (о законе Божиим) отступать из-за их бесполезности и суетности (Тит. 3, 9), — и прямо называвшего подобные словопрения непотребным пустословием — тщегласием, однако открытые для всех разглагольствования, иногда соблазнительные, помогающие преуспеянию нечестия (2 Тим. 2, 16, 23), иными почему-то признаются единственно надежным способом для успешного обращения глаголемых старообрядцев»**.

Увидев, что в данном цитировании мысль апостола, по его мнению, была искажена, Алексей Данилович в своем ответе на статью отца Митрофана написал: «Спросите

---

* С. Т. [Троицкий С. В.] † Протоиерей Ксенофонт Никифорович Крючков // Церковные ведомости. 1909. № 2. С. 1101.

** Руководство для сельских пастырей. № 24. Киев, 1903. С. 175.

Вы каждого по убеждению обратившегося в Церковь раскольника: что его расположило оставить раскол и перейти в православие? — я уверен, что он Вам не преминет указать на устные (как публичные, так и частные) собеседования и чтение противораскольнических книг. Как же после сего согласиться с Вашим мнением, что устные беседы с глаголемыми старообрядцами суть „непотребное пустословие, помогающее преуспеянию нечестия“, когда мы воочию видим их плодотворность?! Но Вы в защиту своего мнения указываете на слова святого апостола Павла: „Буих же стязаний и родословий* и рвений и сваров законных отступай: суть бо бесполезны и суетны“ (Тит. 3, 9; 2 Тим. 2, 16, 23), применяя сии слова апостола к публичным и частным беседам со старообрядцами и усиливаясь доказать, что святой апостол осуждает здесь и даже запрещает такие беседы. Почитаю долгом объяснить Вам, что Вы приведенные слова верховного апостола истолковали неверно — не согласно как с точным смыслом их, так и с толкованием на них святого Иоанна Златоуста. Почитаю также долгом напомнить Вам, что своемысленное толкование слов Священного Писания, не согласно святоотеческому, есть дело предосудительное — как для мирян, так тем более для лиц, облеченных духовным саном, каков Вы, отец иеромонах! 19-е правило Шестого Вселенского Собора говорит: „Предстоятели Церкви поучают народ... аще будет исследуемо слово Писания, то не инако да изъясняют оное, разве как изложили светила и учителя Церкви в своих писаниях, и сими более удовлетворяются, нежели составлением собственных слов, дабы при недостатке умения в сем не уклониться от подобающего“.

---

* Выражение апостола: „родословий“ отец Митрофан пропустил, хотя оно имеет существенное значение. — Алексей Зверев.

Неверность Вашего объяснения слов апостола доказывается уже тем, что речь в них идет о состязаниях, имеющих предметом своим не Священное Писание и вообще христианское учение о вере и нравственности, а чуждые христианству учения иудеев и язычников. Иудейские и языческие состязания и участие в них христиан, а особенно лиц, облеченных священным саном, апостол действительно осуждает и запрещает как бесполезные и вредные. Что святой апостол понимает здесь действительно состязания иудейские, а частью и языческие — философские, это доказывают самые выражения апостола: „родословия“, „свары законныя“ (Тит. 3, 9), „басни и родословия бесконечныя“ (1 Тим. 1, 4), „философия, тщетная лесть, по преданию человеческого, по стихиям мира, а не по Христе“ (Кол. 2, 8) и др. Эти выражения святого апостола Златоуст объясняет так: „Что значит "родословий"? В послании к Тимофею он также упоминает об них, когда говорит: *баснем и родословием безконечным* (1 Тим. 1, 4). И там и здесь он, вероятно, намекает на иудеев, которые, превозносясь праотцем своим Авраамом, о самих себе не радели. Посему он и называет такие родословия бесполезными и суетными. Действительно, безумно надеяться на вещи бесполезные“ (Бес. 6-я на посл. к Титу, с. 77–80 по изд. при С.-Петербургской духовной академии 1859 г.). В другом месте святой Златоуст говорит: „Таких состязаний отрицайся; следовательно, есть и другие состязания, например, касательно Писаний и тому подобных предметов“ (Бес. 6-я на 2 посл. к Тим.; с. 81 по тому же изданию). Очевидно, Златоуст с полной ясностью отличает состязания о Писаниях и состязания о предметах, относящихся к иудейским родословиям, закону Моисееву и языческой философии.

Участие в этих последних апостол действительно осуждает и запрещает. О состязаниях же, имеющих

предметом Священное Писание и подобное ему, не произносится здесь никакого осуждения. Правда, апостол полагает некоторое ограничение состязаниям и с еретиками, которые до того развращены, что уже не подают никакой надежды на исправление. Что же касается еретиков, не утративших еще совести и веры слову Божию, то святой апостол даже требует их обличения и вразумления. Именно он говорит: *обличай со всяким повелением* (Тит. 2, 15); *обличай их нещадно* (Тит. 1, 13). Вот как рассуждает святой Златоуст о состязаниях с еретиками: „Споров с еретиками он (апостол Павел) повелевает избегать, дабы не трудиться напрасно, без всякой пользы, ибо конец их ничтожен. Когда кто-нибудь развратился до такой степени, что никаким образом не решается переменить своего мнения, то для чего тебе трудиться напрасно, сея семя на камне“ (Бес. 6-я на посл. к Титу, с. 78). И в другом месте. „Апостол говорит: еретика человека, по первом и втором наказании, отрицайся. Это он говорит о человеке неисправимом, о котором известно, что он болен неизлечимо. *Еда како даст им Бог покаяние в разум истины, и возникнут от диавольския сети* (2 Тим. 2, 25–26). Смысл этих слов следующий: может быть, и будет какое исправление. Слово "может быть" употребляется о предметах, неизвестных в точности; следовательно, нужно отступать только от тех людей, о которых мы можем точно сказать, что они не исправятся, какие бы меры ни были употребляемы“. Затем святой Златоуст, объясняя слова апостола: *с кротостию наказующу противныя*, продолжает: „Видишь ли, как должно приступать к желающим научиться, и не нужно оставлять собеседования с ними прежде их убеждения“ (Бес. 6-я на 2 посл. к Тим. 2, с. 82–83). Из этого объяснения апостольских слов святым Златоустом видно, что не позволительны состязания только с еретиками неизлечимо больными; с теми же

из них, которые подают еще надежду на исправление, „не нужно оставлять собеседования прежде их убеждения“. Впрочем, и с неисправимыми еретиками святой апостол запрещает состязания только до тех пор, пока они своим развращенным учением вредят только лично самим себе, коль же скоро они будут развращать других, то святой апостол повелевает таковым заграждать уста. Вот подлинные слова апостола: *Суть бо мнози непокориви, суесловцы и умом прельщени, наипаче же сущии от обрезания, ихже подобает уста заграждати: иже вся домы развращают, учаще яже не подобает, сквернаго ради прибытка* (Тит. 1, 10–11). Объясняя сии слова святого апостола, Златоуст говорит: „Для чего же апостол повелевает ему (Титу) заграждать уста противоречущим, если нужно оставить их, когда они сами делают все на свою погибель? Здесь он повелевает не делать этого преимущественно в отношении к их пользе, ибо они не могут получить себе никакой пользы, однажды навсегда развратившись душою. Но если они станут губить других, то нужно восстать против них, бороться с ними и опровергать их с великим мужеством. Когда ты будешь поставлен в необходимость и увидишь, как развращаются другие, то не молчи, но заграждай уста развратителей, заботясь о тех, которые готовы погибнуть“ (Бес. 6-я на посл. к Титу, с. 79–80 по изд. при С.-Петербургской духовной академии 1859 г.).

На основании сего повеления святого апостола и рассуждений Златоуста смело можем сказать, что производимые православными миссионерами беседы с именуемыми старообрядцами не только не противоречат учению Священного Писания, но являются даже прямым исполнением его. Смело также можем сказать и то, что иеромонах Митрофан, взяв отрывочно слова святого апостола Павла о „буих стязаниях“ и применив их к

беседам со старообрядцами, поступил по меньшей мере неосмотрительно»*.

¹²³ Миссионерское обозрение. 1904. № 10. С. 1260.

¹²⁴ Сызранский филиал ГБУСО «Центральный государственный архив Самарской области». Ф. 35. Оп. 1. Д. 1. Л. 329.

¹²⁵ Поморское согласие — беспоповский переkreщенский толк в старообрядческом расколе, главным отличием которого является то, что в нем допускается возможность мирянам-наставникам благословлять браки, именуемые бессвященнословными. Название согласия связано с Поморьем (Заонежьем), где в XVIII веке находился главный центр согласия — Выговская пустынь, основанная в 1694 году недалеко от северо-восточной оконечности Онежского озера на реке Выг, иначе называемая вместе с находившейся под единым управлением близ лежащей Лексинской женской обителью Выголексинским общежитием. Состоя преимущественно из мирян, оно было устроено по типу монастырского общежития (киновии) с общей молитвой, трапезой и имуществом. Будучи изначально проповедниками безбрачия, как и все беспоповцы-переkreщенцы, впоследствии брачные поморцы стали наиболее многочисленными из них, именно по причине постепенного признания возможности заключать браки и присоединения к ним целых общин, не приемлющих законность брака, беспоповцев — федосеевцев и т. п.

¹²⁶ Общее именование сборников различного состава, рукописных или печатных, в древнерусской, а также в старообрядческой книжности. Особенно были распространены сборники со святоотеческими поучениями, прежде всего «Златоуст», большинство Слов которого,

---

* Миссионерское обозрение. 1904. № 8. С. 966–969.

расположенных в соответствии с годовым богослужебным кругом, надписывалось именем святителя Иоанна Златоуста. Старообрядцами неоднократно переиздавался «Большой соборник», содержащий объемные поучения на триодный период.

¹²⁷ Колосов Н. А. Архимандрит Павел (Прусский). (Некролог). М., 1895. С. 4.

¹²⁸ Сызранский филиал ГБУСО «Центральный государственный архив Самарской области». Ф. 35. Оп. 1. Д. 1. Л. 255 об.

¹²⁹ По изъяснению архимандрита Павла (Леднева), «спустя немного времени от появления своего и соборного над ними осуждения, раскол стал распадаться на различные секты и толки. Сначала он распался на две части: *поповщину* и *беспоповщину*, а *беспоповщина* на *перекрещенцев* и *неперекрещенцев*. Эти секты и поныне составляют три главные части раскола, которые внутри себя еще распались на разные толки и подразделения»*.

«Все исчисленные секты отделяются от Православной Церкви за принятие ею троеперстия и исправленных книг; сами же все принадлежащие к сим сектам знаменуются двуперстно и молятся по одним и тем же старопечатным книгам». При этом «каждая из сект только себя исповедует соборной и апостольской церковью и у себя только исповедует спасение, а прочих всех считает осужденными на вечную погибель. <...> Коренной причиной раздробления раскола на многие секты служит то же самое, что послужило причиною отделения старообрядцев от Православной Церкви. Обрядов церковных они не отличили

---

* Архимандрит Павел. Краткие известия о существующих в расколе сектах, об их происхождении, учении и обрядах, с краткими о каждой замечаниями. М., 1905. С. 13.

от догматов веры, существенного и неизменяемого в христианстве — от несущественного и изменяемого, посему исправление обрядов, предпринятое Церковью, приняли за изменение догматов и отделились от Церкви»*.

«Это недоумение [то есть, непонимание], соединенное с самонадеянием и самомнением, породило в расколе недоверие ко Вселенской Церкви и отделение от нее, — писал архимандрит Павел. — Раскольники пришли в такое неистовство, что каждое у них единичное лицо делает более доверяя себе и своему знанию, чем Вселенской Церкви. Эта изначала обнаружившаяся в расколе болезнь усилилась, и она-то делит его на секты»**.

«Точно так же и между собой они делятся главным образом из-за обрядовых мелочей, которым усваивают великое значение, как догматам веры. И затем когда старообрядцы оказали неповиновение Вселенской Церкви, дерзнули отделиться от нее, тем менее они явились способными иметь доверие одни к другим и между собою соблюдать крепкий союз. Недоверие и неповиновение Церкви открыло им дверь и ко взаимным раздорам, открыло свободу каждому заводить свою веру, свою секту. Отделившись от Вселенской Церкви, свою веру заводить уже не страшно»***.

А что «беспоповцы, — писал архимандрит Павел, — более поповцев разделились на секты, причина тому та,

---

* *Архимандрит Павел*. Краткие известия о существующих в расколе сектах, об их происхождении, учении и обрядах, с краткими о каждой замечаниями. М., 1905. С. 15.

** *Субботин Н. И.* Еще пятнадцать лет служения Церкви борьбою с расколом. Моя переписка с архимандритом Павлом за 1879–1895 годы. Выпуск первый: 1879–1886 гг. М., 1902. С. 297.

*** *Архимандрит Павел*. Краткие известия о существующих в расколе сектах, об их происхождении, учении и обрядах, с краткими о каждой замечаниями. М., 1905. С. 15–16.

что они более поповцев одогматили обрядовую сторону веры и потому более зазрели или обвинили Церковь в мнимых ересях»*.

Беспоповцы, они же (почти все) «перекрещенцы, первоначально составляли одно нераздельное общество, содержащее во всей строгости учение первых вождей раскола о Православной Церкви, а именно, что она будто бы под именем Иисуса верует в иного Бога, в крещении молится духу лукавому, под видом креста четвероконечного почитает кумир антихриста, и все другие несправедливые обвинения на Церковь <...> они признали, что принадлежащие к Православной Российской Церкви горше всех прежде бывших еретиков, и необходимо нужно крещенных в сей Церкви, приходящих к ним, не иначе принимать, как только через повторение крещения»**.

«Беспоповцами же они именуются потому, что не только не имеют епископов, но даже никого от священного сана, ибо они и священников, от Православной Церкви приходящих к ним, порешили снова крестить, то есть принимают как мирян». Они веруют, что «священство православное истребилось во всем мире и совершилось якобы последнее всемирное отступление; в этом отступлении признали они явление и царствование последнего антихриста, учат, что антихрист царствует во всей Православной Церкви через принятие ею мнимых ересей. <...> Богослужение, такожде крещение, исповедь и другие требы, совершаются у перекрещенцев простолюдинами, не только

---

* *Субботин Н. И.* Еще пятнадцать лет служения Церкви борьбою с расколом. Моя переписка с архимандритом Павлом за 1879–1895 годы. Выпуск первый: 1879–1886 гг. М., 1902. С. 297.

** *Архимандрит Павел.* Краткие известия о существующих в расколе сектах, об их происхождении, учении и обрядах, с краткими о каждой замечаниями. М., 1905. С. 34.

мужчинами, но и женщинами ... Благословение это [на совершение треб], имеющее значение поставления на священную степень, <...> можно получить только от такого же благословенного отца* , — то есть через преемство-поставление наставников существует неканоническая «мирянская иерархия».

«Главными начальниками беспоповской перекрещенческой секты в начале XVIII столетия были: в Поморье [Занежье], в Олонецких пределах, Данила Викулов, по имени которого и скит беспоповщинский на реке Выг назывался Даниловым Выгорецким монастырем, также братья Андрей и Семен Денисовы, а в Новгородских пределах Феодосий Васильев [первоучитель федосеевцев; бывший дьячок церкви в слободе Крестецкий Ям; † 1711]. О Православной Церкви они и современные им ученики их имели те же понятия, как и первоначальные вожди раскола, и вообще находились сначала во взаимном согласии. Было у них только некоторое различие в учении о браке. О поженившихся после перекрещивания, также о поженившихся природных из их согласия старообрядцах, они имели одинаковое мнение: браки их не признавали законными и без расторжения брака в свое общество таковых не принимали на совокупное ядение и моление. Но браки поженившихся до перекрещивания Феодосий Васильев называл законными по 72-му правилу Шестого Вселенского Собора и позволял таковым пребывать в единодомовном сожительстве, допускал их до совокупного моления и ядения; при этом же, однако, требовал от них обещание на чистое [безбрачное] житие, а за чадородие наказывал

---

* *Архимандрит Павел*. Краткие известия о существующих в расколе сектах, об их происхождении, учении и обрядах, с краткими о каждой замечаниями. М., 1905. С. 34–36.

епитимьей, что впоследствии было подтверждено Феодосеевскими статьями [то есть уставом]. Еще Феодосий принимал на поклонение крест Христов с надписанием на дщице четырех литер: И.Н.Ц.И. [то есть Иисус Назарянин Царь Иудейский], почитая сие надписание за едино с надписанием: Ис. Хс. Поморские же наставники Данилова скита отвергали и то, и другое [то есть браки поженившихся до перекрещивания считали незаконными] <...> также и кресту Христову с надписанием на дщице титлы И.Н.Ц.И. не допускали поклонения, считая оную титлу нововведением Никона. И еще брашно, купленное на торжище [от иноверных], Феодосий Васильев требовал очищать положением поклонов с молитвой Иисусовой, а поморские учителя не почитали нужным такое очищение. Феодосий Васильев ездил в Поморский Данилов скит уговаривать их, чтобы отказались от сих разномыслий, но поморцы остались при своем мнении. Из-за этого произошло между перекрещенцами первое разделение: одна беспоповская перекрещенская секта распалась на два толка [то есть федосеевский и поморский]. Разделение это совершилось в 7214 (1706) году»*.

«Сущность федосеевского учения, по которому можно судить о желаниях и цели федосеевства, заключается в следующем: „Ныне брака нет и жениться законопреступно; юных детей родителям на брак благословлять невозможно; родители, благословившие своих детей на брак, подлежат отлучению (С.-Петербургского федосеевского собора статьи 1 и 3); кто посягнет браком, без расторжения брака и пред смертью не может быть принят на покаяние

---

* *Архимандрит Павел*. Краткие известия о существующих в расколе сектах, об их происхождении, учении и обрядах, с краткими о каждой замечаниями. М., 1905. С. 47–48.

и в общество (того же федосеевского собора ст. 2); рождения ныне законного нет: все рождаются от блуда...“ (Ответы Преображенского кладбища, данные через Филиппа Осипова Онисиму Никифоровичу Любушкину)»*.

Впоследствии федосеевцы стали самым многочисленным из беспоповских согласий и из-за богатства, и прежде всего по причине наличия Преображенского кладбища в Москве — духовного центра раскола, где в конце XVIII-го — первой половине XIX века процветало федосеевское общежитие, считавшееся раскольниками за монастырь, а властями за «Преображенский богадельный дом».

«Поповцы получили такое название потому, что не имеют у себя епископов, верховного в Богом устроенной иерархии епископского сана, а только имеют одних попов; они же называются беглопоповцами потому, что эти их попы суть беглые или бежавшие от Православной Церкви — по их же мнению, бежавшие от ереси.

Поповцы в учении о Православной Церкви во всем последуют первоучителям раскола. <...> Они стали принимать бежавших от Церкви священников с того времени, как стало в расколе прекращаться, по их выражению, древнего рукоположения священство <...> [и] решились восполнять свою нужду в священстве приходящими к ним иереями Православной Церкви, рукоположенными православными епископами, с тем, однако же, чтобы эти священники совершили отречение от Православной Церкви и подвергли себя повторительному совершению над ними миропомазания, то есть стали принимать бегствующих иереев еретиками второго чина. <...> В таком положении

---

* Замечание на слово похвальное федосеевцу Макару Ивановичу Стукачеву, в čtyредесятый день по кончине его, сочиненное Ф. Ермиловым // Полное собрание сочинений Никольского единоверческого монастыря архимандрита Павла. Т. 1. М., 1897. С. 19.

находилось все общество поповцев до 1846 года, когда в Австрии, в Белой Кринице, принят был раскольниками митрополит Амвросий»*. «Это есть продолжение той же беглопоповской секты, только с тем различием, что вместо беглого попа здесь принят был бежавший от своего патриарха заштатный Босносараевский митрополит Амвросий, и принятие его совершилось тем же порядком, как принимались беглые попы»**.

Сейчас у поповцев существуют согласия, происшедшие от «белокриницкой иерархии», и беглопоповские согласия, в том числе получившие начало от бегствующих архиереев уже в послереволюционную эпоху. Духовным центром белокриницких поповцев-окружников служило и служит Рогожское кладбище в Москве.

Со времени своего образования и донине поповские согласия продолжают делиться. По церковному, то есть евангельскому, апостольскому и святоотеческому учению очевидно, что все так называемые иереи и архиереи поповских согласий находятся под клятвою церковных канонов и поэтому все их иерархические и священнотаинственные действия недействительны (канонически ничтожны).

¹³⁰ Братское слово. 1883. С. 24–25.

¹³¹ Николай Иванович Субботин (1827–1905), профессор Московской духовной академии. Родился в городе Шуе Владимирской губернии в семье священника. В 1848 году окончил Владимирскую духовную семинарию, в 1852-м — Московскую духовную академию и был направлен преподавать в Вифанскую духовную семинарию. С 1855 года бакалавр, а с 1859 года профессор Московской духовной

---

* *Архимандрит Павел*. Краткие известия о существующих в расколе сектах, об их происхождении, учении и обрядах, с краткими о каждой замечаниями. М., 1905. С. 17–18.

** Там же. С. 25–26.

академии; преподавал герменевтику и учение о вероисповеданиях и расколе, с 1870 года — на новооткрытой кафедре истории и обличения русского раскола. Один из учредителей и бессменный секретарь Братства святого Петра митрополита и редактор-издатель журнала «Братское слово». В 1874 году защитил докторскую диссертацию на тему о белокриницкой иерархии. С 1881 года — заслуженный ординарный профессор академии. С 1874-го по 1883 год — помощник ректора Московской духовной академии. Награжден Уваровской премией за исследование истории России. Основным его церковным служением было многолетнее противостояние расколу как церковно-общественного деятеля, полемиста-миссионера, самого близкого соратника отца Павла, помощника и консультанта К. П. Победоносцева по вопросам раскола, главы школы ученых-расколоведов. Главной его церковной заслугой и делом всей жизни было научное издание основного круга источников по истории раскола и помощь отцу Павлу в подготовке, редактировании и издании написанного им полного круга православной миссионерско-апологетической литературы по всем основным сочинениям и учениям раскола.

¹³² Речь идет о том, что беспоповцы, неверно толкуя слово Писания об антихристе, этим толкованием оправдывали свой уход из Церкви.

«Не в том состоит важная вина беспоповцев, что они не согласно с Писанием понимают об антихристе приходе, — вся важность заключается в том, что они своим несправедливым толкованием о пришествии антихриста оправдывают свое нечестивое учение о прекращении священства и таинств в Церкви Христовой»* и поэтому не-

---

* Беседа архимандрита Павла с старообрядцем о власти антихриста. М., 1896. С. 12.

обходимость своего отделения от Церкви. Для того чтобы оправдать свое учение о уже явившемся антихристе, им необходимо было обойти свидетельства Священного Писания и святых толкователей о признаках пришествия Христа и кончины мира, в том числе и о явлении пророков Илии и Еноха перед приходом антихриста для его обличения. Но так как пророки не являлись ни до, ни во время служения патриарха Никона, то и родилось учение, что Писание тут нужно понимать иносказательно и что они уже являлись, но не лично, телесно, видимо («чувственно»), а духовно («мысленно»).

«Учение о духовном антихристе, о явлении пророков Илии и Еноха не в чувственном виде есть основное учение беспоповцев, а без него не имело бы никакого прикрытия и никакой опоры их противозаконное без священства существование. Вопреки ясному и непреложному евангельскому обетованию о вечности и о неодоленности [неодолимости] Церкви Христовой, имеющей пребыть неизменною, со всеми ее действиями, чинами и тайнами до скончания века, беспоповцы приняли ложное мнение — якобы во время господства антихристова священство и бескровная жертва Тела и Крови Господних престанут. И так как (продолжают они лжеумствовать) антихрист уже пришел (духовно) и царствует, то теперь священства и жертвы нет уже и быть не может. Таким образом, произвольные толкования беспоповцев о духовном антихристе и несущественном [то есть не телесном, а духовном] явлении пророков Илии и Еноха составляют как бы некую гнилую опору и прикровение для их противозаконного и бедственного положения без иерархии и жертвы бескровной»*.

---

* О пришествии пророков Илии и Еноха и об антихристе // Полное собрание сочинений Никольского единоверческого монастыря архимандрита Павла. М., 1897. С. 47–48.

По этой же причине беспоповцы считали, что за царя и власти придержащие молиться не подобает — за антихриста молиться нельзя.

¹³³ Современная летопись. Приложение к газ. «Московские ведомости». 1868. № 8. С. 2–3.

¹³⁴ Колосов Н. А. Архимандрит Павел (Прусский). (Некролог). М. 1895. С. 14.

¹³⁵ 1666–1667. Деяния, или постановления Московского собора, об исправлении церковного благочиния и о делах, касающихся раскола // Дополнения к «Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией». Т. 5. СПб., 1853. С. 439–510.

Клятвами этого Собора, по каноническому рассмотрению митрополита Московского Филарета (запрошенному Святейшим Синодом указом 11–23 декабря 1864 года, по поводу всеподданнейшего прошения московских единоверцев о церковном разъяснении некоторых постановлений Собора 1667 года), «отлучены от Церкви и проклятию подвергнуты условно, дондеже уразумеются, а в противном случае решительно, прекословящие, противляющиеся, противники яко еретики и непокорники, то есть как равные еретикам или даже еретики, потому самому, что противятся Церкви. И это согласно с коренным законом церковных отлучений — с изречением Христа Спасителя: *аще Церковь преслушает, буди тебе якоже язычник и мытарь* (Мф. 18, 17). Оно отлучает от Церкви за одно преслушание, не указуя другой вины. Но вместе с прещением непокорных, не прокляты ли и обряды, ими содержимые? — Собор не сказал сего — и это основательно и осторожно»*.

---

* Рассмотрение некоторых вопросов по делу о разрешении от клятвы Собора 1667 года, и различных обстоятельств и отношений сего дела // Мнения, отзывы и письма Филарета, Митрополита Московского и Коломенского, по разным вопросам за 1821–1867 гг. М., 1905. С. 358–359.

По синодальному «Изъяснению» 1886 года «Великий Московский Собор 1667 года в своем определении 18 мая, изданном „в вечное утверждение и присное воспоминание“, строго осудив, предав отлучению и клятве всех непокоряющихся его определению о новоисправленных церковно-богослужебных книгах, чинах и обрядах, и вопреки оному называющих сии книги, чины и обряды не право исправленными, еретическими, и дерзающих поносить Православную Церковь, их употребляющую, тяжкими укоризнами, — не подверг, однако же, осуждению, порицанию и безусловному воспрещению обряды, употреблявшиеся в России до исправления помянутых книг при патриархе Никоне»*, причем, «подвергая такому суду неразумных и ожесточенных ревнителей именуемых старых обрядов, Православная Церковь не произносила и не произносит никакого осуждения и порицания на эти обряды, которые сами по себе и независимо от значения, усвоенного им раскольниками, признавала и признает не представляющими ничего противного православию и употребление их не в знак противления Церкви, но в полном общении с нею, по ее собственному благословению, вполне дозволенным»**.

«Иерархи судили более выдающихся расколоучителей, предъявляя им вины не в *содержании* отмененных обрядов, а в том, что обвиняемые порицали книги и обряды исправленные как еретические, похуляли восточных патриархов и поставляемых от них архиереев и иереев, всячески поносили патриарха Никона и клеветали

---

* Изъяснение о содержащихся в полемических против раскола сочинениях прежнего времени порицаниях на именуемые старые обряды // Астраханские епархиальные ведомости. 1886. № 10. Ч. неоф. С. 357–358.

** Там же. С. 361.

на московских священников, будто они не веруют во Христа вочеловечшася, не исповедуют Его воскресения и т. п.»*.

Раскол среди прочего ложно обвинял в отступничестве Православную Церковь за то, что она якобы оставила (и даже возненавидела) восьмиконечный крест, истинно Христов, а чтит крест четвероконечный (кощунственно именовавшийся старообрядцами еретическим латинским крестом), и за использование на проскомидии просфор с изображением четвероконечного, а не восьмиконечного креста.

«Крест, как осмиконечный, так же точно и четвероконечный, должен быть почитаем одинаковой честью ради распявшегося на нем Господа, подобно тому как и икону Спасителя, написанную во весь рост и изображенную только до пояса, и даже только одну главу (нерукотворенный образ), мы почитаем одинаково, ради возображенного на ней лица Господня. А что крест как осмиконечный, так же равно и шестиконечный, и четвероконечный должно почитать одинаково, это доказывается святоотеческими свидетельствами»**. «На просфорах Православная Церковь употребляет крест подлинно четвероконечный, но не потому, что уважает крест сей более осмиконечного, а потому, что четвероконечный крест здесь более приличен»***. «Святый агнец на проскомидии жрется, или закалается

---

* *Ивановский Н. И.* Клятвы Московских соборов 1656 и 1667 годов // Богословская энциклопедия / Сост. под ред. Н. Н. Глубоковского. Т. XI. СПб., 1910. Стлб. 308.

** *Архимандрит Павел.* Краткое руководство к познанию правоты святой Церкви и неправоты раскола, изложенное в разговорах между православным и старообрядцем. М., 1907. С. 21.

*** *Григорий (Постников), архиепископ Казанский.* Истинно древняя и истинно православная Церковь Христова, изложение к глаголемому старообрядству. Ч. II. СПб., 1856. С. 41.

на жертву, крестом четвероконечным, то есть режется копием праве и преки [то есть крестообразно, прямо (вдоль) и поперек], что именно соответствует положенной на просфоре печати креста четвероконечного. И на самой литургии по благословении Святых Даров, то есть после их пресуществления, святой агнец также разделяется и располагается в виде четвероконечного креста, также соответственно положенной на просфоре печати креста четвероконечного. Ради этого сообразия со священнодействием проскомидии и святой литургии, также ради согласия в сем со Вселенской Церковью Собором 1667 года и повелено печатать просфоры печатью креста четвероконечного»*.

Также старообрядцы несправедливо обвиняли Православную Церковь за то, что будто она не велит именовать в молитве Иисусовой Иисуса Христа Сыном Божиим. «Чтобы где-нибудь не велено было в Иисусовой молитве называть Иисуса Христа Сыном Божиим, это прямо ложь. Напротив, в наших служебных книгах очень нередко произносится эта самая молитва»**. Поэтому и на Соборе не было клятвы употребляющим молитву с именованием Иисуса Христа Сыном Божиим. Деяние Собора увещало приходских священников учить народ молитвам, в том числе молитве «Господи, Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас», которую невежды «не токмо сами не употребляют, но и других содержащих ю укоряют», считая, что нужно вместо нее молиться «Господи, Иисусе Христе,

---

* *Архимандрит Павел*. Краткое руководство к познанию правоты святой Церкви и неправоты раскола, изложенное в разговорах между православным и старообрядцем. М., 1907. С. 23.

** *Григорий (Постников), архиепископ Казанский*. Истинно древняя и истинно православная Церковь Христова, изложение к глаголемому старообрядству. Ч. II. СПб., 1856. С. 150.

Сыне Божий, помилуй нас», — отцы же Собора писали, что и эту молитву «не обхуждаем»*.

Подмена раскола заключалась в том, что соборное прещение было не на молящихся Господу Иисусу Христу как Сыну Божию, а на тех, «кто хочет глаголати, упрямства ради токмо едино: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, а Господи Иисусе Христе, Боже наш, глаголати отвращается»**.

Для понимания проблематики раскола и его идеологии особенно важно знакомство с догматическими взглядами одного из первоначинателей и учителей раскола — Аввакума Петрова (1620–1682). Догматические взгляды Аввакума нашли свое отражение в его сочинении: «Книга обличений, или Евангелие вечное» (ок. 1679), полемическом произведении, направленном против бывшего диакона Федора Иванова. «В этих спорах Федор отстаивал в большинстве случаев догматически верные мнения <...> В борьбе с Федором Аввакум не стеснялся в выборе средств: при помощи охранявших их стрельцов он выкрал у своего оппонента сочинение, посвященное спорным вопросам, и уничтожил его, оставив лишь несколько листов, которые перепортил и послал в Москву.

Аввакум отрицал единосущность Святой Троицы, поскольку утверждал, что в Святой Троице — три существа, „три цари небесные“, каждому из которых принадлежит „особое седение“; вместе с тем он отделял Христа от третьего Лица Святой Троицы, или „четверил“ Ее, как писал Федор. <...> Превратные представления о Лицах

---

* 1666–1667. Деяния, или постановления Московского собора, об исправлении церковного благочиния и о делах, касающихся раскола // Дополнения к «Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией». Т. 5. СПб., 1853. С. 462.

** Деяния московских соборов 1666–1667 годов. М., 1893. Л. 33.

Святой Троицы привели Аввакума к пересмотру и других догматов. Существо Бога представлялось ему пространственно ограниченным, „пребывающим в вышних“, „непоступным“, из чего следовал вывод, что Бог вочеловечился не Существом, но благодатью. Далее Аввакум утверждал, что в третий день после смерти „воста Сын Божий, сниде телом и душою во адово жилище“. При этом он различал „возстание“ из гроба и Воскресение (первое произошло при схождении в ад, а „воскрес Христос, как из ада вышел“) и считал, что еще до „возстания“ Христос послал с Креста Свою душу со Своей Кровью к Богу Отцу и она „на жидов била челом, еже они Христа убили напрасно“. В споре о душе Аввакум исходил из мнения, что она „единосраслена и телесовидна; ум, слово и дух — силы в ней действительныя“, то есть виды проявления душевной энергии. <...> Аввакум... считал, что преложение Святых Даров совершается на проскомидии, — это убеждение вызвано тем, что чин проскомидии в дониконовских Службениках был очень длинным, причем на проскомидии Святые Дары благословлялись почти так же, как и в анафоре. Основателем Церкви Аввакум... считал не Господа Иисуса Христа, а апостола Петра.

Все эти заблуждения, выявившиеся в процессе яростной полемики Аввакума с мнимым еретичеством Федора, получили распространение и поддержку среди части учеников и последователей протопопа...»* По существу, страстная защита «старых обрядов» привела к борьбе с Церковью, поставлению личного суждения по тем или иным вопросам выше учинения святых отцов, выработке своего собственного «догматического» учения, имеющего мало общего с учением Церкви.

---

* *Шашков А. Т.* Аввакум // Православная энциклопедия. Т. 1. М., 2000. С. 86.

¹³⁶ Современная летопись. Приложение к газ. «Московские ведомости». 1868. № 8. С. 4.

¹³⁷ Василий Иванович Кельсиев (1835–1872) — российский революционер, журналист и переводчик. Эмигрант, сподвижник А. И. Герцена, сотрудник Вольной русской типографии в Лондоне, этнограф, историк раскола, писатель. Основатель русской социалистической колонии в Тульче (Турция). В 1860 году по инициативе А. И. Герцена Кельсиев приступил к сбору материалов о старообрядцах. Вслед за А. П. Щаповым он пришел к выводу о том, что в старообрядчестве скрыт значительный антиправительственный потенциал, которым при умелой организации можно воспользоваться в интересах революционных преобразований. В течение своего непродолжительного пребывания в России он пытался найти себе союзников среди влиятельных старообрядцев, но быстро убедился в ошибочности своих надежд на революционность раскольников, — его агитация их в пользу активного политического противостояния властям не увенчалась успехом. Оказавшись в России, В. И. Кельсиев примкнул к революционному кружку Артура Бенни и Андрея Ничипоренко, выпускавшего в собственной типографии прокламации «Русская правда». Писатель Н. С. Лесков, входивший в этот кружок, в очерке «Загадочный человек» так описал результаты этого приезда: «Впоследствии этот визит наделал кучу хлопот, а приютившему Кельсиева московскому купцу Ивану Ивановичу Шебаеву стоил даже продолжительной потери свободы, чего старушка мать Шебаева не перенесла и умерла, не дождавшись решения судьбы арестованного сына»*. Вслед за Кельсиевым в Лондон про-

---

* Лесков Н. С. Загадочный человек. Истинное событие // Собрание сочинений в 11 томах. Т. 3. М., 1957. С. 341.

следовали А. И. Ничипоренко и писатель Н. А. Потехин. Они направлялись к Герцену представлять интересы петербургской конспиративной организации «Земля и воля». При переходе австрийско-итальянской границы Ничипоренко выкинул компрометирующие письма, которые были подобраны полицией, а копии их высланы в Россию. Ничипоренко беспрепятственно проследовал через границу и прибыл домой в Полтавскую губернию. Там он был задержан 28 июля 1862 года, доставлен в Петербург, где быстро начал давать признательные показания. Так начался процесс 32-х, одна из главных ролей в котором была отведена Кельсиеву — однокашнику Ничипоренко. Полиция узнала от Ничипоренко и о нелегальном приезде Кельсиева и в декабре 1862 года затребовала его приезда в Россию. Кельсиев отказался добровольно явиться на следствие, за что был заочно 10 декабря 1864 года приговорен к изгнанию из России навсегда и лишению всех прав состояния. По приговору суда за пособничество Кельсиеву московский купец-старообрядец И. И. Шебаев был на год оставлен под надзором полиции, Артур Бенни был наказан трехмесячным заключением и высылкой за границу без права возвращения в Россию; сам А. И. Ничипоренко спустя год и четыре месяца умер в Петропавловской крепости, не дождавшись конца следствия. В 1867 году В. И. Кельсиев отошел от политической деятельности, вернулся в Россию, сдался властям и получил прощение и права гражданства.

¹³⁸ Братское слово. 1889. № 19. С. 690–696.

¹³⁹ Литературное наследство. Т. 63. «Герцен и Огарев. III». М., 1956. С. 134–135.

¹⁴⁰ См.: Там же. С. 135–137.

¹⁴¹ Всеподданейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1885 г. СПб., 1887. С. 109–112.

¹⁴² Братское слово. 1886. № 4. С. 307–308.

¹⁴³ Современная летопись. Приложение к газ. «Московские ведомости». 1868. № 8. С. 4.

¹⁴⁴ Празднование двадцатипятилетия со дня присоединения к Православной Церкви архимандрита Павла. М., 1893. С. II–III.

¹⁴⁵ Святитель Филарет, митрополит Московский и Коломенский (в миру Василий Михайлович Дроздов; 1782–1867); память 19 ноября / 1 декабря. Родился в городе Коломне Московской губернии в семье диакона. В 1803 году окончил духовную семинарию, в 1808 году был пострижен в монашество и рукоположен во иеродиакона, в 1809 году переведен в Санкт-Петербург и рукоположен во иеромонаха. В 1811 году возведен в сан архимандрита и в 1812-м назначен ректором Санкт-Петербургской духовной академии. В 1817 году он был хиротонисан во епископа Ревельского, викария Новгородской и Санкт-Петербургской епархии. В 1819 году назначен на кафедру в Тверь с возведением в сан архиепископа. В 1820 году назначен в Ярославль, в 1821-м — на Московскую кафедру, в 1826-м — возведен в сан митрополита. За время управления Московской епархией митрополитом Филаретом было основано несколько новых монастырей, и в частности Никольский единоверческий монастырь. Устройству этого монастыря он посвятил последние месяцы своей жизни. Митрополит Филарет прилагал немалые усилия для обращения раскольников. В этом отношении главными его принципами были приоритет пастырской деятельности над государственными мерами и необходимость отстаивать самостоятельность Церкви — несмешивание действий Церкви и государства в борьбе с расколом. Он считал, что государство должно предпринимать меры к исполнению законов о расколе для защиты от него православных, но раскол

может быть прекращен только убеждением в истине, что не относится к обязанности светской власти. Главным в деятельности пастырей против раскола он полагал боговейное богослужение и благочестивую жизнь, назидательное слово и усердную молитву к Богу, а также начальное обучение детей в приходских школах, так как раскол чаще всего основывается на невежестве. Его «Беседы к глаголемому старообрядцу» были, наряду с трудом митрополита Григория (Постникова) «Истинно древняя и истинно православная Христова Церковь», самыми значительными сочинениями, из написанных архипастырями в XIX веке для обращения раскольников. Митрополит Филарет также предпринял труд, связанный с переводом на русский язык Священного Писания. Полная Библия на русском языке вышла из печати после его кончины, в 1876 году.

¹⁴⁶ Колосов Н. А. Архимандрит Павел (Прусский). (Некролог). М. 1895. С. 15.

¹⁴⁷ ЦГА Москвы. Ф. 1181. Оп. 1. Д. 64. Л. 7.

¹⁴⁸ Иеромонах Иустин (в миру Иван Васильевич Игнатев) родился в 1823 году в деревне Келич Волоколамского уезда Московской губернии в семье раскольников-беглопоповцев. Знакомство в Москве с различными раскольническими толками побудило его, как он писал, «оставить житейские заботы и всего себя посвятить на служение Богу». В 1861 году епископ австрийской иерархии Онуфрий хиротонисал его на Тульчинскую кафедру, находившуюся на территории Османской империи. Здесь он на свои средства построил храм. Однако вскоре, как и многие другие тогда представители австрийской иерархии, он усомнился в ее каноничности и вступил в переговоры с митрополитом Московским Филаретом. В 1865 году к Церкви из раскола присоединились епископы Онуфрий (Парусов) и Пафнутий (Овчинников), епископ Тульский Сергей,

иеромонах Иоасаф, секретарь Белокриницкой митрополии архидиакон Филарет (Захарович), протодиакон Кирилл Загадаев. В 1867 году епископ Иустин выехал из Тульчи в Москву и в том же году присоединился к Церкви как инок. В 1868 году он был рукоположен во иеродиакона для служения в Никольском единоверческом монастыре и впоследствии был рукоположен во иеромонаха.

¹⁴⁹ Святитель Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский (в миру Иван Евсеевич Вениаминов; 1797–1879); память 31 марта / 13 апреля. Сын пономаря церкви села Анга Иркутской губернии. В шестилетнем возрасте лишился отца и был отдан на воспитание дяде, диакону. В 1806 году переехал в город Иркутск и через год поступил в духовную семинарию. В 1817 году Иван женился. В семье у них с супругой было семеро детей. В том же году он был рукоположен во диакона к Благовещенской церкви в Иркутске, в 1821 году — во священника к той же церкви. В 1823 году епископ Иркутский Михаил (Бурдуков) получил предписание от Святейшего Синода отправить на Алеутские острова миссионера для христианского просвещения местных жителей. Никто из местного духовенства не захотел ехать, предложение принял лишь священник Иоанн Вениаминов. Освоив алеутский язык, отец Иоанн создал алеутский алфавит и сформулировал основы его грамматики. Перевел на алеутский язык Евангелие от Матфея, наиболее употребительные молитвы и церковные песнопения, составил и в 1836 году опубликовал первый алеутский букварь. Его главный катехизаторский труд «Указание пути в Царство Небесное» (1833) был сначала написан на алеутском языке и представлял собой огласительные беседы с алеутами; впоследствии был переведен на русский, якутский, алтайский, шорский, монгольский и другие языки и стал одним из лучших пособий

для православных миссионеров. Митрополит Московский Филарет убедил отца Иоанна после кончины супруги принять монашеский постриг и в 1840 году постриг его в монашество с именем Иннокентий; в том же году он был хиротонисан во епископа Камчатского, Курильского и Алеутского. В 1850 году за успешную миссионерскую деятельность он был возведен в сан архиепископа. После кончины митрополита Филарета, в 1868 году он был назначен митрополитом Московским и Коломенским. Стиль управления епархией митрополита Иннокентия отличался открытостью, доступностью, простотой обращения, мягкостью и терпимостью к людям, стремлением дать простор их творчеству и инициативе. Относительно раскола митрополит Иннокентий считал, что «главную причину раскола в нашей Церкви были не недоразумения или приверженность к старым книгам и обрядам, но вражда, злоба и ненависть, — а потому и уничтожить его могут миролюбие, снисхождение и любовь»*.

¹⁵⁰ ЦГА Москвы. Ф. 1181. Оп. 1. Д. 64. Л. 8.

¹⁵¹ Там же. Л. 10.

¹⁵² Епископ Ковенский, викарий Литовской епархии, Иосиф (в миру Иван Михайлович Дроздов; 1824–1881) родился в семье диакона. Окончил Тверскую духовную семинарию и Санкт-Петербургскую духовную академию. В 1851 году принял монашеский постриг и был рукоположен во иеромонаха. В 1852 году был определен инспектором в новооткрытую Рижскую духовную семинарию и назначен членом комитета по рассмотрению духовно-назидательных сочинений, помощником редактора журнала «Училище благочестия», издававшегося на эстонском, латышском и русском языках, членом комитета по составлению латышско-русского словаря и членом консистории.

---

* Русский архив. 1889. № 5. С. 148.

В 1856 году он был определен ректором Симбирской духовной семинарии и возведен в сан архимандрита. В 1860 году был перемещен в Литовскую духовную семинарию и назначен настоятелем Свято-Троицкого монастыря в Вильне. В 1868 году он был хиротонисан во епископа Ковенского, викария Литовской епархии. Епископ Иосиф привлекал к себе людей добротой, духом любви и милосердия. Часто предпринимая объезды епархии, ездил без архиерейской свиты и был желанным гостем у приходских священников.

¹⁵³ Митрополит Киевский и Галицкий Платон (в миру Николай Иванович Городецкий; 1803–1891) родился в Тверской губернии в семье священника. В 1827 году окончил Санкт-Петербургскую духовную академию и был назначен преподавателем в Орловскую духовную семинарию. В 1830 году пострижен в монашество с именем Платон и рукоположен во иеромонаха. Возведен в сан архимандрита. Был преподавателем Санкт-Петербургской духовной академии. Архимандрит Платон стал одним из первых, кто попытался очистить богословские науки от схоластических форм, он первым стал разрабатывать полемику с расколом и преподавать историю раскола. В 1843 году он был хиротонисан во епископа Ковенского, викария Литовской епархии. В 1848 году был назначен на Рижскую кафедру и возведен в сан архиепископа. В Рижской епархии он стал вплотную заниматься миссионерской деятельностью, преимущественно среди раскольников федосеевского толка. В Рижской духовной семинарии им был открыт класс для изучения раскола и средств борьбы против него. Всячески способствовал открытию единоверческих приходов и присоединению раскольников к Церкви. В 1867 году архиепископ Платон, согласно своему прошению, был переведен на Донскую кафедру. В это время в Донской епархии

насчитывалось 80 тысяч раскольников. Архиепископ стал вести активную миссионерскую деятельность, приглашал раскольников к себе и беседовал с ними, а также и сам ездил к ним. На Дону он основал несколько единоверческих приходов и присоединил к Церкви несколько тысяч человек. В 1877 году архиепископ Платон был назначен на Херсонскую кафедру, в 1882 году — возведен в сан митрополита и назначен митрополитом Киевским и Галицким.

¹⁵⁴ Священник Евгений Петрович Снесарев (1838–1882), внучатый племянник митрополита Киевского Евгения (Болховитинова), отец выдающегося востоковеда и военачальника, героя Первой мировой войны генерал-лейтенанта Андрея Снесарева (1865–1937). После окончания в 1861 году Воронежской духовной семинарии он был рукоположен во священника к Николаевской церкви села Старопузино Бирюченского уезда Воронежской губернии. С 1872 года служил в Христорождественской церкви в станице Камышевской области Войска Донского (ныне Цимлянский район Ростовской области). По свидетельству архимандрита Павла, несмотря на выдающиеся успехи священника против раскола, «старообрядцы не только не имели против него какой-либо вражды, но и любили его». Гроб с телом отца Евгения от станицы Мариинской, где он скончался, до станицы Камышевской (около семи верст) жители станицы несли на руках. Узнав о его кончине, отец Павел написал: «Если бы в среде православного духовенства являлось поболее таких деятелей, каков был покойный отец Евгений, раскол уменьшился бы весьма значительно. Умножи, Господи, таковых делателей для пользы святой Твоей Церкви»*.

---

* Братское слово. 1883. № 8. С. 421.

¹⁵⁵ Братское слово. 1883. № 8. С. 415–421.

¹⁵⁶ Там же. 1895. № 14. С. 254–255.

¹⁵⁷ ЦГА Москвы. Ф. 1181. Оп. 1. Д. 64. Л. 98.

¹⁵⁸ Епископ Кавказский и Екатеринодарский Герман (в миру Александр Косьмич Осецкий; 1828–1895) родился в Ярославской губернии в семье священника. В 1847 году окончил Ярославскую духовную семинарию, в 1851 году — Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью магистра богословия. В 1849 году принял монашеский постриг и был рукоположен во иеродиакона, в 1851 году — во иеромонаха, в 1854 году возведен в сан игумена. С 1851 года — профессор Санкт-Петербургской духовной академии, с 1853 года — инспектор Новгородской духовной семинарии. С 1857 года — ректор Кавказской духовной семинарии, возведен в сан архимандрита. В 1863 году назначен наместником Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге, в 1866 году — настоятелем Юрьева монастыря в Новгороде. В 1867 году он был хиротонисан во епископа Сумского, викария Харьковской епархии, в 1872-м — переведен на Кавказскую и Екатеринодарскую кафедру. С именем епископа Германа связано интенсивное развитие церковной жизни на Северном Кавказе, в том числе миссионерской и образовательной деятельности. В 1886 году в соответствии со своим прошением он был по состоянию здоровья освобожден от управления епархией, назначен настоятелем Донского монастыря в Москве и председателем Училищного совета при Святейшем Синоде. Был постником и подвижником.

¹⁵⁹ *Веселовский Михаил, священник*. Воспоминания об о. архимандрите Павле (Прусском) // Душеполезное чтение. 1900. № 1. С. 158.

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ Епископ Полоцкий и Витебский Викторин (в миру Валентин Дмитриевич Любимов; 1821–1882) родился в семье священника. По окончании Калужской духовной семинарии в 1843 году был рукоположен во священника. В 1848 году в Боровске во время чумы бесстрашно причащал умирающих. В 1850 году после смерти супруги поступил в Пафнутиев Боровский в честь Рождества Пресвятой Богородицы монастырь и в этом же году в Санкт-Петербургскую духовную академию. В 1852 году принял монашеский постриг. По окончании академии в 1853 году назначен инспектором в Смоленскую духовную семинарию. В 1857 году он был возведен в сан архимандрита и назначен в Санкт-Петербургскую духовную академию инспектором и преподавателем нравственного и пастырского богословия. В 1858 году — переведен в Кострому ректором духовной семинарии и настоятелем Богородице-Игрицкого монастыря. В 1868 году архимандрит Викторин был хиротонисан во епископа Чебоксарского, викария Казанской епархии; в 1874 году переведен на Полоцкую кафедру; в 1882-м — назначен на Подольскую и Брацлавскую кафедру.

¹⁶² Братское слово. 1895. № 16. С. 394–395.

¹⁶³ Там же. С. 395–396.

¹⁶⁴ ЦГА Москвы. Ф. 1181. Оп. 1. Д. 64. Л. 98 об.

¹⁶⁵ Там же. Л. 99.

¹⁶⁶ Впоследствии он выполнял ответственные поручения русского правительства. Он вел переписку с отцом Павлом до самой его кончины. В одном из писем он писал отцу Павлу: «Искренно любимый и глубоко почитаемый отец архимандрит Павел! С сердечной любовью приветствую Вас с наступающим великим днем Рождения Христа Спасителя. Желаю от души Вам и братии Вашей здоровья и всякого благополучия на славу святой Церкви и пользу

нашу, Вашей меньшей по духу братии. Помните ли, отец Павел, как однажды, в саду Херсонесского монастыря, Вы сказали мне, чтобы я не относился легко к духовно-религиозным вопросам, ибо сам буду один из многих столпов, поддерживающих здание веры в Бога и Христа Спасителя? Вы не ошиблись, как и всегда, возлюбленный отец мой духовный. Искра святой веры всегда теплилась в моем сердце, и здесь, в своей далекой окраине, часто заброшенный в глухой чужеземный угол требованиями государственной службы, я всегда помню, что есть Некто выше и лучше земных царей, и земная суета в такие минуты не обольщает моего мирного сердца. Как скромный воин, несу я свои обязанности с покорностью, где только ни придется, и об одном лишь молю Всемогущего Творца, чтобы не быть бесполезным членом человеческого общества, а принести посильную лепту в общую сокровищницу для улучшения современной жизни по крайней мере в пределах нашего дорогого Отечества. Если же Богу угодно будет наслать войну, то желаю сложить живот свой за дорогую Родину там, где на то будет соизволение свыше; но прошу у Бога, как истинно верующий христианин, кончины непостыдной. Каждое воскресенье читаю святое Евангелие, и чтение это часто умиляет мое грубое солдатское сердце. <...> Прошло восемь лет со времени нашего знакомства, но я с любовью вспоминаю Вас, отец архимандрит, и прошу не забывать в своих молитвах...»*.

¹⁶⁷ Алексей Иванович Хлудов (1818–1882) — московский предприниматель, потомственный почетный гражданин, библиофил и собиратель рукописей, глава одного из крупнейших российских купеческих домов. Не получивший в молодости почти никакого образования, А. И. Хлудов был одарен большими природными

---

* Братское слово. 1895. № 18. С. 555–556.

способностями, которые развил самостоятельно. Происходя из именитой купеческой фамилии, вел большие коммерческие дела по хлопчатобумажному производству и за свои заслуги на этом поприще был награжден званием мануфактур-советника и орденом Святого Владимира 3-й степени. В 1845 году он вместе с братом построил в Егорьевске бумагопрядильную фабрику. В 1873 году — основал товарищество Ярцевской мануфактуры и был одним из учредителей Московского художественно-промышленного музея (ныне Музей декоративно-прикладного и промышленного искусства при МГХПУ им. С. Г. Строганова). Активно участвовал в благотворительной деятельности. Финансировал учебные заведения, больницы, дома призрения, церковные приходы. Хлудов являлся одним из основателей московского Публичного Румянцевского музея и вкладывал в это учреждение немалые средства. Он был членом и казначеем Братства святителя Петра митрополита. Собрание рукописей и книг А. И. Хлудова образовалось главным образом из трех коллекций: мужа его сестры Татьяны А. И. Озерского, А. И. Лобкова и А. Ф. Гильфердинга — и в 1872 году состояло из 361 рукописи, в числе которых было 69 — на пергаменте и бомбицине, более 60 принадлежало к числу памятников древнего письма (до конца XIV в.), почти столько же — к памятникам южнославянским; в собрании было много русских списков древних памятников и более ста полемических сочинений за и против раскола. К концу его жизни собрание включало 624 рукописи и 717 первопечатных книг. В коллекции были списки «Стоглава», сочинения и переводы Максима Грека, греческие псалмы IX века — «Хлудовская псалтырь» («рукопись по важному значению украшающих её миниатюр как и в художественном, так и в археологическом и церковном отношении, — по оценке Ф. И. Буслаева, — едва ли не самая замечательная из всех,

находящихся в нашем Отечестве»), «Творения» преподобного Иоанна Дамаскина в переводе князя А. М. Курбского и с его заметками, Псалтирь 1212 года, Евангелие 1323 года и др. В 1866 году А. И. Хлудов пожертвовал часть книг в библиотеку Московской духовной академии. Он завещал передать свою библиотеку после его кончины в московский Никольский единоверческий монастырь, и в 1883 году здесь была открыта «Хлудовская библиотека». В ней были доступны для всех интересующихся многие греческие и славянские рукописи, старопечатные книги, книги новой печати богословского и исторического характера. В 1917 году большая часть Хлудовской библиотеки поступила в Государственный исторический музей.

¹⁶⁸ Шесть Соловецких челобитных были направлены царю Алексею Михайловичу по преимуществу с протестами против новопечатных (при патриархе Никоне) богослужебных книг. Соловецкая челобитная, о которой идет речь, — пятая, датированная 22 сентября 1667 года, составленная уставщиком Геронтием, наиболее подробная и решительная по тону, являлась одним из самых авторитетных полемико-вероучительных текстов раскола. Все челобитные, исключая первую, написаны от имени келаря Соловецкого монастыря Азария кем-то из старшей братии и подписаны братией монастыря, в том числе под насилием. Азарий, простой монах, «будильщик», во время монастырской смуты против священноначалия «самовольством» был избран и поставлен в келари в нарушение правил, так как сменять келаря имел право только архимандрит по соборному приговору и с разрешения царя.

¹⁶⁹ *Беренский Н. К.* Архимандрит о. Павел (Прусский) и его противораскольничья деятельность. Киев, 1899. С. 120–127, 129, 132, 134–138.

¹⁷⁰ Там же. С. 138.

¹⁷¹ Братское слово. 1890. № 18. С. 656–658.

¹⁷² *Цветков Валериан, священник*. Воспоминания об архимандрите Павле (Прусском). М., 1904. С. 12.

¹⁷³ *Беренский Н. К.* Архимандрит о. Павел (Прусский) и его противораскольничья деятельность. Киев, 1899. С. 138.

¹⁷⁴ Впоследствии архимандрит Мина (в миру Михаил Ефимович Шустов; ок. 1850–1911). Родился в слободе Печеры Нижегородского уезда и губернии в крестьянской семье старообрядцев-беспоповцев. Решив оставить старообрядчество, он пришел в Никольский единоверческий монастырь к архимандриту Павлу и с 1883 года стал жить в монастыре. Был послушником, учеником и сотрудником архимандрита Павла, который брал его с собой в миссионерские поездки. Исполнял послушание заведующего Хлудовской библиотекой, заведовал и книжным складом Братства святителя Петра митрополита. Участвовал в московских беседах со старообрядцами, для той же цели командировался в Рязанскую, Саратовскую и Нижегородскую губернии. В 1896 году, через несколько месяцев после смерти отца Павла, он был принят в состав братии монастыря (для чего был предварительно уволен из крестьянского общества). В этом же году он был пострижен в монашество, назначен исполняющим обязанности казначея монастыря и рукоположен во иеромонаха. В 1897 году он был перемещен в московский Покровский миссионерский монастырь, в 1901-м — в Гуслицкий Спасо-Преображенский монастырь с возведением в сан игумена. В 1907 году он был назначен настоятелем Климовского Покровского единоверческого монастыря Черниговской епархии (посад Климов Новозыбковского уезда Черниговской губернии, ныне Климовский район Брянской области). В 1908–1911 годах — настоятель Никольского единоверческого

монастыря*. Архимандрит Мина был активным членом Общества трезвости, известным борцом с винопитием в крестьянской среде.

¹⁷⁵ *Веселовский Михаил, священник*. Воспоминания об о. архимандрите Павле (Прусском) // Душеполезное чтение. 1899. № 10. С. 253–256.

¹⁷⁶ *Филарет, митрополит Московский*. Записки, руководствующие к основательному разумению Книги Бытия, заключающие в себе и перевод сей книги на русское наречие. 3-е изд., испр. Ч. 1–3. М., 1867.

¹⁷⁷ *Макарий (Булгаков), митрополит Московский*. Введение в православное богословие. 5-е изд. СПб., 1884; Православно-догматическое богословие. 4-е изд. Т. 1–2. СПб., 1883.

¹⁷⁸ *Веселовский Михаил, священник*. Воспоминания об о. архимандрите Павле (Прусском) // Душеполезное чтение. 1900. № 1. С. 157–158.

¹⁷⁹ Епископ Можайский, викарий Московской епархии, Алексей (в миру Александр Федорович Лавров-Платонов; ок. 1830–1890) родился в семье священника. Окончил Ярославскую духовную семинарию и Московскую духовную академию, по окончании которой в 1854 году был оставлен в ней бакалавром по кафедре церковного красноречия и законоведения. Отличался смирением, кротостью и церковной настроенностью; он не только по воскресным и праздничным дням, но и в будни стремился молиться в Троицком соборе лавры. Студенты ценили его за отеческое отношение, за всегда охотную и с любовью оказанную им помощь в занятиях. В 1875–1884 годах московское Общество любителей духовного просвещения под его редакцией осуществило капитальный труд «Правила святых

---

* ЦГА Москвы. Ф. 1181. Оп. 1. Д. 62.

апостол, святых Соборов Вселенских и Поместных и святых отец с толкованиями». В 1878 году, вскоре после смерти супруги и единственной дочери, он принял монашеский постриг и был возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Саввино-Сторожевского монастыря, и в этом же году хиротонисан во епископа Можайского, викария Московской епархии. Епископ Алексей не изменил своего отношения к людям, был приветливым и доступным, примером скромности, простоты, правдивости и сердечного участия; занимался благотворительностью. В 1883 году он был назначен епископом Дмитровским, викарием Московской епархии, в 1885 году определен епископом Таврическим и Симферопольским, но, не успев выехать из Москвы, получил новое назначение — на Литовскую кафедру. С 1886 года — архиепископ. Скоропостижно скончался 10 ноября 1890 года в Вильне.

¹⁸⁰ Равноапостольный Николай, архиепископ Японский (в миру Иван Дмитриевич Касаткин; 1836–1912); память 3/16 февраля. После окончания Санкт-Петербургской духовной академии, в 1861 году был назначен в Японию, с которой была связана затем вся его последующая миссионерская деятельность. За пятьдесят один год служения он покидал ее только два раза. В 1870 году он был назначен начальником новоучрежденной Российской духовной миссии в Японии и возведен в сан архимандрита, в 1880-м — хиротонисан во епископа Ревельского, викария Рижской епархии. В 1906 году возведен в сан архиепископа Японского. К 1870 году православная община в Японии насчитывала четыре тысячи человек, в 1912-м — около 33 тысяч человек и 266 православных общин. Когда началась Русско-японская война, епископ Николай написал своей пастве: «Сегодня по обычаю я служу в соборе, но отныне впредь я уже не буду принимать участия в общественных

богослужениях нашей Церкви... Доселе я молился за процветание и мир Японской империи. Ныне же, раз война объявлена между Японией и моей Родиной, я, как русский подданный, не могу молиться за победу Японии над моим собственным Отечеством. Я также имею обязательства к своей Родине и именно поэтому буду счастлив видеть, что вы исполняете долг в отношении к своей стране». После посещения Японии протоиерей Иоанн Восторгов писал, что в Токио не нужно было спрашивать, где находится православная миссия, достаточно было сказать: «Николай», и каждый рикша знал, куда доставить гостя. «И православный храм назывался „Николай“, и место миссии также „Николай“, даже само православие называлось именем „Николай“. Путешествуя по стране в одежде русского священника, мы всегда и всюду встречали ласковые взоры, и в словах приветия и разговора по поводу нас мы улавливали слухом среди непонятных слов и выражений незнакомого языка одно знакомое и дорогое: „Николай“». «Если такой Николай, то каков же Христос?» — говорили японцы.

¹⁸¹ Из воспоминаний об архимандрите Павле Прусском (1892–1895 гг.) // Душеполезное чтение. 1906. Ч. III. Декабрь. С. 515–517.

¹⁸² Там же. С. 518–519.

¹⁸³ Там же. С. 514–521.

¹⁸⁴ Летопись Белогорского Свято-Николаевского православно-миссионерского мужского общежительного монастыря, находящегося в Осинском уезде Пермской епархии. Пермь, 1897. С. 22.

¹⁸⁵ Игумен Варлаам ввел устав по образцу Саровского, впоследствии он составил правила поведения для братии, преимущественно руководствуясь «Добрим словом новонаначальному послушнику, желающему нелицемерно проходить путь Божий в пустынной обители» саровского

воспитанника, наместника Троице-Сергиевой лавры архимандрита Антония (Медведева)*.

¹⁸⁶ Летопись Белогорского Свято-Николаевского православно-миссионерского мужского общежительного монастыря, находящегося в Осинском уезде Пермской епархии. Пермь, 1897. С. 9–10.

¹⁸⁷ Братское слово. 1895. № 12. С. 101–102.

¹⁸⁸ Празднование двадцатипятилетия со дня присоединения к Православной Церкви архимандрита Павла. М., 1893. С. XXII–XXIII.

¹⁸⁹ Там же. С. VIII–X.

¹⁹⁰ Схимонах Иоанн (в миру Иван Тимофеевич Чернов). В Иоанно-Предтеченском скиту он был помощником повара и певчим. После того как он тяжело заболел, был пострижен в схиму с именем Иоанн. Скончался 27 декабря 1887 года и был погребен в скиту**.

¹⁹¹ Братское слово. 1895. № 19–20. С. 620–622.

¹⁹² *Субботин Н. И.* Еще 15 лет служения Церкви борьбою с расколом. (Моя переписка с архимандритом Павлом за 1879–1896 годы). Выпуск первый: 1879–1886 гг. М., 1902. С. 337–338.

¹⁹³ *Беренский Н. К.* Архимандрит о. Павел (Прусский) и его противораскольничья деятельность. Киев, 1899. С. 139.

¹⁹⁴ Из воспоминаний об архимандрите Павле Прусском (1892–1895 гг.) // Душеполезное чтение. 1906. Ч. III. Октябрь. С. 202–204.

---

* См.: Правила наружного поведения для братства Белогорского Свято-Николаевского православно-миссионерского мужского общежительного второклассного монастыря Пермской епархии / Составлены и объявлены братии настоятелем игуменом Варлаамом 15 февраля 1905 года. М., 1905.

** НИОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 219; К. 51. Ед. хр. 1. Л. 1 об., 6; Ф. 214. Опт.–350. Л. 241 об.; Опт.–352. Л. 18 об.; РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 436. Л. 151; Ед. хр. 440. Л. 69.

¹⁹⁵ *Цветков Валериан, священник.* Воспоминания об о. архимандрите Павле (Прусском). Москва. 1904. С. 16.

¹⁹⁶ Из воспоминаний об архимандрите Павле Прусском (1892–1895 гг.) // Душеполезное чтение. 1906. Ч. III. Ноябрь. С. 404–408.

¹⁹⁷ Речь идет о труде епископа Каневского Сильвестра (Малеванского) «Опыт православного догматического богословия (с историческим изложением догматов)» (Т. 1–5. Киев, 1878–1891), который архимандрит Павел особенно почитал за верное следование святоотеческим изъяснениям богооткровенной истины и богатство используемых текстов-первоисточников. Епископ Сильвестр ориентировался на жизненное понимание догматов и задачи догматики, стараясь уяснить, почему именно Церковь учит так, а не иначе, и ввести читателя в дух разумения внутреннего существа хранимой Церковью истины, уяснить ее и вместе с тем дать и ее научную защиту от совопросников века сего.

Епископ Каневский Сильвестр (в миру Стефан Васильевич Малеванский; 1828–1908), выдающийся богослов-догматист. После окончания Волынской духовной семинарии священствовал. Рано овдовел, поступил в Киевскую духовную академию. В это время он почти совершенно потерял зрение и намеревался уже оставить обучение, но на помощь пришли его товарищи, читая ему лекции для приготовления к экзаменам и пособия при составлении семестровых сочинений. За год до окончания академии принял монашество с именем Сильвестр. Оказавшись лучшим по успехам студентом выпуска 1857 года, был оставлен при академии бакалавром. Вся его дальнейшая научная и пастырская деятельность была связана с Киевской духовной академией, в которой он прослужил более сорока лет, в том числе ректором (1883–1898). В 1873 году

отец Сильвестр был удостоен степени доктора богословия за труд «Учение о Церкви в первые три века христианства». В 1885 году он был хиротонисан во епископа Каневского и поставлен третьим викарием Киевской епархии. Ежедневно ходил в храм для молитвы, в старости по немощи молился в домашней церкви. Обладал решительным и чрезвычайно добрым характером, отличался редким трудолюбием и вел жизнь аскета-подвижника. Читал лекции и служил все службы по памяти. Несмотря на то, что почти потерял зрение, епископ Сильвестр упорно трудился с помощью ближайших помощников над разработкой догматического богословия. Будучи великим нищелюбцем, свое жалование он раздавал бедным, которые обычно наполняли каждое первое число месяца погосты Киево-Братского и Киево-Николаевского монастырей, где он жил. После смерти он не оставил почти никаких сбережений, а то, что осталось, завещал употребить на погребение, поминовение и милостыню.

¹⁹⁸ Из воспоминаний об архимандрите Павле Прусском (1892–1895 гг.) // Душеполезное чтение. 1906. Ч. III. Ноябрь. С. 408–410.

¹⁹⁹ Там же. Октябрь. С. 195–196.

²⁰⁰ Священник Константин Ефимович Голубов (1842–1889) был от юности, прошедшей в прусском монастыре, воспитанником отца Павла, незаурядным миссионером, издателем журнала «Истина» и многих книг против раскола. В 1870 году он был рукоположен во священника и вскоре назначен епархиальным противораскольническим миссионером и благочинным единоверческих приходов Псковской епархии. Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Исидор (Никольский) как-то спросил его, где он учился. На что тот без всякой шутки и совершенно определенно ответил: «В университете отца Павла». Отец

Павел стремился возродить тип обучения, в основе которого было Священное Писание, творения святых отцов и богослужебные тексты, то есть то, что можно отнести к первоисточникам религиозного знания. Причем во главе обучения стоял тот, кто не только теоретически изучил содержание этих текстов, но знал его опытно, много исполнив из того, о чем говорит Священное Писание и пишут святые отцы. Потому и тянулись к отцу Павлу сотни людей, жаждущих не лжеименного, а истинного знания и благочестия.

²⁰¹ Миссионерское обозрение. 1904. № 10. С. 1253–1255.

²⁰² Газ. «Московские ведомости». № 116 за 19 апреля 1895 г. С. 4.

²⁰³ *Максимов Христофор, протоиерей*. Воспоминание о последних днях о. архимандрита Павла (Прусского) // Вера и Церковь. 1907. Кн. 4. С. 569–572.

²⁰⁴ Там же. С. 573–574.

²⁰⁵ *Колосов Н. А.* Архимандрит Павел (Прусский). (Некролог). М., 1895. С. 20.

²⁰⁶ *Максимов Христофор, протоиерей*. Воспоминание о последних днях о. архимандрита Павла (Прусского) // Вера и Церковь. 1907. Кн. 4. С. 574.

²⁰⁷ Газ. «Московские ведомости». № 116 за 19 апреля 1895 г. С. 4.

²⁰⁸ Братское слово. 1895. № 9. С. 659.

²⁰⁹ Там же. № 8. С. 523–526.

²¹⁰ МГОМЗ. Ф. «Редкие, рукописные и старопечатные книги». Ед. хр. А-910/28. Л. 1–2.

²¹¹ Там же. Ед. хр. А-910/29. Л. 1.

²¹² Там же. Ед. хр. А-912. Л. 2.

²¹³ Там же. Ед. хр. А-910/305. Л. 1.

²¹⁴ Московский церковный голос. 1917. № 26. С. 5–6.

²¹⁵ Московский церковный голос. 1917. № 27. С. 6.

²¹⁶ В 1926 году председателем приходского совета Троицкой церкви в селе Борисове был избран сын Алексея Даниловича Иаков Алексеевич Зверев. В 1929 году на приходском собрании, в котором участвовало сто сорок девять человек, слушались официальные документы о религиозных обществах и было принято решение просить власти зарегистрировать общину*. Как и раньше, в Троицком приходе в 1926–1928 годах велись исповедные ведомости, из которых видно, что вся семья Зверевых была глубоко православной. В ведомости были записаны отец Алексея Даниловича, Даниил Павлович, его супруга, вдова Татьяна Васильевна, его братья, Федор Данилович и Дмитрий Данилович, его дети: Алексей, Елена, Иаков, его племянники: Наталья Федоровна, Мария Федоровна, Ольга Федоровна, Василий Федорович, Николай Дмитриевич, Михаил Дмитриевич, Георгий Дмитриевич, Иван Дмитриевич, Мария Сергеевна и Анна Акимовна и другие родственники**. В 1932 году Иаков Алексеевич был арестован вместе с группой односельчан; все они были обвинены в том, что вели антисоветскую и антиколхозную агитацию, дезорганизовали общие собрания колхозников, организовали 1 мая в селе Борисове крестный ход, а Иаков Алексеевич, кроме того, был обвинен в том, что занимал должность председателя церковного совета. Отвечая на вопросы следователя относительно выдвинутых против него обвинений, Иаков Алексеевич сказал: «Считаю неправильно, ошибочно лишение меня избирательных прав как состоящего председателем церковного совета. В 1930 году на мою жалобу, поданную в Ленинский РИК,

---

* МГОМЗ. Ф. «Редкие, рукописные и старопечатные книги». Ед. хр. А-918. Л. 83 об., 104.

** Там же. Ед. хр. А-910/100; А-910/101; А-910/102; А-910/103.

на неправильное лишение меня сельсоветом с активом, я был восстановлен как ошибочно лишенный. Действие сельсовета и его постановление в отношении меня — доведение твердого задания в 1931 году и в 1932 году — считаю неправильным. Со своей стороны также считаю, что правление колхоза в отношении моего хозяйства ведет линию неверную, на поданные мной четыре заявления в приеме в члены колхоза мне отказано, несмотря на то что урожай 1931 года, одну лошадь и сельскохозяйственный инвентарь я им сдал бесплатно»*. 3 июня 1932 года тройка при ПП ОГПУ Московской области приговорила Иакова Алексеевича к трем годам ссылки в Северный край**.

²¹⁷ МГОМЗ. Ф. «Редкие, рукописные и старопечатные книги». Ед. хр. А-912. Л. 6 об.-7.

²¹⁸ Московские церковные ведомости. 1918. № 3. С. 5.

²¹⁹ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. VI, вып. I. Деяния LXVI–LXXVII. М., 1918. С. 18–20.

²²⁰ МГОМЗ. Ф. «Редкие, рукописные и старопечатные книги». Ед. хр. А-912. Л. 9 об.-10.

²²¹ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. VII, вып. I. Деяния LXXVIII–LXXXII. М., 1918. С. 41–42.

²²² РГИА. Ф. 833. Оп. 1. Д. 12. Л. 7.

²²³ Там же. Л. 32–33.

²²⁴ Имеется в виду фундаментальная «Католическая энциклопедия» (Catholic Encyclopedia) в 15-ти томах, изданная в Нью-Йорке в 1907–1912 годах под патронажем кардинала Джона Фарли, архиепископа Нью-Йоркского (John Farley; 1842–1918).

---

* ГАРФ. Ф. 10035. Д. П-15525. Л. 99.

** Там же. Л. 148.

²²⁵ Вильгельм Андреевич Фетлер (1883–1957), уроженец Курляндской губернии, сын баптистского пастора. Окончил баптистский колледж в Лондоне и с 1907 года был баптистским пастором у латышей и проповедником баптизма среди православных в Санкт-Петербурге; его деятельность финансировалась английским миссионерским обществом, руководимым И. Картером. Фетлер образовал в столице первую общину баптистов, проповедуя и среди русской аристократии, и среди бедняков; для своих собраний он снимал огромные залы, в том числе в здании Государственной Думы. При его участии была создана община баптистов и в Москве. Был выслан из России в начале Первой мировой войны и организовал миссионерскую деятельность среди русских военнопленных в Германии, готовя их к проповедничеству после возвращения их на Родину. С 1917 года готовил миссионеров для России в Русском Библейском институте в городе Филадельфия в США. В 1920-х годах переехал в Латвию, а с началом Второй мировой войны — в США, где и умер, будучи президентом Русского Библейского Общества, одним из основателей которого был.

²²⁶ РГИА. Ф. 833. Оп. 1. Д. 12. Л. 136–138.

²²⁷ Там же. Л. 147.

²²⁸ Там же. Л. 168–169.

²²⁹ Там же. Л. 170.

²³⁰ Там же. Л. 172–173.

²³¹ Там же. Л. 221–222.

²³² Там же. Д. 13. Л. 143.

²³³ Там же. Л. 158–159.

²³⁴ Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Обзор деяний. Третья сессия. М., 2000. С. 193.

²³⁵ ГАРФ. Ф. Р-4369. Оп. 5. Д. 147. Л. 16–17, 43–45, 59–60, 132–133, 136, 154, 164–169.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	5
«От тьмы к свету, от гибели к спасению»	9
Труды по просвещению раскольников	43
Трудности в деятельности миссионеров после объявления «свобод»	103
Крестные ходы и миссионерские курсы	117
Апостольское служение	142
Время испытаний	243
<i>Приложение</i>	267

Духовно-просветительское издание

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Из раскола – в Церковь

**Житие мученика
Алексия Зверева**

Редактор *Н. В. Злых*

Корректоры: *Е. Г. Криницына, Н. В. Злых*

Художественный редактор *Е. Ю. Тихонова*

Подписано в печать 21 03 2019

Формат 70 × 100 ¹/₆ Бумага офсетная

Шрифт «Minion» Печать офсетная Усл печ л 17,3

Тираж 1000 экз Заказ 0000

Издание Регионального общественного фонда

«Память мучеников и исповедников

Русской Православной Церкви»

127253, Москва, Дмитровское ш , д 116, корп 2

info@fond.ru

www.fond.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»
150049, Ярославль, ул Свободы, 97

www.arvato.ru